ИГОРЬ И МИЛИЦА

ПОВЕСТЬ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

ЛИДИИ ЧАРСКОЙ

37,68,4 49.
РФ
повт.

133
4595

ИГОРЬ и МИЛИЦА

(СОКОЛЯТА)

* * *

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА ИЗЪ ВЕЛИКОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЫ

ЛИДІИ ЧАРСКОЙ

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМІІ Н. ГЕРАРДОВА

ПЕТРОГРАДЪ
1915

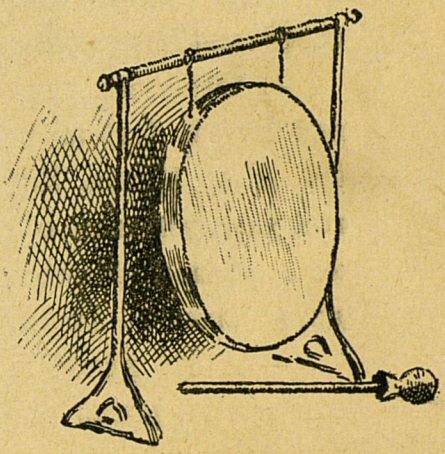
Тип. Акц. Общ. Типогр. Дѣла въ Петроградѣ, Изм. п., 7 рота, 26.

РОС. НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
С.Петербург
2001 РК - 1436/9

ГЛАВА I.

Звукъ гонга прозвучалъ надъ садомъ и протяжно замеръ вдали...

И въ тотъ же мигъ въ аломъ пламени заката, охватившемъ пожаромъ старый институтскій садъ, въ его тѣнистыхъ аллеяхъ замелькали небольшія женскія фигуры, устремившіяся на главную площадку, расположенную передъ крыльцомъ.



Второй ударъ гонга засталъ воспитанницъ уже выстроившимися стройными рядами передъ высокимъ подъѣздомъ массивнаго, величественнаго зданія, съ окнами, эффектно озаренными алымъ румянцемъ заходящаго солнца.

Классная дама въ синемъ платьѣ, съ очками на кругломъ добродушномъ лицѣ, нѣсколько разъ ударила въ ладони и, повышая голосъ, сказала:

— Въ пары, дѣти, въ пары. Идемъ къ ужину.

Стройно, двумя рядами, двинулись большія и маленькія воспитанницы въ длинныхъ форменныхъ платьяхъ, съ бѣлыми передниками, покрывающими цвѣтной жесткій камлотъ съ бѣлыми же пелеринками, наброшенными на плечи.

— Прощай до завтра, старый садъ!

Полная, русоволосая дѣвушка, находившаяся въ послѣдней парѣ, безпокойно оглянулась назадъ.

— А гдѣ же Милица? Ты не видала ее, Наля?

Высокая шатенка Наля Стремлянова покачала своей миніатюрной головкой.

— Она, кажется, была въ бесѣдкѣ на послѣдней аллеѣ. Слѣдовало бы ее позвать. А, впрочемъ, это дѣло Нюши. Кому же, какъ не нашей Горѣловой позаботиться о ея подругѣ?.. Боюсь, какъ бы не досталось Милѣ... Жаль ее... Она и такъ ходитъ какая-то грустная все послѣднее время.

— А ты думаешь, весело жить на чужбинѣ, да еще тогда, когда ея родина переживаетъ такіе тревожные дни?

— Ахъ, всѣ мы оторваны отъ родныхъ, всѣ мы здѣсь на той же чужбинѣ, — немного раздраженно произнесла толстушка. — Развѣ тебѣ, Налечка, пріятно прозябать нынѣшнее лѣто въ институтской тюрьмѣ? И какое глупое, какое нелѣпое правило

оставлять выпускной классъ на все лѣто въ институтѣ яко бы для усовершенствованія въ церковномъ пѣніи и языкахъ! Многому мы выучимся за три мѣсяца, подумаешь!

И толстенькая Вѣрочка капризно оттопырила губы.

— Ну, не скажи, — начала было ея подруга и замолчала, остановившись на полуфразѣ.

Передъ обѣими дѣвушками появилась синяя фигура классной дамы, Софьи Никаноровны Кузьмичевой, дежурившей это лѣто у выпускныхъ.

— Mesdemoiselles, вы не видѣли Петровичъ? Гдѣ она?

— Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же Петровичъ? Гдѣ Милица? — пронеслось по рядамъ институтокъ.

— Въ саду ея нѣтъ, mademoiselle Кузьмичева. Я послѣ перваго гонга обѣжала всѣ аллеи, — поспѣшила заявить маленькая, черноглазая, черноволосая Ада Зыркова, дежурившая въ этотъ день.

— Не можетъ быть, однако, чтобы она поднялась въ такую рань въ дортуаръ, — уже замѣтно начиная волноваться, сказала наставница.

— Надо спросить Нюшу. Нюша Горѣлова всегда съ Милицей. Попугайчики inseparables, Орестъ съ Пиладомъ... Спросите Нюшу! — послышалось изъ переднихъ паръ.

Худенькая, стройная, похожая на мальчика, съ задорными карими глазами, Нюша въ тотъ же мигъ предстала передъ озабоченнымъ лицомъ классной дамы.

— Гдѣ Петровичъ? Вы не видѣли ее? — И глаза изъ-подъ очковъ пытливо и внимательно посмотрѣли на молодую дѣвушку. Но каріе плутоватые глазки послѣдней стойко выдержали этотъ взглядъ.

Хотя Нюша Горѣлова, закадычная «на жизнь и на смерть» подруга молоденькой сербки Милицы Петровичъ, могла бы многое что разсказать, но она скорѣе дастъ отрѣзать себѣ языкъ, нежели выдастъ подругу. Не скажетъ она, гдѣ ея Миля, не скажетъ ни за что!

Потупляются лукавые, бойкіе глазки, складываются съ самымъ смиреннымъ видомъ «коробочкой» руки у таліи и, отвѣшивая низкій реверансъ, черненькая Нюша отвѣчаетъ самымъ невозмутимымъ тономъ:

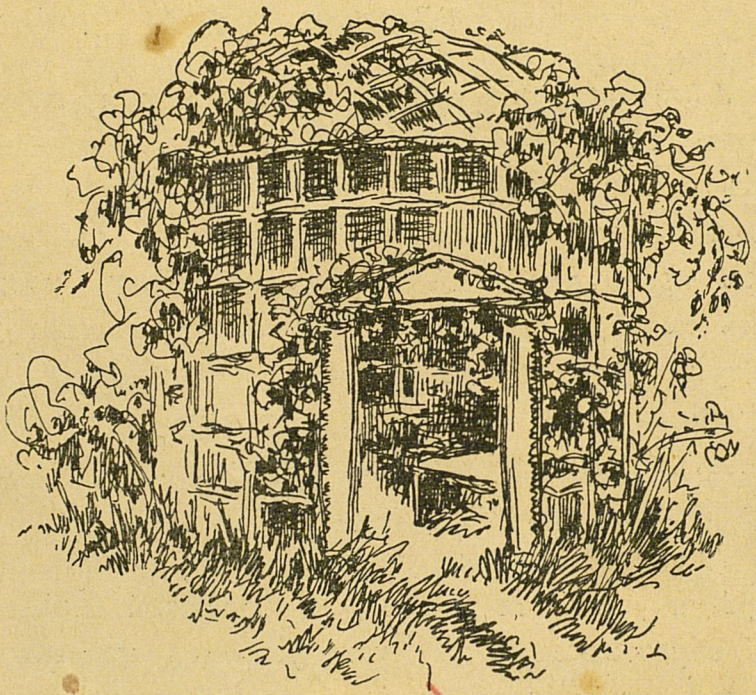
— Я не знаю, гдѣ Петровичъ, mademoiselle. Я ничего не знаю...

ГЛАВА II.

Алый пламень заката все еще купаетъ въ своемъ кровавомъ заревѣ садъ: и старыя липы, и стройные, какъ свѣчи, серебристые тополи, и нѣжныя бѣлостволыя березки. Волшебными кажутся въ этотъ часъ краски неба. А пурпуровый дискъ солнца, какъ исполинскій рубинъ, готовъ ежеминутно погаснуть тамъ, позади бѣлой каменной ограды, на мѣловомъ фонѣ которой такъ вычурно-прихотливо плететъ узоры кружево листвы, густо разросшихся вдоль бѣлой стѣны кустовъ и деревьевъ.

Гдѣ одна сторона каменной стѣны встрѣчается, образуя уголъ, съ другою, за плющевой бесѣдкой, въ образовавшемся за нею уютномъ маленькомъ уголкѣ, за кустами дикаго шиповника и волчьей ягоды, — тамъ любимое мѣсто Милицы. Онѣ, вмѣстѣ съ Нюшей Горѣловой, открыли его. И здѣсь онѣ проводятъ большую часть дня, устроившись на толстомъ корявомъ суку древней вѣковой липы. Днемъ здѣсь тѣнисто и не жарко подъ защитой высокой

стѣны, дающей прохладу вмѣстѣ со старою липой, гостепріимно разбросавшей свои зеленыя объятія, а вечеромъ всегда чудесно-свѣжо и, главное, пустынно и тихо, вдали отъ шумнаго роя подругъ, отъ доброй, но немного скучной m-lle Кузьмичевой,



постоянно требующей отъ воспитанницъ неизмѣнной, то французской, то нѣмецкой, болтовни. Здѣсь же, среди кустовъ и зелени, подъ защитой бѣлой каменной ограды, нѣтъ ни милыхъ шаловливыхъ воспитанницъ, ни требовательной Кузьмичевой.

Даже свою любимицу Нюшу Горѣлову отсылаетъ часто отсюда Милица, чтобы, какъ слѣдуетъ, вдоволь погрезить и помечтать наединѣ самой съ собою.

Ахъ, она любитъ эти тихіе вечерніе часы, эти алые закаты, это горящее гигантскимъ рубиномъ умирающее солнце! Любитъ — этотъ безшумно подкрадывающійся вечеръ, постепенно выводящій агатовую ночь... Увы, до самой ночи ей здѣсь нельзя оставаться! Съ первымъ ударомъ вечерняго гонга надо прощаться со своей милой засадой и спѣшить къ ужину и къ молитвѣ. Какая тоска! Опять шумъ и гомонъ веселой дѣвичьей стаи, опять періодическіе выкрики Кузьмичевой: „Parlez français, mesdemoiselles, mais parlez donc français“ [1]), и милые, нѣжные заботы и разспросы Нюши, отъ которыхъ ей, Милицѣ Петровичъ, хочется убѣжать и скрыться на край свѣта порой.

Побыть бы подольше такъ, въ тишинѣ и покоѣ! Отдаться сладкимъ и грустнымъ мыслямъ о далекой любимой родинѣ, о томъ незабвенномъ и дорогомъ, что осталось позади, тамъ, далеко, на берегу тихаго Дуная и милой Савы.

И особенно теперь, когда темная туча собралась надъ родной стороною, когда послѣдней угрожаетъ

[1]) Говорите по-французски, барышни, да говорите же!

страшная опасность отъ руки болѣе могущественной и сильной сосѣдки-Австріи, послѣ этого несчастнаго убійства въ Сараевѣ австрійскаго наслѣдника престола эрцгерцога Франца-Фердинанда [1]), убійства, подготовленнаго и проведеннаго какими-то ненавидящими австрійскую власть безумцами, и которое австрійцы цѣликомъ приписываютъ едва ли не всему сербскому народу!

Когда Милица прочла извѣстіе объ этомъ роковомъ убійствѣ, то пришла въ ужасное волненіе, точно предчувствуя тѣ послѣдствія, которыя повлечетъ за собой этотъ роковой случай. Точно кто-то шепнулъ Милицѣ про эти страшныя послѣдствія для ея милой родины; кто-то подсказываетъ ей, что грозная сосѣдка маленькой Сербіи, Австрія, придерется къ роковому случаю, чтобы извлечь, возможно больше, выгодъ для себя за счетъ мирныхъ сосѣдскихъ владѣній маленькаго королевства. Какъ и всѣ ея одноплеменники тамъ, далеко, на берегахъ синяго Дуная и Савы, Милица, оторванная уже шесть лѣтъ отъ родины, угадывала со дня Сараевскаго случая всю неизбѣжность войны. Когда же появились въ газетахъ несправедливыя, жестокія

---

[1]) 15 іюня 1914 г. въ Сараевѣ, городкѣ, принадлежащемъ по аннексіи Австріи и населенномъ по большей части сербами, были выстрѣлами изъ револьвера убиты эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ съ супругой.

требованія, предъявленныя ожесточенной Австріей маленькому Сербскому королевству за Сараевское убійство, на которыя все-таки почти согласилась Сербія, и которыя, однако, не умиротворили Австрію, — всѣ еще разъ поняли, что война неизбѣжна. Газетное сообщеніе о предъявленныхъ условіяхъ Сербіи Австріею, Милица прочла наканунѣ вмѣстѣ съ подругами послѣ вечерней молитвы и теперь душа молоденькой сербки не находила себѣ покоя.

Шесть лѣтъ тому назадъ, въ силу сложившихся обстоятельствъ, ея тетка, сестра отца и вдова убитаго въ турецкую войну русскаго офицера, взяла изъ родительскаго дома тогда еще десятилѣтнюю дѣвочку Милицу и привезла ее въ Петроградъ.

Вся семья отставного капитана Петровича, отца Милицы, сражавшагося когда-то противъ турокъ въ рядахъ русскаго войска и раненаго турецкой гранатой, оторвавшей ему обѣ ноги по колѣно, жила на скромную пенсію главы семейства. Великодушный русскій государь повелѣлъ всѣхъ дѣтей капитана Петровича воспитывать на казенный счетъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ нашей столицы.

Старшія сестры Милицы, которой еще не было тогда и на свѣтѣ, Зорка и Селена, теперь уже далеко не молодыя женщины, имѣющія уже сами взрос-

лыхъ дѣтей, получили образованіе въ петроградскихъ институтахъ. Старшій братъ ея, Танасіо, давно уже посѣдѣвшій на сербской военной службѣ, окончилъ петроградское артиллерійское училище. И ее, маленькую Милицу, родившуюся больше, чѣмъ двадцать лѣтъ спустя послѣ турецкой войны, тоже отдали въ петроградскій институтъ, какъ только ей исполнилось десять лѣтъ отъ роду.

Изъ всей семьи только Іоле, маленькій сынъ капитана Петровича, бывшій только на годъ старше Милицы, провелъ все свое дѣтство на родинѣ, подъ бокомъ у престарѣлыхъ родителей. Счастливчикъ Іоле! Онъ могъ теперь, въ это тяжелое время, быть вмѣстѣ съ ними! Могъ обсуждать совмѣстно съ дорогими стариками грозныя обстоятельства, надвигающіяся тучей съ австрійскаго горизонта! А она, Милица, она здѣсь — одна... Правда, ее любятъ подруги. Правда, онѣ всѣ здѣсь такъ предупредительны и добры къ ней. Весь классъ носитъ ее на рукахъ, какъ говорится, и обращается съ нею такъ чутко и нѣжно. Но никакія заботы, никакое сердечное расположеніе этихъ милыхъ дѣвушекъ не смогутъ замѣнить ей, Милицѣ, хоть одинъ часъ (хотя бы одинъ только) пребыванія ея тамъ, на родномъ берегу тихаго Дуная, подъ родительскимъ кровомъ милаго, маленькаго, бѣлаго домика, среди

дорогихъ, близкихъ сердцу! Вмѣстѣ бы надѣяться и вмѣстѣ бы горевать съ ними въ эти грозные и печальные дни! Что-то жгуче-острой волной приливаетъ сейчасъ къ сильно бьющемуся сердцу Милицы. Неудержимая грусть заставляетъ вдругъ забиться сильно-сильно это маленькое встревоженное дѣвичье сердечко. И синіе, синіе, какъ воды родной рѣки, глаза дѣвушки туманятся теперь слезами.

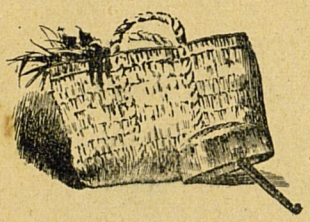
Вотъ вспыхиваетъ острымъ воспоминаніемъ мысль... Близкимъ воспоминаніемъ родного прошлаго... Дорогія сердцу картины, которыхъ ни даль разстоянія, ни время разлуки никогда, никогда не вытѣснятъ у нея изъ головы...

Вотъ она, безгранично дорогая сердцу рѣка. Сколько слезъ народныхъ видѣли на своемъ вѣку эти тихія, безмятежныя по виду воды!.. Греки, турки, болгары, австрійцы не однажды проникали сюда, въ маленькое королевство, въ его столицу, въ бѣлый городъ. На противоположномъ берегу рѣки, въ какой-нибудь верстѣ разстоянія всего лишь отъ Бѣлграда, стоитъ могущественная, сильная крѣпость австрійцевъ Землинъ, съ дулами орудій, зловѣще выглядывающими изъ амбразуръ ея и направленными на сербскую столицу, утонувшую въ зелени изумрудныхъ виноградниковъ и въ кущахъ тѣнистыхъ каштановъ и тутовыхъ садовъ.

Бѣлые, чистенькіе, по большей части одноэтажные домики. Изрѣдка лишь попадаются трехъэтажныя зданія на главной улицѣ и на городской площади. Это — казенныя зданія, правительственные дома. И роскошный поэтичный паркъ, разбитый на старыхъ валахъ крѣпости, надъ самымъ берегомъ рѣки.

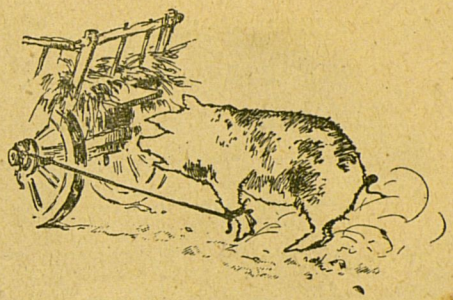
И большой, красивый королевскій дворецъ «Новый Конакъ» на улицѣ князя Михаила, съ окружающимъ его нарядным садомъ...

Неподалеку отсюда кипитъ ярмарочная площадь. Сюда съѣзжаются окрестные крестьяне въ повозкахъ, запряженныхъ волами. Здѣсь продаютъ мясо, живность, поросятъ.



Сколько разъ въ раннемъ дѣтствѣ убѣгала сюда вмѣстѣ съ Іоле, сопровождая няню Драгу, въ утренніе, ранніе часы Милица! Синій Дунай въ эти часы отливалъ золотомъ восходящаго солнца. Тѣнь бросала на дорогу изысканное кружево рисунка отъ листвы каштановыхъ и тутовыхъ деревьевъ. Бѣлые домики города казались такими чистенькими, точно вымытыми чисто-начисто въ этотъ ранній утренній часъ. И какъ весело было торговаться и спорить вмѣстѣ со старой Драгой, съ продавцами-крестьянами, не выпускавшими своихъ

трубокъ изо ртовъ, подъ визгъ поросятъ, привязанныхъ на веревкахъ къ колесамъ повозокъ. И потомъ возвращаться домой, нагруженными покупками и пить горячій турецкій мокка, мастерски приготовленный матерью. А вечеромъ прогулки въ тѣнистыхъ аллеяхъ Калемегдана [1]), надъ тихо катящимъ свои волны Дунаемъ. Впереди мать осторожно подвигаетъ впередъ кресло отца-калѣки; за ними чинно выступаютъ они, дѣти — Іоле и Милица. На ней низка ожерелья изъ дукатовъ и праздничное нарядное платье. А маленькій Іоле еще нарядн̀ѣе. На немъ турецкій костюмъ: джемаданъ [2]) изъ алаго бархата, суконная тюрче [3]), подбитая мѣхомъ, силай [4]). За него заткнуты игрушечный пистолетъ и ножикъ съ рукояткой изъ слоновой кости. И поверхъ этого кожанаго пояса другой, еще болѣе широкій — шелковый, съ бахромою. Красивые цвѣтные чакширы [5]), на головѣ щегольская шапочка. Когда-то



1) Калемегданъ — общественный паркъ въ Бѣлградѣ.
2) Джемаданъ — родъ жилета со шнурками.
3) Тюрче — куртка.
4) Силай — широкій кожаный поясъ.
5) Чакширы — особаго вида шаровары.

этотъ костюмъ носилъ ихъ герой-отецъ, когда былъ такимъ же маленькимъ, какъ Іоле; потомъ старшій братъ артиллеристъ Танасіо, тоже въ свою бытность ребенкомъ. Теперь онъ перешелъ къ Іоле, къ красавчику Іоле, любимцу семьи.

Какъ тяжело было шесть лѣтъ тому назадъ уѣзжать изъ дому! Помнитъ Милица послѣдній вечеръ дома. Обѣжала она съ Іоле и Драгой улицу князя Михаила въ послѣдній разъ. Сбѣгали къ самой водѣ Дуная... Углублялись въ тѣнистыя аллеи Калемегдана. Слушали музыку оркестра, особенно четко раздающуюся надъ водой. Потомъ послѣдній ужинъ дома. Ужинъ за круглымъ столомъ, озареннымъ уютнымъ свѣтомъ лампы. Вкусная пшенная каша, сдобренная бѣлоснѣжнымъ свинымъ саломъ съ тыквой и баклажанами изъ своего огорода. Потомъ напутствіе отца... Слезы матери... Опять суровыя и ласковыя въ то же время рѣчи родного тато [1]) о долгѣ, о прилежаніи, о благодарности великодушному русскому государю и друзьямъ русскимъ и, наконецъ, послѣдняя ночь подъ домашнимъ кровомъ... Послѣдняя осенняя ночь, Бѣлградская ночь, съ ея бархатнымъ небомъ, съ тихимъ плескомъ Дуная, съ нѣжнымъ шопотомъ каштановъ и яблонь въ саду... И печальные, заплаканные глаза

[1]) Тато — по-сербски означаетъ папа.

матери у постели... И заглушенный подушкой плачъ братца Іоле, желавшаго показаться во что бы то ни стало «мужчиной» въ эти грустные часы, и стойко скрывавшаго свои слезы передъ разлукой съ любимой сестренкою... А тамъ отъѣздъ... Смуглое лицо тети Родайки, ея утѣшенія въ дорогѣ и тоска по оставшимся дома, злая, гнетущая тоска...

ГЛАВА III.

— Милица!

— Ты, Нюша?

— Боже мой, Миличка, ты все еще здѣсь, а тебя тамъ хватились. Ищутъ. Никому и въ голову не пришло, конечно, заглянуть сюда. Кузьмичиха наша волнуется страшно, и, кажется, думаетъ, что ты сбѣжала совсѣмъ. Потѣха! Куда скрылась «млада сербка», не знаетъ никто, кромѣ вашей покорной слуги, конечно. А ты притихла, какъ мышка, тебѣ и горя мало. И про Нюшу свою забыла совсѣмъ. Хороша, нечего сказать! — и маленькая Горѣлова укоризненно покачиваетъ головкой.

— А я замечталась опять, Нюша, прости, милая! — Сине-бархатные глаза Милицы теплятся лаской въ надвигающихся сумеркахъ іюльскаго вечера; такая же ласковая улыбка, обнажающая крупные, бѣлые, какъ мыльная пѣна, зубы дѣвушки, играетъ сейчасъ на смугломъ, красивомъ лицѣ, озаренномъ ею, словно лучомъ солнца. Такъ мила и привлекательна сейчасъ эта серьезная, всегда не-

много грустная Милица, что Нюша, надувшаяся было на подругу, отнюдь не можетъ больше сердиться на нее и съ легкимъ крикомъ бросается на грудь Милицы.

— Я люблю тебя, Милица, люблю, люблю! — горячо и искренно восклицаетъ Нюша. Потомъ отстраняется отъ Милицы и смотритъ въ лицо подруги пытливо и серьезно, не говоря ни слова, нѣсколько секундъ.

— А у тебя опять заплаканные глаза, Миля? Ты плакала, да? О чемъ?

Статная, сильная Петровичъ на цѣлую голову выше свое маленькой, хрупкой подруги. Она быстро наклоняется къ Нюшиному уху и шепчетъ ей тихо, чуть слышно:

— Молчи, молчи... Если бы твои мать и отецъ и любимый братъ, такой, какъ Іоле, находились бы такъ далеко, могла бы ты веселиться безъ нихъ?

— Упаси, Богъ! — съ искреннимъ ужасомъ прерываетъ ее Нюша.

— Ну, такъ вотъ, видишь. Вотъ почему я и не могу быть веселой сейчасъ. Однако, пойдемъ... Боюсь, чтобы не вышло непріятностей на самомъ дѣлѣ.

— Вотъ, когда хватилась! Ахъ, млада сербка, млада сербка, угомона на тебя нѣтъ, — забубнила

ворчливымъ тономъ Нюша, заставляя снова проясниться улыбкой строгое и грустное лицо подруги.

Алыя краски заката давно погасли. Тихій, прохладный іюльскій вечеръ уже сплелъ надъ садомъ прозрачную паутину своихъ грустныхъ сумерекъ. Въ окнахъ большого зданія засвѣтились огни. И Богъ знаетъ почему, напомнили эти освѣщенныя окна института другіе далекіе огни Милицѣ Петровичъ: золотые огни бѣлградскихъ домовъ и крѣпости, и огромнаго дома скупщины, отраженные черными въ вечерній поздній часъ водами Дуная.

И опять болѣзненно сжалось сердце острой тоской, тоской по родинѣ. И тяжелый вздохъ вырвался изъ груди Милицы.

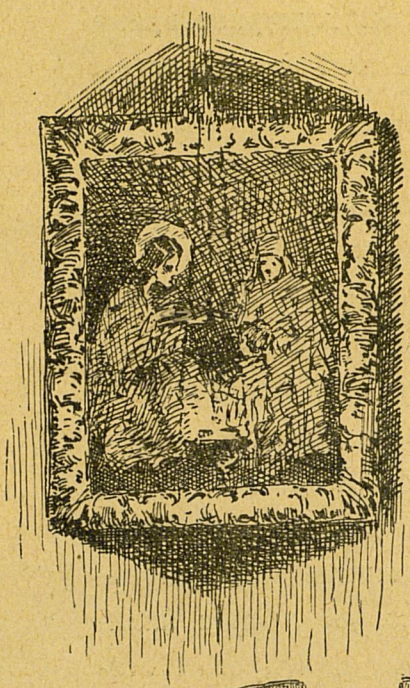
Ужинъ былъ уже конченъ, когда обѣ дѣвушки появились въ столовой. Шла вечерняя молитва. M-lle Кузьмичева метнула строгимъ взоромъ изъподъ очковъ въ сторону вошедшихъ, но, встрѣтивъ спокойный и невинный взглядъ большихъ синихъ глазъ Милицы, какъ-то успокоилась сразу.

Милица Петровичъ была гордостью и украшеніемъ Н-скаго института. Училась и вела себя она прекрасно и считалась здѣсь одною изъ примѣрныхъ воспитанницъ. Во всякомъ случаѣ, чего-либо дурного отъ нея ожидать было никакъ нельзя, а такой поступокъ, какъ самовольное опозданіе къ

ужину и къ молитвѣ въ лѣтнее каникулярное время считалось далеко не такой уже важной провинностью противъ институтскихъ правилъ.

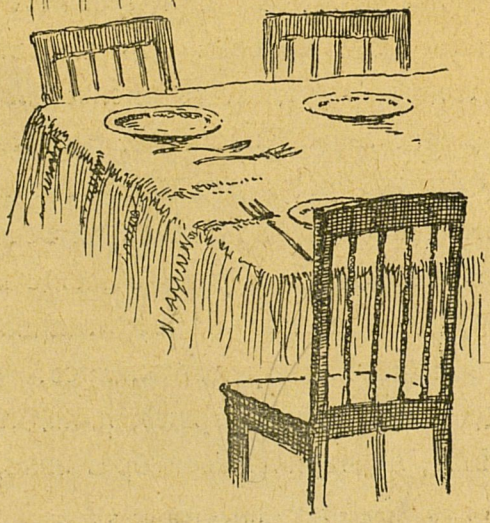
Стройными рядами выстроились институтки около столовъ, ближайшихъ ко входу въ столовую. Остальные столы, дальніе, пустовали. Весь институтъ отсутствовалъ, разъѣхавшись на лѣтніе вакаціи, за исключеніемъ старшаго класса, которому надлежало, согласно старымъ традиціямъ, проводить лѣто въ учебномъ заведеніи для усовершенствованія въ языкахъ и церковномъ пѣніи, да еще десятка два воспитанницъ младшихъ классовъ, родители или родственники которыхъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, не могли взять дѣвочекъ на лѣтнее каникулярное время домой. Огромная полупустая столовая казалась теперь еще больше. Съ дальняго образа, озареннаго тихимъ мерцаніемъ висячей лампады, кротко сіяло ясное лицо Спасителя, благословляющаго дѣтей. Сколько разъ это божественное лицо приковывало къ себѣ взоры Милицы на вечерней и утренней молитвѣ. Сколько разъ ей, еще маленькой седьмушкѣ[1]), потомъ, позже, воспитанницѣ-подростку среднихъ классовъ представлялось, что тамъ, на этой священной картинѣ-образѣ, находятся и они оба — она и Іоле, ея черноглазый братишка, и

[1]) Младшимъ классомъ въ институтѣ считается седьмой.



ихъ обоихъ, въ числѣ другихъ дѣтей, благословляетъ Христосъ.

Со дня своего отъѣзда изъ Бѣлграда, Милицѣ ни разу еще не приходилось съѣздить хотя бы на самое короткое время домой. Всѣ эти шесть лѣтъ проводила она каникулы у тети Родайки Петровичъ, снимавшей на лѣтнее время крошечную избушку-дачу въ одной изъ пригородныхъ деревень. Теперь Іоле уже, конечно, не тотъ, какимъ она его помнитъ, важно выступающимъ по тѣнистымъ аллеямъ Калемегдана, въ его живописномъ праздничномъ нарядѣ.



Въ послѣднемъ письмѣ мать писала Милицѣ,

что у него уже пробиваются усики и что онъ дѣлаетъ поразительные успѣхи въ военной школѣ, на радость имъ, старикамъ.

Какъ скоро промчались, однако, эти шесть лѣтъ, несмотря на долгую разлуку! Уже восемнадцатый годъ пошелъ Іоле, а ей, Милицѣ, уже стукнуло шестнадцать минувшей весною... Она — почти большая.

...«Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое»... красиво и стройно заканчиваетъ всеобщую молитву хоръ пѣвчихъ-институтокъ, прерывая мысли Милицы. И вслѣдъ за тѣмъ съ шумомъ отодвигаются деревянныя скамьи. Институтки снова выстраиваются въ пары и направляются къ выходу изъ столовой.

— Миличка!.. Милица!.. Петровичъ!.. Гдѣ ты была, млада сербка? Куда запропастилась, скажи, пожалуйста? Кузьмичиха наша уже заявленіе въ полицію подавать собиралась... Всѣхъ сторожей на поиски разослала и сама надъ ними командованіе принять уже собралась... Видишь, какой у нея воинственный видъ пріобрѣлся сразу. Экспедиціонный отрядъ вышелъ бы хоть куда!..

О, эта Женя Левидовичъ! Всегда насмѣшливая, всегда подтрунивающая надъ всѣмъ и надъ всѣми.

Милица хочетъ отвѣтить одноклассницѣ въ томъ же шутливомъ тонѣ и не успѣваетъ. Навстрѣчу двумъ длиннымъ шеренгамъ воспитанницъ, подвигающимся къ выходу изъ столовой, появляется инспектриса Н-скаго института, Валерія Дмитріевна Коробова, замѣняющая должность уѣхавшей лечиться на лѣтнее время за границу начальницы. Лицо Валеріи Дмитріевны сейчасъ торжественно и блѣдно. Въ рукѣ она держитъ листъ газеты, и пальцы, сжимающіе этотъ листъ, замѣтно дрожатъ. И такъ же замѣтно вздрагиваютъ въ волненіи сухія старческія губы.

— Дѣти, — обращается она къ остановившимся сразу при ея появленіи посреди столовой воспитанницамъ, — дѣти, то, чего такъ трепетно ждали эти послѣдніе дни на нашей славной родинѣ и въ далекомъ маленькомъ королевствѣ Сербіи, свершилось. Вы уже знаете, что какіе-то злоумышленники въ Сараевѣ, въ городѣ, населенномъ по большей части славянами и отошедшимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ Турціи къ Австріи вмѣстѣ со всею Босніей и Герцеговиной, убили австрійскаго эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жену во время ихъ пребыванія тамъ. Австрійское правительство, всегда весьма недоброжелательно относившееся къ славянамъ, обвинило теперь въ этомъ убійствѣ тѣхъ,

кто совершенно не повиненъ въ ужасномъ кровавомъ дѣлѣ и представило сербскому правительству карающія за это убійство условія, такія несправедливыя и жестокія, которыя другое государство отвергло бы съ негодованіемъ и возмущеніемъ. Но Сербія, не желая нарушать мира, вопреки даже чувству своего достоинства, какъ самостоятельнаго и независимаго государства, все-таки согласилась почти на всѣ эти ужасныя требованія, кромѣ одного-двухъ пунктовъ... Однако, Австрія, ища во что бы то ни стало разоренія своей маленькой сосѣдки, несмотря даже на ея уступки, объявила ей войну. И вотъ, изъ этой газеты уже извѣстно о нападеніи австрійцевъ на сербское судно... О бомбардировкѣ Бѣлграда изъ крѣпости Землинъ, о...

Старая инспектриса смолкаетъ на полусловѣ. Развернутая газета выскальзываетъ у нея изъ рукъ и съ тихимъ шелестомъ падаетъ на полъ. Отчаянный, душу раздирающій крикъ проносится въ ту же минуту по огромной столовой, и Милица Петровичъ, лишившись чувствъ, падаетъ на руки подоспѣвшихъ къ ней подругъ.

ГЛАВА IV.

Рано и безшумно разошлись въ этотъ вечеръ по своимъ угламъ выпускныя институтки. Рано засвѣтились на ночныхъ столикахъ у постелей огоньки ихъ «собственныхъ» свѣчей. Дѣвушки собирались въ группы на кроватяхъ сосѣдокъ и вполголоса совѣщались между собой о наступившихъ событіяхъ. Говорили тихо, почти шопотомъ, чтобы не потревожить измученную слезами и горемъ Милицу Петровичъ, совмѣстными усиліями подругъ уложенную въ постель.

Около затихшей, обложенной подушками, молодой сербки оставалась дежурить одна только Нюша Горѣлова. Она съ трогательной заботливостью мѣняла мокрыя, смоченныя водой съ одеколономъ, полотенца на черненькой головкѣ Милицы, давала ей отъ времени до времени нюхать спиртъ, поила успокоительными каплями. Она, какъ и всѣ ея одноклассницы, воспротивилась помѣщенію Милицы въ лазаретъ, увѣривъ классную наставницу, уже собрав-

шуюся было отправить туда Милицу, что тутъ, среди подругъ, на людяхъ, молоденькой сербкѣ будетъ легче переносить ея горе. Дѣйствительно, горе Милицы было глубоко, и она какъ бы замерла въ немъ. Глубокій обморокъ дѣвушки смѣнился потрясающими душу слезами. Молоденькая сербка рыдала такъ, что вчужѣ было жалко смотрѣть на нее. Впрочемъ, плакала не одна Милица. Глядя на свою любимицу, весь старшій классъ не могъ удержаться отъ слезъ. Всѣ знали изъ разсказовъ юной сербки о ея далекой маленькой родинѣ, такой безобидной и дружественной, о смѣломъ и отважномъ маленькомъ народѣ. Знали и объ отцѣ Милицы, старомъ боевомъ героѣ, грудь котораго была вся увѣшена орденами, пожалованными ему еще Императоромъ Александромъ Вторымъ. Знали о старшемъ, уже пожиломъ, братѣ Милицы — артиллеристѣ... И о красавчикѣ, любимцѣ ея, мальчикѣ Іоле, которому по карточкѣ и по разсказамъ, не жалѣвшей описательныхъ красокъ Милицы, заочно симпатизировалъ весь классъ. И теперь каждая изъ этихъ милыхъ, чуткихъ и отзывчивыхъ дѣвушекъ отлично сознавала ту огромную опасность, которая грозила всему Бѣлграду, съ его жителями, всей маленькой, гордой и прекрасной странѣ, готовой подняться, какъ одинъ человѣкъ на защиту своей ро-

дины, честь которой была такъ несправедливо оскорблена ея жестокой сосѣдкой.

Обычное вечернее шумное движеніе въ дортуарные часы, это лучшее институтское время для юныхъ затворницъ, смѣнилось тихимъ и безшумнымъ.

Собиравшіяся въ группы институтки толковали сдержанно, тихо волнуясь, строя предположенія и тутъ же разрушая ихъ, споря между собой.

— Теперь и у насъ съ нѣмцами война неизбѣжна, потому что Сербію не оставитъ въ такое тяжелое время нашъ ангелъ-Государь... Это говорилъ мнѣ мой папа, когда заходилъ ко мнѣ дня три тому назадъ. Папа говорилъ, что германскій императоръ Вильгельмъ непремѣнно станетъ на сторону своихъ союзниковъ-австрійцевъ, — говорила, оживленно жестикулируя, хорошенькая брюнетка Аля Миродай.

— Конечно, за этихъ противныхъ австріяковъ заступится Вильгельмъ, — хорохорилась Зина Любинская, всегда очень интересовавшаяся политикой и прозванная остроумной Женей Левидовичъ «министромъ безъ портфеля» къ немалому неудовольствію самой Зины.

— Непремѣнно заступятся другъ за друга колбас-

ники! Вотъ увидите, непремѣнно... — подтвердило еще нѣсколько голосовъ.

— Тише, mesdam'очки, тише, Милю разбудите; она только что задремала, бѣдняжка!

— Какъ хотите, дѣти мои, а если это такъ дѣйствительно случится, то я Лизѣ Кранцъ съ нынѣшняго дня перестаю симпатизировать и подвергаю ее бойкоту. Вѣдь она нѣмка! — объявляетъ маленькая, со вздернутымъ носикомъ, блондинка Катя Парфенова.

— Ну и глупо, — вполголоса обрываетъ ее Наля Стремлянова, насмѣшливо покачивая головкой, — Лиза Кранцъ — остзейская нѣмка и наша русская подданная и смѣшно, право...

— Завтра, mesdames, молебенъ будетъ, — перебивая Налю, говоритъ ея подруга Вѣрочка, — молебенъ о ниспосланіи побѣды сербскому оружію, у насъ въ церкви, я слышала, какъ инспектриса говорила нашей Кузьмичихѣ.

— Если будетъ война у насъ съ австрійцами и нѣмцами, то моихъ обоихъ братьевъ возьмутъ: оба — офицеры, — слышится чей-то грустный голосокъ.

— А у меня папу. Папа полковой командиръ, — вторитъ ему другой.

— И мой папа пойдетъ. Онъ командуетъ пол-

комъ, недалеко отъ австрійской границы. Въ первую голову пойдетъ со своими солдатами.

— Господи! Господи! — слышится чей-то тихій подавленный вздохъ.

И вдругъ совсѣмъ едва внятное рыданіе раздается въ дальнемъ углу дортуара. Это плачетъ Маша Пронская. Ея отецъ тоже завѣдуетъ пограничнымъ отрядомъ таможенниковъ и, навѣрное, при объявленіи войны, первымъ пойдетъ въ дѣло. Волненіе Маши передается и остальнымъ. Теперь всхлипыванія учащаются. То въ одномъ, то въ другомъ уголкѣ длинной, похожей на казарму, комнаты раздаются тихія заглушенныя рыданія.

Кружки дѣвушекъ сближаются тѣснѣе. Крѣпче прижимаются онѣ одна къ другой... Прильнувъ плечомъ къ плечу подруги, тихо, беззвучно плачутъ онѣ. Нѣтъ ни одной изъ здѣсь находящихся воспитанницъ, у которой не было бы отца, брата или родственника, служащаго на военной службѣ. Даже самыя благоразумныя и сдержанныя повѣсили сейчасъ головы. Что-то гнетущее, тяжелое, какъ тяжелая, свинцовая, предгрозная туча повисло надъ всѣми этими печально-поникшими головками. Разрывались дѣвичьи сердечки, въ предчувствіи возможныхъ грядущихъ бѣдствій. Хотѣлось каждому изъ этихъ юныхъ, затуманенныхъ печалью, существъ без-

удержно заплакать, зарыдать навзрыдъ, слабо, жалобно, по-дѣтски.

Уже Вѣрочка Иванова, прильнувъ къ своей подругѣ Налѣ, задыхается отъ беззвучныхъ рыданій, а маленькая, жизнерадостная блондинка Парфенова, которая только что собиралась бойкотировать нѣмку Кранцъ, теперь плачетъ трогательно и безпомощно, по-дѣтски, тиская мокрыми пальцами смятый въ комокъ носовой платочекъ. Никто уже не хочетъ больше слушать другъ друга. Всѣ отдались захватившему ихъ порыву. Лишь немногія, сохранившія спокойствіе, шопотомъ утѣшаютъ подругъ, но и эти готовы заразиться всеобщимъ угнетеннымъ настроеніемъ, разрядившимся горькими слезами.

И вотъ, заглушая неожиданно сразу всѣ эти всхлипыванія, весь этотъ плачъ, низкимъ грудным голосомъ заговорила дѣвушка съ синими глазами и смуглымъ, нерусскимъ южнымъ лицомъ. Когда поднялась со своей постели Милица Петровичъ; какъ успѣла она незамѣтно приблизиться къ самой большой группѣ воспитанницъ, собравшихся у кровати Нали Стремляновой, рѣшительно никто не успѣлъ замѣтить.

И только, когда синіе, сейчасъ заплаканные, съ припухшими вѣками, глаза Милицы обвели собравшихся въ кружокъ дѣвушекъ, а глубокій, низкій,

грудной голосъ ея прозвучалъ надъ всѣми этими склоненными головками, многія изъ нихъ опомнились и подняли на говорившую влажные отъ слезъ глаза...

— Ты? Миля? Зачѣмъ ты встала? Тебѣ лучше? — полетѣли отовсюду вопросы.

— Встала затѣмъ, чтобы успокоить васъ, милыя вы мои, — зазвучалъ снова бархатистыми нотками глубокій голосъ Милицы, — чтобы сказать вамъ, что преждевременны ваши слезы. Подтвердить вамъ то, что я съ дѣтскихъ лѣтъ слышала отъ моего отца, стараго боевого ветерана, отъ брата Танасіо, офицера и удальца. Русскій народъ — славный народъ. Полки ваши многочисленны, войска такъ сильны, что никакіе австрійцы и нѣмцы вамъ не могутъ быть страшны. И вашъ великодушный государь двинетъ эти полки на защиту нашего маленькаго славянскаго народа... Я вѣрю, что при помощи русскаго войска мы побѣдимъ сильнѣйшаго врага. И мнѣ стыдно сейчасъ, что я плакала, какъ маленькая дѣвочка; мнѣ было страшно за Бѣлградъ, за тато, за милую мамочку, за Іоле, моего любимца... Вѣдь въ нихъ, въ нашъ городъ направлены теперь австрійскіе снаряды. Вѣдь каждый изъ бѣлградцевъ, ихъ жены и дѣти находятся въ смертельной опасности сейчасъ... Но отчаяніемъ и слезами все равно ни-

чему не поможешь... Надо твердо уповать на побѣду и молиться о ниспосланіи ея. Да, плакать не время... Если бы нашъ народъ былъ такимъ же многочисленнымъ, могущественнымъ и сильнымъ, какъ вы — русскіе, развѣ хоть капля сомнѣнія или отчаянія могли бы проникнуть въ мою душу, когда я узнала о войнѣ нашихъ съ этой жестокой и кровожадной Австріей? — закончила вопросительно свою горячую рѣчь Милица, и обвела тѣснившихся вокругъ нея подругъ горячимъ, сверкающимъ взглядомъ.

Ея смуглое лицо раскраснѣлось. Слѣды недавняго отчаянія и слезъ уже давно исчезли съ него. Ихъ замѣнила непоколебимая увѣренность, сквозившая теперь въ каждой черточкѣ этого юнаго, воодушевленнаго личика, горячая увѣренность въ чистоту праваго дѣла, въ побѣду...

И это настроеніе молоденькой сербки передалась невольно и ея юнымъ подругамъ. Лица дѣвушекъ прояснились; носовые платки постепенно исчезли и вновь загорѣвшіеся оживленіемъ синіе, сѣрые, каріе и черные глазки устремились въ смуглое лицо Милицы.

— Она права, млада-сербка права, mesdames,— первая подняла голосъ Наля Стремлянова, — рано еще объявлена, а объявятъ ее — такъ развѣ же не можемъ мы быть увѣрены въ несомнѣнной побѣдѣ

нашихъ? Вѣдь, защищая обиженныхъ братьевъ-славянъ, подниметъ оружіе наша милая родина, голубушка-Россія. Такъ говорили мнѣ мои братья, мой отецъ, всѣ старшіе. Такъ неужели же Господь не поможетъ намъ побѣдить зазнавшагося врага?

— Побѣдятъ! побѣдятъ! конечно! — вдохновенно подхватили кругомъ молодые голоса, — Господь Богъ ниспошлетъ побѣду тѣмъ, кто обиженъ невинно, чье дѣло право и честно, иначе не можетъ быть.

Въ тотъ же вечеръ, когда уснули ближайшія сосѣдки по дортуару Милицы и мѣрное дыханіе спящихъ воспитанницъ наполнило тишину огромной спальни, молоденькая сербка вынула изъ ночного столика, хранившійся тамъ у нея огарокъ свѣчи, а изъ пачки бумагъ, находящейся тутъ же, въ шкатулкѣ, почтовый листъ, конвертъ, дорожную чернильницу и ручку.

Нѣсколькими минутами позже она уже писала при свѣтѣ огарка подъ монотонное похрапываніе сосѣдокъ по дортуару, со сжатыми бровями и сосредоточеннымъ лицомъ.

«Дорогая тетя Родайка!

Ты уже, конечно, знаешь то, что знаетъ весь Петербургъ, вся Россія, что не замедлитъ вскорѣ узнать и вся Европа и весь большой міръ. Австрія объявила войну намъ — сербамъ и уже разбойнически напала на нашу дорогую родину. Въ газетахъ уже есть слухъ о бомбардировкѣ Бѣлграда. Что переживаютъ тамъ наши близкіе, мы обѣ можемъ себѣ легко представить. И я, оторванная отъ семьи, находясь отъ нея такъ далеко, я не хочу въ это тяжелое для насъ всѣхъ время оставаться вдали отъ своихъ. Танасіо и Іоле пойдутъ, конечно, сражаться на ряду съ прочими нашими орлами-воинами, но бѣдный тато-калѣка и дорогая моя мамочка останутся безъ поддержки, одни. И я, какъ дочь ихъ, горячо любящая своихъ родителей, должна находиться въ это тяжелое время около нихъ, поддерживать ихъ бодрость, настроеніе, а также и уха-

живать за нашими ранеными воинами. Я умѣю накладывать повязки, промывать раны, словомъ, смогу быть полезной по мѣрѣ силъ и надобности. По крайней мѣрѣ, приложу къ этому всѣ усилія. И ты должна помочь мнѣ осуществить мое желаніе, тетя Родайка. Ты должна пріѣхать за мной и взять меня изъ института. Если ты скажешь, что я поѣду домой, на родину, въ Бѣлградъ, начальство, конечно, меня не отпуститъ изъ страха передъ возможной опасностью. Но, тетя Родайка, ты умная и чуткая и ты поймешь, что твоя Милица не сможетъ сидѣть сложа руки здѣсь, въ холѣ и довольствѣ, когда каждую минуту ея близкіе, дорогіе ея сердцу люди подвергаются смертельной опасности; когда, наконецъ, тамъ въ Бѣлградѣ, каждая рабочая рука на счету, каждый человѣкъ, каждая сестра милосердія, не говоря уже о большихъ дѣятеляхъ военнаго времени. И вотъ, я рѣшила наравнѣ съ другими нашими сербскими дѣвушками и женщинами оказать свою крохотную помощь героямъ-воинамъ. Пріѣзжай же за мною, тетя Родайка, и увези меня отсюда; увези покамѣстъ къ себѣ домой. Это, право же, не такъ трудно

сдѣлать. Каждая изъ насъ, старшеклассницъ, оставшихся на лѣто въ институтѣ, имѣетъ право провести дома или у родственниковъ двѣ-три недѣли каникулъ. Воспользуйся этимъ, тетя Родайка, молю тебя, и, получивъ это письмо, тотчасъ же пріѣзжай за любящей тебя твоей

Милицей».

ГЛАВА V.

Госпожа Родайка Петровичъ, старая, почтенная, много повидавшая на своемъ вѣку женщина, лучше чѣмъ кто-либо другой, знала душу своей любимой племянницы Милицы. Знала и то, что съ минуты объявленія войны Австріей Сербіи, молодая дѣвушка не найдетъ себѣ ни минуты покоя, находясь вдали отъ родины и семьи. Знала, что Милица будетъ порываться всѣмъ существомъ своимъ ѣхать въ Бѣлградъ, гдѣ находились сейчасъ въ такой опасности всѣ близкіе ея сердцу; что, все равно, всякія занятія и ученье въ институтѣ вылетитъ у нея изъ головы и, что самое лучшее будетъ — это доставить возможность дѣвушкѣ прослѣдовать на родину, гдѣ уже были вся ея душа, всѣ ея мысли. Поэтому тетя Родайка и согласилась, скрѣпя сердце, на просьбу племянницы. Согласилась пойти на компромиссъ съ собственной совѣстью и, скрывъ отъ институтскаго начальства истинную причину отъѣзда Милицы на каникулы, рискнула взять ее къ себѣ и отъ себя уже отправить дѣвушку въ дальній путь, на

ея родину, въ Бѣлградъ. Правда, сердце тети Родайки сжималось отъ страха за участь ея любимицы. Старуха отлично сознавала, что не на радость отправитъ она туда свою Милицу, что пребываніе въ обстрѣливаемомъ тяжелыми австрійскими пушками городѣ, чрезвычайно опасно для жизни обитателей сербской столицы. Но, съ другой стороны, сама глубокая патріотка, тетя Родайка понимала порывъ племянницы, сочувствовала ей и не находила въ себѣ силы отказать Милицѣ въ ея просьбѣ.

Квартира, занимаемая госпожей Родайкой Петровичъ, находилась въ одномъ изъ глухихъ переулковъ на окраинѣ города и состояла изъ трехъ крошечныхъ комнатъ, скромно, но чисто меблированныхъ.

Въ день пріѣзда къ ней Милицы, которую теткѣ удалось взять изъ института, какъ будто бы для трехнедѣльнаго каникулярнаго отдыха къ себѣ домой, въ это самое утро пріѣзда дѣвушки, былъ назначенъ первый день мобилизаціи въ столицѣ.

Уже давно замѣчала наша доблестная, святая родина недостойные по отношенію къ ней поступки ея ближайшихъ сосѣдей — нѣмцевъ. Россія была хорошо освѣдомлена о желаніи тевтоновъ, такъ или иначе, во что бы то ни стало, добиться войны съ нами. Цѣлый рядъ нѣмецкихъ подпольныхъ интригъ

доказывалъ это. Теперь же, послѣ Сараевскаго убійства, Германія открыто примкнула къ Австріи въ ея враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ славянскаго міра. И вотъ, хорошо сознавая воинственную политику нашей неспокойной сосѣдки, Россія, во избѣжаніе нападенія на насъ врасплохъ союзныхъ государствъ — Германіи и Австріи, стала принимать должныя мѣры, чтобы приготовить къ возможности такого нападенія наше славное войско.

Изо всѣхъ городовъ, селъ и деревень обширной матушки-Руси стали стекаться по первому зову правительства молодые и старые запасные солдаты. Они покидали свои семьи, престарѣлыхъ родителей, женъ и дѣтей, бросали полевыя работы, оставляя неубраннымъ хлѣбъ на поляхъ, чтобы стать въ ряды русскихъ войскъ, готовившихся къ защитѣ чести дорогой Россіи и маленькаго славянскаго королевства.

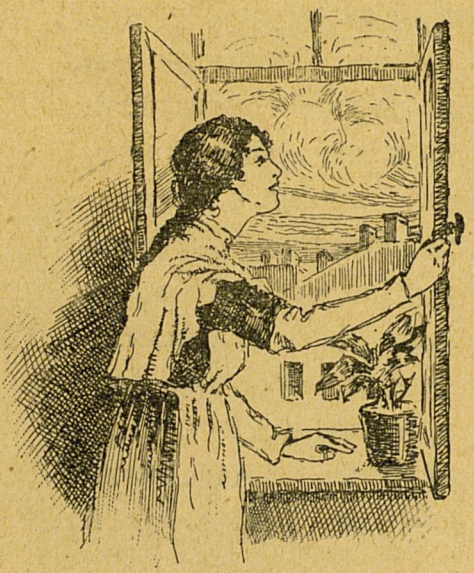
Изъ оконъ теткиной квартиры Милицѣ были видны ворота расположеннаго противъ нихъ великана-дома, въ огромномъ дворѣ котораго происходилъ пріемъ и запись части собранныхъ сюда запасныхъ. Тамъ съ самаго ранняго утра кипѣла жизнь: принимались и распредѣлялись по частямъ войскъ офицерами и чиновниками военнаго вѣдомства всѣ собравшіеся сюда изъ близкихъ и дальнихъ городовъ,

селъ и деревень уволенные было на мирное время въ запасъ солдатики. Здѣсь были люди разныхъ слоевъ общества и профессій. На ряду съ хорошо одѣтыми интеллигентами стояли бѣдные мужички въ лаптяхъ и заплатанныхъ кафтанахъ. Около купца-торгаша — фабричный работникъ. Около учителя — бѣдный каменщикъ. А у воротъ, со стороны улицы, съ узелками въ рукахъ и съ взволнованными лицами ожидали призванныхъ по мобилизаціи простолюдиновъ ихъ матери, сестры, жены и дѣти. Онѣ пришли проводить своихъ кормильцевъ, провести послѣдніе дни и часы вмѣстѣ съ ними. Женщины смотрѣли бодро, спокойно. Не слышно было ни жалобъ, ни причитаній. Не видно было слезъ. Даже маленькимъ дѣтямъ матери ихъ внушили не плакать при прощаньи съ отцами и старшими братьями. Всѣ, казалось, понимали всю торжественность случая, когда могучая русская армія готовилась къ защитѣ своей родины и всего славянства.

Милицѣ, стоявшей у окна, была хорошо видна вся эта картина. Стоялъ ясный, безоблачный, іюльскій полдень. Солнце улыбалось свѣтлой, радостной улыбкой. Празднично-нарядное небо ласково голубѣло съ далекихъ высотъ. Тети Родайки не было дома. Она ушла за покупками на рынокъ и никто не мѣшалъ Милицѣ дѣлать свои наблюденія изъ окна.

Вотъ широко раскрылись ворота знаменательнаго дома и находившаяся во дворѣ партія запасныхъ, въ сопровожденіи примкнувшихъ къ ней женщинъ и ребятишекъ, высыпала на улицу.

«Боже, Царя храни»... затянулъ неожиданно чей-то высокій голосъ изъ толпы призванныхъ.



«Сильный, Державный, царствуй на славу...» подхватили сотни дружныхъ голосовъ, и могучей волною разлился по улицѣ хорошо знакомый каждому русскому сердцу національный гимнъ.

Милица распахнула окно.

Какія бодрыя, какія спокойныя, какія мужественныя у всѣхъ этихъ людей были лица!.. Нѣкоторые изъ запасныхъ шли по тротуару: проходили мимо ея окна такъ близко, что можно было разслышать обрывки разговоровъ, долетающіе до ея ушей.

— Не горюй, Матрена,— утѣшаетъ бородатый мужикъ шагающую съ нимъ объ руку женщину въ платочкѣ, къ подолу которой прицѣпился пятилѣт-

ній мальчонка съ замусоленнымъ бубликомъ въ рукѣ. — До рева ли тутъ, когда, слышь, вся Русь по призыву царя-батюшки поднимается на защиту славянъ, да нашей чести! Слышь, намъ нѣмцы грозятся... Такъ надоть ихъ чинъ-чиномъ встрѣтить, при всей нашей боевой, значитъ, готовности, времени попусту зря не тратя... Вотъ и раздумай, голубушка, стоитъ ли таперича горевать?..

А вотъ другой запасный, фабричный мастеровой, несетъ на рукахъ грудного ребенка; за тятькину куртку уцѣпилась въ свою очередь подростокъ-дѣвочка. За ними шагаетъ съ поникшей головой ихъ еще совсѣмъ молодая мать.

— Тебѣ я, Сереженька, двѣ крѣпкихъ рубахи положила въ сумку, да чаю, сахару, да табаку — четверку, — съ покорнымъ видомъ перечисляетъ она, не поднимая на мужа опечаленныхъ глазъ.

А вотъ круглолицый, бойкій парень, по виду приказчикъ, бережно поддерживая подъ руку старую мать, говоритъ внушительно:

— Вы не сумлевайтесь, маменька, молитесь покрѣпче, да частицу о здравіи раба Божьяго Дмитрія вынимайте каждое воскресенье. Вотъ и помилуетъ меня Господь Богъ отъ вражеской пули.

— Буду, Демушка, буду молиться, желанный, — звучитъ въ отвѣтъ надтреснутый старческій голосъ.

— А Бѣлградъ-то все еще держится, братцы,— говоритъ кто-то въ толпѣ, когда затихаетъ могучее ура, закончившее спѣтый гимнъ. — Экіе молодчинищи! Право слово,— молодцы. Сербія-то, вѣдь, маленькая, крошка, супротивъ ихней австрійской земли, а какіе, братцы мои, орлы,— подтверждаетъ другой голосъ.

— Что и говорить. Живіо имъ, братцы! Скричимъ имъ живіо! Всей артелью скричимъ,— подхватываетъ третій... И прежде, нежели могла этого ждать стоявшая у окна Милица, могучіе перекаты «живіо», этого родного ея сердцу сербскаго ура, огласили улицы...

— Живіо!— внѣ себя, вся подавшись впередъ, захваченная общимъ восторгомъ, крикнула и молодая дѣвушка, съ загорѣвшимся мгновенно взоромъ, съ ярко вспыхнувшимъ румянцемъ на смугломъ лицѣ. Проходившіе близко къ окну запасные замѣтили ее, такъ горячо подхватившую ихъ крикъ. Высокій, плечистый парень остановился на минуту передъ окошкомъ.

— Никакъ сербка, либо болгарка, барышня,— перѣшительно проронилъ онъ, глядя въ лицо Милицы добрымъ, сочувственнымъ взглядомъ.

— Сербка и есть,— подхватилъ другой — молодой, темноглазый рабочій.

— Вы сербка? — смѣло обратился онъ уже непосредственно къ Милицѣ.

— Да, да — сербка, радостно, сіяя воодушевленнымъ лицомъ и блестя глазами, закивала имъ дѣвушка.

— Такъ живіо и вамъ! Да здравствуетъ Сербія! Да здравствуетъ король Петръ и королевичъ Александръ! Живіо! Живіо! Живіо! — подхватилъ пожилой, хорошо одѣтый запасный.

— Да здравствуетъ Россія! Боже, храни русскаго царя! — дрогнувшимъ голосомъ крикнула въ отвѣтъ имъ Милица и махнула платкомъ, высоко поднятымъ надъ головою. — Ура русскому царю, ура!

— Ура! — подхватили ближайшіе ряды запасныхъ и ихъ женъ и даже маленькія дѣти.

И снова торжественно и гордо зазвучали побѣдные звуки русскаго національнаго гимна.

Когда тетя Родайка вернулась изъ лавокъ, она не узнала Милицы, казавшейся такой озабоченной, печальной и угнетенной въ это утро.

— Я видала нынче русскихъ героевъ, тетя Родайка: настоящихъ героевъ. Они готовы защищать своихъ болѣе слабыхъ по численности славянскихъ братьевъ не на жизнь, а на смерть защищать! О,

тетя, — захлебываясь отъ восторга, говорила она, это — орлы! Это титаны. Титаны-богатыри, говорю я тебѣ! Сколько въ нихъ спокойствія и увѣренности въ свое право. Сколько мужества и великодушія, если бы ты знала, — и Милица наскоро передала старухѣ вынесенныя ею впечатлѣнія сегодняшняго утра.

А вечеромъ она провожала своихъ одноплеменниковъ сербскихъ офицеровъ, уѣзжавшихъ на театръ военныхъ дѣйствій. Провожала ихъ не одна Милица. Провожалъ чуть ли не весь Петроградъ, собравшійся безчисленною толпою манифестантовъ изо всѣхъ угловъ столицы. Эта огромная толпа народа запрудила Невскій, двигаясь по направленію Николаевскаго вокзала, откуда должны были отправиться на родину сербскій полковникъ Михайлевичъ [1]) и капитанъ Львовичъ, жившіе до сихъ поръ въ Россіи. Милица, на имѣющіяся у нея жалкія копейки, купила цвѣтовъ и, прижимая къ своей груди нѣжную бѣлую лилію и двѣ пахучія алыя розы, пробралась на вокзалъ.

Здѣсь, затерянная въ толпѣ, прислонившись къ стѣнѣ платформы, она издали слѣдила большими пламенными глазами за чествованіемъ русскими манифестантами ея одноплеменниковъ-сербовъ. Ей было

[1]) Фамиліи измѣнены.

Милица купила цвѣтовъ и, прижимая къ груди нѣжную бѣлую лилію и двѣ пахучія алыя розы, пробралась на вокзалъ.

видно, какъ толпа на рукахъ внесла обоихъ офицеровъ на дебаркадеръ подъ крики «живіо» и подъ пѣніе сербскаго гимна.

Смуглые, загорѣлые, со смѣлыми открытыми лицами, сербы улыбались, блестя глазами, сверкая бѣлыми зубами, крича въ отвѣтъ русской толпѣ:

— Ура! да здравствуетъ императоръ Николай, да здравствуетъ Россія!

Ихъ качали безъ конца, забрасывали цвѣтами. Огромные букеты и маленькіе букетики дождемъ падали къ ихъ ногамъ... Офицеры налету подхватывали ихъ... Улыбались снова, кивали головами направо и налѣво и снова кричали «ура».

Подъ звуки народнаго гимна русская учащаяся молодежь съ горящими воодушевленіемъ лицами понесла ихъ къ вагону.

— Дорогу, господа, дорогу! — выбиваясь изъ силъ, кричали студенты, поддерживавшіе порядокъ на платформѣ. И толпа безпрекословно раздавалась на обѣ стороны, образуя проходъ.

— Счастливый путь! Дай Богъ успѣха вашему оружію! Помогай вамъ Богъ! — раздавались то и дѣло то здѣсь, то тамъ взволнованные голоса. И снова все слилось въ воодушевленныхъ «ура» и «живіо», соединенныхъ вмѣстѣ.

Тогда одинъ изъ сербскихъ офицеровъ сдѣлалъ

движеніе рукой, призывая къ молчанію толпу. И когда все стихло на дебаркадерѣ вокзала, капитанъ Львовичъ началъ:

— Наше маленькое королевство счастливо имѣть такую великодушную и могучую сестру, дорогую каждому нашему сербскому сердцу — Россію. Ваша святая родина — покровительница наша, — горячо и искренно срывалось съ губъ оратора: — и нашъ храбрый народъ, готовый биться до послѣднихъ силъ съ такимъ сильнымъ и кровожаднымъ врагомъ, какъ Австрія, вѣритъ и знаетъ, что его старшая сестра вмѣстѣ съ ея великимъ царемъ, могучимъ императоромъ русскимъ, придетъ къ ней на помощь... Вѣритъ тому, что славный народъ русскій не дастъ въ обиду своихъ славянскихъ братьевъ и поможетъ отразить намъ, сербамъ, занесенный надъ нашими головами вражескій мечъ. Боже, храни русскаго царя и великую Россію, нашу старшую сестру. Ура!

Едва только успѣлъ договорить свое послѣднее слово капитанъ Львовичъ, какъ десятокъ тысячъ голосовъ мощно запѣлъ національный гимнъ. И снова дождь цвѣтовъ посыпался на оратора...

Милица поднялась на цыпочки, съ трудомъ подняла руку, въ которой осторожно до сихъ поръ сжимала нѣжные стебли купленныхъ ею цвѣтовъ и, взмахнувъ ими, бросила свой скромный букетикъ

въ ту сторону, гдѣ подъ пѣніе гимна толпа качала на рукахъ сербскихъ офицеровъ. И того, чего вовсе не ожидала Милица, на что не смѣла надѣяться даже, случилось вслѣдъ за этимъ. Розы разсыпались, не долетѣвъ по назначенію, тогда какъ нѣжный бѣлый цвѣтокъ лиліи упалъ прямо на грудь капитана Львовича. Офицеръ подхватилъ его и быстро повернулъ голову въ ту сторону, откуда прилетѣлъ къ нему этотъ бѣлый цвѣтокъ. И въ ту же минуту глаза его, обѣжавшіе толпу, остановились на смугломъ лицѣ Милицы... Встрѣтясь съ этими горящими воодушевленіемъ и восторгомъ глазами, молодой офицеръ узналъ по смуглому лицу и по исключительному воодушевленію свою одноплеменницу и, махнувъ цвѣткомъ въ сторону Милицы, тотчасъ же осторожно и нѣжно прижалъ къ своимъ губамъ его бѣлые лепестки. А огромная толпа попрежнему гремѣла «ура» и «живіо»... Гремѣла до тѣхъ поръ, пока не отошелъ отъ платформы поѣздъ, увозившій героевъ, защитниковъ маленькой Сербіи, на ихъ многострадальную родину, къ возможной смерти, къ безспорной славѣ...

Теплый іюльскій вечеръ. Въ маленькой квартиркѣ тети Родайки жарко, почти душно, несмотря на раскрытыя настежь окна.

Только что возвратившаяся съ вокзала Милица, волнуясь и сверкая глазами, передаетъ теткѣ все происходившее тамъ...

— Завтра же, завтра отправь меня на родину, тетя, — заканчиваетъ она свой разсказъ горячей мольбою. — Я не могу оставаться здѣсь дольше. Каждый лишній день, проведенный тутъ, дѣлаетъ меня преступницей, тетя... Тамъ, на родинѣ нашей, уже кипитъ война... сражаются наши братья-сербы. Можетъ, и Іоле уже принялъ свое первое боевое крещенье... А наши женщины въ Бѣлградѣ трудятся въ госпиталяхъ, помогая раненымъ, перевязывая ихъ раны... Я не могу оставаться здѣсь дольше, пойми меня, тетя, не могу сидѣть сложа руки... Нѣтъ, нѣтъ... Милая, голубушка, отправь меня завтра же домой. Ты же обѣщала, сама обѣщала мнѣ это...

И черные глаза Милицы впиваются въ лицо старой сербки молящимъ взглядомъ. Тетя Родайка съ минуту молча смотритъ на племянницу... О, какъ знакомо ей это юное, воодушевленное лицо! Лѣтъ около сорока тому назадъ, такіе же глаза сверкали подобнымъ же страстнымъ воодушевленіемъ. И такія же точно пылкія рѣчи слышала она отъ своего брата Данилы. Тогда разгорался пожаръ освободительной войны... Русскіе витязи стали за

свободу Болгаріи, тѣснимой турецкой силой... И въ рядахъ этихъ витязей сражались и сербы и братъ ея Данило. То было давно... Чуть ли не четыре десятка лѣтъ минуло съ того времени. И теперь такое же время повторяется, но только не самъ Данило, а сыновья его, вмѣсто престарѣлаго калѣки отца, идутъ отстаивать свободу, честь и благо дорогой родины... И эта дѣвочка спѣшитъ имъ на помощь... Что же?.. Богъ ей въ помощь, пусть ѣдетъ... Она, тетя Родайка, сама бы поѣхала туда охотно ходить за искалѣченными воинами, перевязывать ихъ раны... Да стара она стала... Не вынести ей труда... Пускай же замѣнитъ ее Милица. Молодость, силы, энергія — все дано этой дѣвушкѣ, дочери героя... Такъ пускай же она и используетъ свои силы на помощь родной странѣ!

Рѣзкій звонокъ, раздавшійся въ прихожей, заставляетъ старую госпожу Родайку Петровичъ вздрогнуть отъ неожиданности.

— Поди, Милица, открой — приказываетъ она племянницѣ, а сама съ тревогой смотритъ на дверь.

— Кто тамъ, Милица?

— Почтальонъ, тетечка, почтальонъ, и голосъ Милицы замѣтно вздрагиваетъ, повторяя это слово.

— Откуда письмо, дѣвочка?

Но отвѣта нѣтъ. Только слышно шуршанье бу-

маги въ прихожей. Очевидно, Милица читаетъ письмо... Что же она медлитъ, однако? Почему не возвращается въ маленькую, уютную столовую? Что съ нею? Тетя Родайка, начиная волноваться, невольно поднимается со стула и идетъ узнать, въ чемъ дѣло.

Въ крошечной прихожей темно. Но не настолько темно, чтобы нельзя было различить бѣлую, какъ известковая стѣна, Милицу, ея испуганно-страдальческіе глаза и скорбное выраженіе на юномъ, за минуту еще до этого такомъ спокойномъ личикѣ.

— Что съ тобой, дѣвочка, что?

Но Милица не въ силахъ отвѣтить. Только протягиваетъ теткѣ дрожащей рукой письмо. Сама же, прислонившись къ стѣнѣ, глухо, беззвучно рыдаетъ, сотрясаясь всѣмъ тѣломъ.

Тетя Родайка, сама страшно волнуясь, едва находитъ въ себѣ силы открыть футляръ съ очками, надѣть послѣдніе, подойти къ окну и прочесть крупнымъ, мужскимъ почеркомъ набросанныя строки.

Письмо изъ Бѣлграда. Самъ капитанъ Данило на этотъ разъ пишетъ дочери.

«Жива была[1]), любимая моя дочка, Милица. Хвала Господу Вседержителю, твои мать, братья,

[1]) „Живъ былъ“. „Жива была“ — иногда употребляется южными славянами вмѣсто „здравствуй“.

сестры и калѣка-батька твой здоровы, да помилуетъ насъ Богъ. А вотъ великое зло-несчастье пришло къ намъ, дочка. Проклятые австріяки бьютъ нашъ Бѣлградъ. Пушками бьютъ со своего берега изъ Землина и съ судовъ на Дунаѣ и Савѣ. Многія зданія уже попорчены ихъ снарядами, такъ что и узнать нельзя. Многихъ людей они загубили здѣсь, злодѣи. То и дѣло ждемъ — нагрянутъ слѣдомъ за канонадой и сами сюда. Нашъ храбрый королевичъ, храни его Силы Небесныя на многіе годы, онъ — витязь славный, скликаетъ уже нашихъ юнаковъ-богатырей. Всюду спѣшно идутъ приготовленія къ защитѣ. Набираются войска, дружины храбрецовъ. Танасіо получилъ тяжелую батарею, а Іоле-орленокъ вышелъ изъ училища къ нему въ часть. Мать слезами обливалась, благословляя свое сокровище, а все-таки отпустила съ охотой общаго нашего любимца. Пусть защищаетъ родину святую и знамена нашего короля Петра. Эхъ, кабы не былъ я самъ калѣкой, не сидѣлъ бы чурбаномъ неподвижнымъ, прикованнымъ къ креслу, до самой смерти, — не поглядѣлъ бы на свои шестьдесятъ пять лѣтъ: тряхнулъ бы стариной и какъ билъ когда-то турку, такъ и австріяка негодящаго пошелъ бы бить. А теперь сиди непо-

движно, да слушай, какъ рушатся дома нашего города отъ вражьихъ снарядовъ, да стонутъ раненые, да плачутъ жены и дѣти убитыхъ. А за насъ ты не бойся, Милка,—какъ начинаютъ бомбардировку вороги, уходимъ въ землянку, что на краю сада, гдѣ сохраняемъ припасы, да яблоки зимой. Тамъ безопасно. И сестры твои Зорка и Селена съ дѣтьми туда же приходятъ. Только ты не вздумай проситься къ намъ. Живи покуда въ Россіи. Живи тамъ и молись за насъ, дочка, особенно за Іоле, соколенка нашего, за храбреца Танасіо, за всѣхъ. Вотъ тебѣ мой приказъ и мое отчее благословеніе. А теперь будьте здоровы съ сестрой Родайкой. Мать кланяется и молитъ Бога за васъ. Такъ помни же, дочка, и думать не смѣй на родину возвращаться, пока длится военная страда. Заботъ да горя и безъ тебя здѣсь немало у насъ.

Твой любящій отецъ капитанъ
Данило Петровичъ».

— Пропало, все пропало—беззвучно прошептали губы Милицы, и слезы крупными каплями потекли по ея щекамъ, пока тетка читала вслухъ роковыя строки. Та только покачала сѣдой головою.

— Горе-то, горе какое! Въ огнѣ нашъ городъ!

Въ опасности родина... Что жъ будешь дѣлать,— надо смириться, дѣтка. И тебѣ тоже смириться надо. Отецъ правду пишетъ: куда тебѣ ѣхать сейчасъ? Читала письмо? Городъ бомбардируется... Кругомъ непріятели... Попадешься имъ въ руки — не пощадятъ...

— Но Іоле, тетя Родайка, мой Іоле! Вѣдь сражается онъ? Вѣдь безъ меня его убить могутъ,— въ тоскѣ и ужасѣ шептала Милица.

— А поможешь ты ему? Спасешь его отъ смерти, если будешь тамъ? Сможешь во время битвы защитить его? — сурово допытывалась у племянницы старуха Петровичъ. — То-то и есть, дѣвочка. Такъ лучше смирись. Ничѣмъ тебѣ нельзя помочь въ дѣлѣ страшномъ. А здѣсь, по крайней мѣрѣ, никто не помѣшаетъ тебѣ за него молиться... Къ тому же и тутъ, въ Россіи, можно принести пользу нашей родинѣ. Шей съ подругами бѣлье для раненыхъ, для витязей-бойцовъ; работайте вмѣстѣ. Много бѣдныхъ солдатъ одѣть надо. Вотъ и потрудитесь съ подругами въ досужее время. На-дняхъ я отвезу тебя въ институтъ, и будешь ты тамъ подъ надежной защитою, пока война длится,— закончила уже ласковымъ тономъ тетя Родайка, и погладила прильнувшую къ ней черненькую головку и залитую горячими слезами щеку Милицы.

Та только горько улыбнулась въ отвѣтъ на эти слова.

— Ѣхать въ институтъ! Сидѣть въ довольствѣ, холѣ и спокойствіи, когда милый Іоле, отецъ, мать, Танасіо, всѣ любимые, всѣ дорогіе сердцу и самый городъ родной, и самое отечество выносятъ такое страданье, такой ужасъ! Когда, можетъ быть, любимецъ-братишка давно уже лежитъ съ непріятельской пулей въ груди, а домъ ихъ обращенъ въ развалины, а старикъ-отецъ... страшно подумать даже... О, Боже Всесильный и Всемогущій! Какъ будетъ жить съ такими мыслями она, Милица? Какъ станетъ работать, шить бѣлье, учиться, когда на душѣ ея — буря и адъ?... Но отецъ писалъ: нельзя ей возвращаться теперь на родину, когда тамъ кипитъ и пылаетъ война и она, Милица, никогда не дерзнетъ его ослушаться... Но какъ ей жить, однако, теперь? Какъ вернуться въ институтскія стѣны и наслаждаться удобствами, комфортомъ и радостями ранней юности, когда родной ея сердцу народъ, а съ нимъ и всѣ ея близкіе терпятъ лютыя невзгоды, переживая всѣ ужасы войны?..

ГЛАВА VI.

— Взгляни на звѣзды, Танасіо! Взгляни на звѣзды! Смотри, сколько ихъ! Каждый разъ, что я поднимаю глаза къ небу, мнѣ вспоминается наша старая Драга; она говоритъ, что звѣзды — это фонари, зажженные на переправахъ по пути къ морю, отдѣляющему отъ насъ райскую гору, гдѣ находятся наши праведники со святымъ Саввою [1]) во главѣ. Право же, у старой Драги душа по....

Молодой артиллерійскій офицерикъ, находившійся въ палаткѣ вмѣстѣ съ пожилымъ капитаномъ, начальникомъ батареи, не договорилъ начатой фразы и замеръ на мѣстѣ.

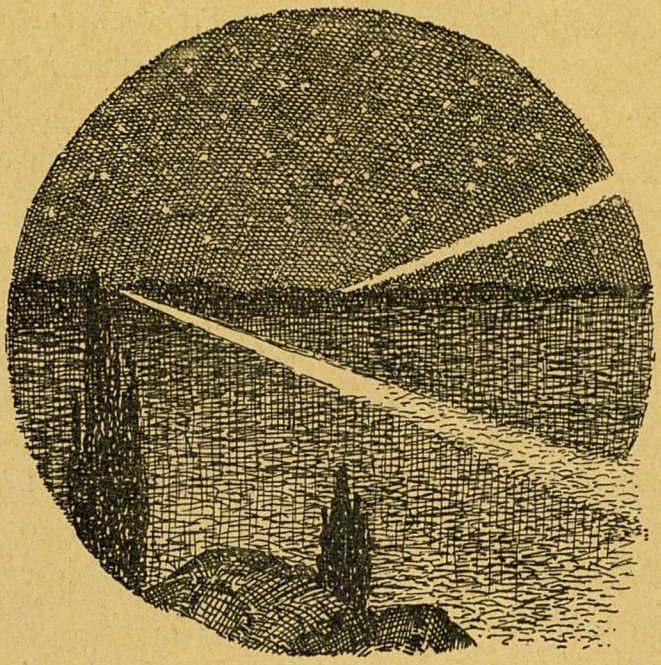
Гдѣ-то близко-близко, словно подъ самымъ ухомъ у него тяжело ахнула пушка, и грозный снарядъ ея съ грохотомъ и трескомъ разорвался въ нѣсколькихъ аршинахъ разстоянія позади палатки. Въ ту же минуту яркій, нащупывающій темноту снопъ прожектора освѣтилъ мѣстность, разстилаясь фантастически-красивой дорогой поперекъ рѣки.

---

[1]) Св. Савва считается покровителемъ Сербіи.

Пожилой, съ сѣдѣющими висками офицеръ съ юношеской легкостью вскочилъ съ походной постели.

— Ну, братъ Іоле, держи ухо востро. О снѣ теперь нечего и думать. Непріятель открылъ, оче-



видно, позиціи нашей батареи и будетъ теперь сыпать по нимъ даже ночью, безъ передышки, пользуясь прожекторомъ и съ Землина, и съ парохода, что вторые сутки снуетъ тутъ, по близости нашихъ береговъ. По крайней мѣрѣ, вотъ этотъ снарядъ

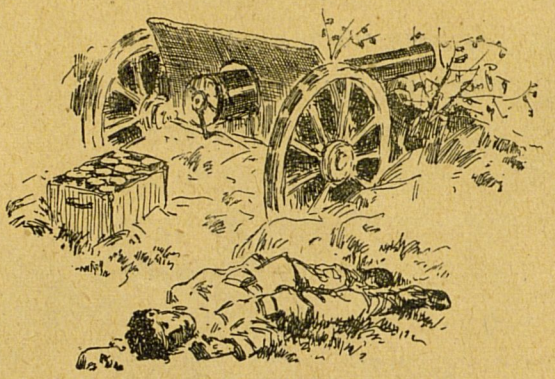
прилетѣлъ къ намъ не съ берега. Знаю это по силѣ удара. — И съ этими словами капитанъ Танасіо Петровичъ вышелъ изъ палатки. Его младшій братъ Іоле, только что выпущенный въ подпоручики этимъ лѣтомъ, юноша по восемнадцатому году, поспѣшилъ слѣдомъ за нимъ. Снопъ свѣта изъ прожектора, направленный съ рѣки, въ тотъ же мигъ снова освѣтилъ берегъ Дуная съ вырытыми на немъ въ одномъ мѣстѣ траншеями, гдѣ чудесно укрытая отъ глазъ непріятеля, хозяйничавшаго у себя въ крѣпости Землинѣ въ верстѣ разстоянія черезъ рѣку, на противоположномъ берегу Дуная, находилась сербская батарея.

Освѣтилъ онъ и мужественное, съ замѣтно тронутыми серебромъ кудрями, лицо Танасіо и юныя, прекрасныя, съ горящими отвагой глазами, черты Іоле.

И опять ахнула тяжелая пушка... Теперь снарядъ упалъ почти рядомъ съ крайнимъ орудіемъ сербской батареи и одинъ изъ находившихся около заряднаго ящика артиллеристовъ, ихъ числа орудійной прислуги, тяжело охнувъ, сталъ медленно опускаться на землю. Несчастному снесло половину плеча и руку осколкомъ снаряда. Іоле вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и метнулся, было, впередъ:

— Разрѣши мнѣ, Танасіо, разрѣши мнѣ отвѣтить

имъ тѣмъ же. Неужели же оставить не отомщенной смерть этого храбреца? — горячо замѣтилъ юноша, хватая за руку старшаго брата. Онъ былъ взволнованъ и весь трясся, какъ въ лихорадкѣ. Черные глаза его такъ и горѣли, такъ и сверкали въ темнотѣ.



Но капитанъ Петровичъ опустилъ руку на плечо брата.

— Господинъ подпоручикъ, — произнесъ онъ оффиціальнымъ тономъ, — я попрошу васъ сохранять спокойствіе, столь драгоцѣнное качество на войнѣ. Никакихъ выступленій боевого характера быть не должно и не можетъ. Когда придетъ время, я первый прикажу вамъ сдѣлать это.

И онъ отвернулся отъ молоденькаго офицерика и пошелъ отдавать приказаніе своимъ юнакамъ [1]).

Іоле сконфуженный остался на мѣстѣ. Онъ понялъ, чего хотѣлъ отъ него старшій братъ. О, онъ тысячу разъ правъ этотъ мужественный, храбрый, испытанный смѣльчакъ, Танасіо! Если только возможно завидовать тѣмъ, кого любишь, то онъ, Іоле,

[1]) Молодцамъ-богатырямъ, воинамъ.

готовъ завидовать старшему брату, его храбрости, выдержкѣ, стойкости и уму. И онъ сталъ смотрѣть ему въ слѣдъ съ нескрываемымъ восторгомъ. Чудесно прилаженный и укрытый со стороны рѣки костеръ, освѣщаетъ лицо Танасіо, его мужественную фигуру. Вотъ онъ распоряжается насчетъ носилокъ, вотъ помогаетъ поднять тяжело раненаго и, наклонившись къ нему, оказываетъ своему подчиненному первую помощь. А онъ — Іоле, не умѣетъ такъ поступать... У него кипитъ душа и сердце такъ и прыгаетъ при первыхъ боевыхъ звукахъ. Только два мѣсяца тому назадъ его поздравили съ офицерскими погонами, а, между тѣмъ, ему кажется, что съ той поры прошла цѣлая вѣчность. Сколько событій пролетѣло съ тѣхъ поръ! Торжественный день выпуска. Поздравленіе ихъ, вновь произведенныхъ офицеровъ, королевичемъ Александромъ, славнымъ доблестнымъ королевичемъ, котораго всѣ юнаки, все войско любитъ поголовно, и за котораго въ огонь и воду пойдутъ они всѣ, какъ и за самаго престарѣлаго короля Петра. Присяга въ его присутствіи... Потомъ, Сараевское убійство... Потомъ предъявленіе ноты, объявленіе войны одновременно съ разбойничьимъ нападеніемъ на Бѣлградъ. Благословеніе его матерью образкомъ святого Саввы... Поученія отца... Письмо отъ Милицы, отъ милой, дорогой

сестры, съ которой его разлучила судьба, но съ которою онъ не прерывалъ переписки и которую любитъ такъ братски-нѣжно! И вотъ, онъ на батареяхъ, подъ начальствомъ брата. Онъ давно выбралъ этотъ родъ оружія для себя. Его старый отецъ — артиллеристъ, Танасіо тоже... И онъ, Іоле, хочетъ итти по ихъ стопамъ. Но до сихъ поръ ему еще не удалось отличиться. А между тѣмъ, вся душа его такъ жаждетъ подвига, такъ кипитъ желаніемъ сдѣлать что-нибудь особенное, исключительное для дорогой родины, даже если надо было бы пожертвовать жизнью для того. При одной мысли только о возможности такого подвига, Іоле весь закипаетъ восторгомъ, весь горитъ... Но пока увы! не предвидится еще и возможности такого случая... Правда, всего нѣсколько дней только, какъ бомбардируютъ Бѣлградъ. И самое жаркое еще у нихъ всѣхъ впереди... И онъ, Іоле, будетъ молить святого Савву, чье святое изображеніе носитъ онъ на груди, доставить ему возможность стать участникомъ того жаркаго, славнаго, что неминуемо должно совершиться подъ южнымъ небомъ его дорогой страны. Онъ взглянулъ на верхъ... Какая ночь!.. Теплая, бархатная, благовонная... И потому-то хочется молиться, глядя на золотыя звѣзды! Вспоминается еще разъ старая Драга... Ея наивная легенда. Потомъ

глаза сестры Милицы, такіе же горящіе, какъ эти звѣзды. И снова мысль послушно и капризно перебѣгаетъ съ нихъ къ бомбардировкѣ австрійцами роднаго города. Многіе дома уже разрушены въ немъ. Его собственная милая семья, семья Іоле, не выходитъ изъ погреба-землянки, вырытой въ глубинѣ сада. И мысли объ отцѣ и матери, переносящихъ всевозможныя волненія, безпокойства и неудобства, благодаря тѣмъ же ненавистнымъ врагамъ, не выходятъ изъ головы Іоле. Его руки невольно сжимаются въ кулаки, его глаза, устремленные въ ту сторону, гдѣ долженъ находиться Землинъ и вражеское судно на рѣкѣ, посылающее изъ своихъ пушекъ гибель обывателямъ и зданіямъ Бѣлграда, горятъ злымъ огнемъ. О, если бы броситься туда съ храбрыми юнаками, взять непріятельскія батареи, заставить замолчать австрійскія пушки! Но тамъ ихъ много, этихъ ненавистныхъ защитниковъ Землина!.. Вдесятеро больше, чѣмъ здѣшнихъ, славныхъ сербскихъ юнаковъ. И...

Опять обрывается мысль Іоле. Тяжелый снарядъ шлепается близко, срѣзаетъ, словно подкашиваетъ, прибрежное тутовое дерево и зарывается воронкой въ землю, обсыпавъ юношу цѣлымъ фонтаномъ взброшеннаго кверху песку и земли. Іоле съ засыпанными глазами падаетъ на траву, какъ подкошенный.

— Что съ тобою, ты раненъ? — подскочивъ къ младшему брату, забывъ всякую начальническую оффиціальность, взволнованно кричитъ старшій.

— Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ Танасіо, успокойся, — снова быстро вскакивая на ноги и, протирая глаза, произнесъ молоденькій офицерикъ.

Блѣдный, взволнованный капитанъ Петровичъ похлопалъ по плечу брата, чтобы не дать ему замѣтить свое волненіе и полушутливо проговорилъ по адресу Іоле: — Пріучайся, пріучайся, привыкай къ боевымъ неожиданностямъ и невзгодамъ, мой соколъ. Ну, вотъ и принялъ первое боевое крещеніе, не огнемъ, а пескомъ...

А сердце сжималось въ это самое время страхомъ за жизнь младшаго братишки. Вѣдь красавчикъ Іоле былъ любимцемъ семьи! Вѣдь, не приведи Господь, убьютъ Іоле, старуха-мать съ ума сойдетъ отъ горя, и не захочетъ безъ него жить!.. — вихремъ проносится жуткая мысль въ мозгу боевого героя. Потомъ приходитъ на умъ ея недавняя просьба, просьба взволнованной, любящей матери-старухи.

— Танасіо, соколъ мой, — шептала она, отправляя на позиціи обоихъ братьевъ, — береги брата, помни, Іоле, долженъ... Она не договорила тогда и залилась слезами. И тогда же, онъ, капитанъ Танасіо Петровичъ старшій далъ ей торжественно слово

беречь брата, насколько это возможно только въ боевомъ чаду. И вотъ, какъ на зло, австрійцы открыли ихъ убѣжище и, не глядя на ночь, стали сыпать сюда снарядами изъ своихъ смертоносныхъ орудій. Снова заигралъ прожекторъ, обнимая своимъ яркимъ свѣтомъ рѣку, и капитанъ Петровичъ увидѣлъ совсѣмъ ясно, какъ днемъ, большое непріятельское судно, находившееся въ какой-нибудь полуверстѣ отъ берега. На борту этого судна находилось нѣсколько орудій, которыя и засыпали снарядами ту часть берега, гдѣ находились траншеи. Отвѣчать на нихъ батарейнымъ огнемъ капитанъ Петровичъ положительно не могъ. Открыть огонь значило бы обнаружить точное присутствіе на берегу сербскихъ пушекъ и дать возможность болѣе вѣрнаго прицѣла врагу. Другое дѣло, если бы можно было заставить замолчать австрійскія орудія безъ единаго выстрѣла со своей стороны. Совсѣмъ забывшись подъ впечатлѣніемъ охватившаго его волненія, капитанъ Танасіо произнесъ вслухъ эту мысль. Юный Іоле стоялъ подлѣ брата. Дрожь невольнаго восторга охватила юношу.

— Танасіо, — прошепталъ онъ тихо и сразу же замолчалъ, осѣкся, — господинъ капитанъ, — послѣ новой продолжительной паузы прозвучалъ его дрогнувшій голосъ, — господинъ капитанъ! Если вы бу-

дете выкликать охотниковъ для ночной развѣдки, умоляю васъ, не забыть среди ихъ именъ имя подпоручика Іоле Петровича — твоего брата, братъ Танасіо, твоего брата... — заключилъ еще болѣе взволнованно и пылко молодой офицеръ.

Капитанъ Петровичъ при слабомъ отблескѣ костра успѣлъ разглядѣть горящіе глаза Іоле, его воодушевленное лицо и молящую улыбку. Неизъяснимое чувство любви, жалости и сознанія своего братскаго долга захватили этого пожилого офицера. Онъ понялъ, чего хотѣлъ Іоле, этотъ молодой орленокъ, горячій, смѣлый и отважный, достойный сынъ своего отца. Онъ понялъ, что юноша трепеталъ при одной мысли о возможности подобраться къ непріятельскому судну и въ отчаянномъ бою заставить замолчать австрійскія пушки.

Самъ капитанъ Танасіо слышалъ это желаніе изъ устъ Іоле нынче не однажды въ продолженіе послѣдняго дня, когда вражескіе снаряды сыпались на ихъ берегъ. И вотъ сейчасъ онъ снова молитъ его о томъ же. Безумно-отважный мальчикъ! И вѣдь онъ смогъ бы съ горстью храбрецовъ кинуться на прекрасно вооруженный военный пароходъ непріятеля и, несмотря на численность послѣдняго, заставить принять штыковой бой!

Но онъ-то, Танасіо, не безумецъ и долженъ охра-

нять брата, долженъ избѣгать давать ему опасныя порученія. Вѣдь онъ поклялся въ этомъ старухѣ-матери. И сдержитъ во что бы то ни стало данную клятву.

Капитанъ Танасіо внимательно и зорко глядитъ на брата, глядитъ минуту, другую, третью. Потомъ говоритъ сдержаннымъ, но твердымъ, не допускающимъ возвраженія, голосомъ: — Нѣтъ, подпоручикъ Іоле Петровичъ, на этотъ разъ намъ не потребуется услуги охотниковъ. Было бы слишкомъ безразсудно посылать людей на вѣрную смерть...

Все душнѣе, все жарче дышетъ благовонная ночь юга. Нестерпимо пахнутъ цвѣты въ королевскомъ саду, и нѣтъ-нѣтъ душистая волна розъ и магнолій потянется со стороны дворца къ южному берегу. Уже давно замолчали непріятельскія пушки на вражескомъ суднѣ, и полная тишина воцарилась теперь надъ опустѣвшимъ со дня начала бомбардировки городомъ.

— Не надолго замолчали онѣ, юнаки, — говорилъ, укладываясь на землю для короткаго отдыха, старый сербъ-артиллеристъ, работавшій еще въ русско-турецкую войну вмѣстѣ съ капитаномъ, теперь старымъ калѣкой, Данилой Петровичемъ, — утромъ опять загремятъ, разбойники!

Остальные солдаты не могли не согласиться съ нимъ. Каждый изъ нихъ зналъ отлично о той горячкѣ, которая ждала ихъ на разсвѣтѣ. Изъ Землина аккуратно каждый день летѣли теперь на почти что беззащитный городъ снаряды; а тутъ еще новый врагъ, военное судно, хорошо вооруженное тяжелыми пушками, слало имъ въ свою очередь непрошенные гостинцы со стороны рѣки, пользуясь тѣмъ, что защитники Бѣлграда не успѣли вооружиться какъ слѣдуетъ, не ожидая такого стремительнаго начала военныхъ дѣйствій. Слишкомъ мало было батарей на берегу Бѣлграда, чтобы отплачивать въ томъ же количествѣ, въ той же силѣ непріятелю. Вся артиллерія, за небольшимъ исключеніемъ, имѣвшаяся налицо въ городѣ, была отправлена на другіе пункты.

И никто изъ малочисленныхъ защитниковъ города не предугадалъ неожиданнаго появленія непріятельскаго судна близъ Бѣлграда. Для всѣхъ это былъ очень тяжелый сюрпризъ.

Юному Іоле не спалось въ эту ночь въ его палаткѣ. Онъ то прислушивался къ храпу Танасіо, разбитаго усталостью до полусмерти, и потому умудрившагося уснуть сразу, какъ только прекратилась

непріятельская пальба; то, приподнявъ голову съ подушки, всматривался въ далекое бархатное небо, испещренное милліономъ звѣздъ, глядѣвшее въ узкій просвѣтъ палатки. И все думалъ и думалъ о непріятельскомъ суднѣ. Думалъ о томъ, сколько людей еще перебьютъ австрійскіе снаряды, пока свои родныя сербскія пушки не пустятъ ко дну дерзкій пароходъ. И почему Танасіо не рѣшается принять болѣе крутыя мѣры? Почему? — мысленно допытывался юноша.

Вдругъ словно горячая волна обдала все существо Іоле. Онъ вспомнилъ, что гдѣ-то читалъ еще въ дѣтствѣ, какъ одинъ витязь-юнакъ привелъ въ негодность вражескія орудія, пробравшись въ непріятельскій лагерь и этимъ оказалъ незамѣнимую услугу своему войску. Что если и онъ — Іоле?..

Танасіо не рѣшается произвести открытаго нападенія; онъ бережетъ людей, дорожитъ своей батареей. А противъ той мысли, которая явилась въ голову Іоле, конечно, онъ не станетъ, не долженъ возражать. Да и разсказывать ему ничего не надо. Вѣдь если итти на этотъ отчаянный шагъ, Іоле не нужно помощниковъ-юнаковъ. Онъ справится и безъ нихъ, конечно, одинъ. Ахъ, если бы удалсь ему только!

Теперь онъ уже думаетъ объ этомъ, какъ о давно

рѣшенномъ дѣлѣ. Быстро и легко соскакиваетъ Іоле со своей койки и выходитъ за дверь.

Танасіо спитъ. Его люди тоже. Завтра, лишь только проснется солнце, они снова вскочутъ на ноги, чтобы съ достоинствомъ принять вызовъ врага. Орудійная прислуга устроилась за щитами на землѣ. Только часовые медленно прохаживаются вдоль по траншеямъ. Одинъ изъ нихъ узналъ въ темнотѣ Іоле, и отдалъ ему честь. Юноша махнулъ рукою и прошелъ дальше къ самому берегу, къ самой водѣ Дуная. Здѣсь у небольшой бухты они часто въ дѣтствѣ покупали рыбу со старой Драгой и съ сестрой Милицей... Гдѣ-то она? На мигъ мысли Іоле перелетаютъ къ младшей сестренкѣ. Мелькаетъ ея образъ, ея задумчивые глаза, слышится ея милый грудной голосъ. На минуту юношу захватываетъ нѣжность и сладкая тоска по сестрѣ. Но это только на минуту, не дольше. Онъ встряхиваетъ головой, выпрямляетъ плечи.—Какъ она будетъ гордиться мною, если мнѣ удастся...—говоритъ онъ самъ себѣ и, не доканчиваетъ своей мысли. Быстро отстегиваетъ кабуру съ револьверомъ Іоле и прилаживаетъ ее на спинѣ. Засовываетъ короткій кинжалъ за пазуху. Подтягиваетъ крѣпче ремень оружія и быстро, въ два-три прыжка, кидается въ кусты, растущіе у самаго берега...

Теперь вода рѣки чернѣетъ всего только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Іоле приподнимаетъ фуражку, и трижды осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ. Потомъ вынимаетъ изъ-за ворота образокъ Св. Саввы, благословеніе матери, и цѣлуетъ его... Еще и еще... Минутное колебаніе... Легкій быстрый скачокъ, и холодная вода въ одно мгновенье принимаетъ въ свои хрустальныя объятія юношу.

Іоле съ дѣтства умѣетъ плавать, какъ рыба. Онъ и у себя въ военномъ училищѣ славился всегда, какъ прекрасный пловецъ. Къ тому же онъ достаточно выносливъ и силенъ для такого спорта.

Послѣ знойной іюльской ночи, студеная вода рѣки словно обжигаетъ юношу. Но это только въ первый моментъ. Не проходитъ и пяти минутъ, какъ ея колючія волны, плавно разступающіяся подъ ударами его рукъ, перестаютъ источать этотъ холодъ. Юноша плыветъ легко и свободно, по направленію къ черному чудовищу, которое еще часъ тому назадъ, какъ бы шутя и издѣваясь надъ небольшою частью защитниковъ побережья, слала къ нимъ гибель и смерть изъ своихъ гаубицъ.

Военное судно находится въ какой-нибудь полуверстѣ отъ берега. Іоле знаетъ отлично его расположеніе, знаетъ, что неподалеку отъ него тор-

читъ остовъ недавно затонувшаго ихъ же сербскаго небольшого парохода. Лишь бы добраться до него, а тамъ, послѣ короткаго отдыха, куда легче будетъ плыть дальше. Напрягая мускулы, изо всѣхъ силъ гребя руками, Іоле подвигается впередъ. Въ ночной темнотѣ ни зги не видно. Но видѣть что-либо и не надо Іоле: мѣстоположеніе непріятельскаго судна онъ изучилъ прекрасно, со дня его появленія здѣсь. Все ближе и ближе подплываетъ онъ къ «врагу». Все укорачивается разстояніе между нимъ и «австрійцемъ». И это какъ разъ во время, какъ разъ кстати, потому что руки юнаго пловца уже начинаютъ нѣмѣть; нѣмѣютъ и усталыя ноги. Теперь Іоле почти натыкается на что-то твердое и большое, что, какъ огромная чудовищная рыба, торчитъ изъ воды. Слава Господу Богу и святому Саввѣ, покровителю ихъ храбраго народа! Онъ у затонувшаго сербскаго пароходика. Сильнымъ движеніемъ хватается Іоле за бортъ его, и на мгновенье застываетъ въ сознаніи короткаго, но чрезвычайно пріятнаго отдыха. Сейчасъ онъ весь отдается охватившему его покою, все еще держась за бортъ затопленнаго суденышка. Затѣмъ, дѣлаетъ невѣроятное усиліе надъ собою и, поднявшись на мускулахъ, перебрасываетъ свое тѣло на бортъ его, вѣрнѣе, на небольшую часть палубы, не залитую водой. Сейчасъ на кормѣ парохода онъ быстро сбра-

сываетъ съ себя верхнюю одежду и, оставшись въ одномъ нижнемъ платьѣ, выдергиваетъ изъ ноженъ небольшой кинжалъ. Теперь револьверъ въ кобурѣ прикрѣпленъ къ спинѣ Іоле. Кинжалъ же онъ держитъ во рту; сабля оставлена за ненужностью... Еще небольшая минута отдыха и, перекрестившись, юноша снова погружается въ холодныя воды рѣки...

. . . . . .

На борту непріятельскаго судна царитъ полная тишина. Утомленные непрерывной работой, люди спятъ сейчасъ крѣпкимъ, оживляющимъ и бодрящимъ тѣло и душу сномъ. Четыре тяжелыя орудія, гремѣвшія непрерывно по бѣлградскому берегу, сейчасъ какъ будто отдыхаютъ тоже. Орудійная прислуга спитъ на палубѣ, неподалеку отъ нихъ. Бодрствуютъ одни лишь часовые... Іоле слышитъ ихъ четкіе и мѣрные шаги. Привычнымъ ухомъ различаетъ только двухъ бодрствующихъ караульныхъ. Вотъ одинъ, ближайшій, пріостановился... Должно быть, услышалъ плескъ воды у борта и прислушивается къ нему. И въ темнотѣ южной ночи звучитъ его голосъ, полный тревоги и безпокойства.

— Wer da? (кто тамъ?).

Іоле замираетъ на мгновенье... Что дѣлать теперь? Если смолчать, австріецъ подниметъ тревогу,

пальбу... И тогда не сдобровать ему, Іоле. Жаль жизни, конечно, жаль старой матери, отца и Милицы, для которыхъ его гибель будетъ отчаяннымъ горемъ, но еще жальче не довести до конца начатое предпріятіе, предпріятіе, отъ котораго зависитъ хоть нѣкоторое благополучіе ихъ отряда и сотни человѣческихъ жизней будутъ спасены. Вѣдь съ разсвѣтомъ снова заговорятъ проклятыя австрійскія пушки, опять запрыгаютъ снаряды по берегу, опять станутъ вырывать горстями людей изъ рядовъ славныхъ защитниковъ города. Нѣтъ, нѣтъ, необходимо пресѣчь это сразу. Отчаяніе придаетъ новыя силы и энергію Іоле. Быстрая, лукавая и безумно-смѣлая мысль вдругъ внезапно осѣняетъ его мозгъ.

Какое счастье, что старая мать такъ заботилась о нихъ со дней дѣтства! Она, точно предчувствуя всю грядущую пользу знанія языковъ для своихъ дѣтей, учила и его, Іоле, и Милицу говорить по-французски и по-нѣмецки. Особенно послѣднимъ нарѣчіемъ Іоле владѣетъ въ совершенствѣ. И сейчасъ, въ эти роковыя минуты жизни, рѣшаетъ воспользоваться имъ. До смѣшного ясенъ и простъ пришедшій ему сейчасъ въ голову планъ. Ну да, конечно, необходимо, прежде всего, чтобы непріятельскій часовой принялъ его за австрійскаго дезертира и помогъ ему взобраться на палубу. А тамъ уже, онъ, Іоле, сумѣетъ справиться

съ нимъ. Нѣтъ ничего легче изобразить изъ себя блуднаго сына австрійской арміи, раскаявшагося и возвращающагося на лоно родины. Да, да, онъ такъ и сдѣлаетъ сейчасъ. И не медля ни минуты, юноша на новый окрикъ часового: кто же тамъ? будутъ ли мнѣ отвѣчать? спѣшитъ произнести взволнованнымъ голосомъ, совершенно чисто и правильно отвѣчая по-нѣмецки:

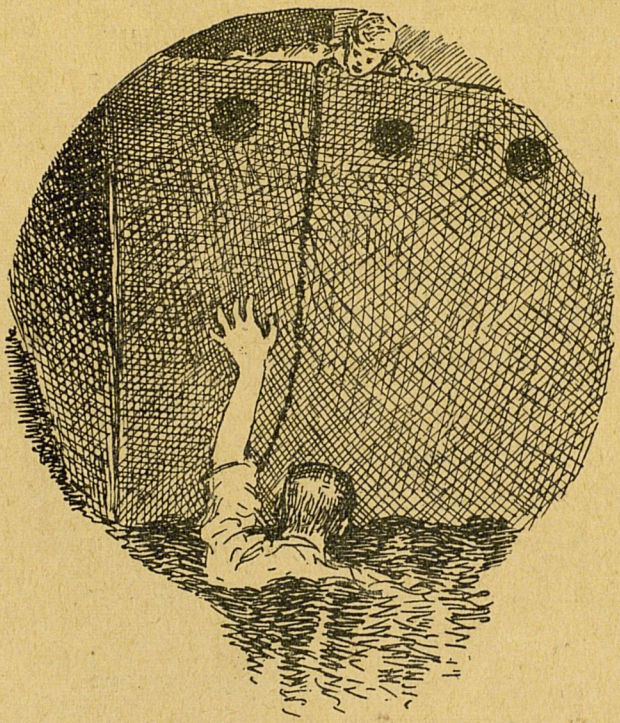
— Das bin ich (это я!)... я вернулся... я не могу больше... Пусть разстрѣливаютъ меня... Все же лучше погибнуть отъ родной пули, нежели спасаться, укрываясь, какъ заяцъ во вражеской землѣ... Выкиньте мнѣ канатъ, я умираю отъ голода, усталости и тоски.

Голосъ Іоле, дѣйствительно, похожъ теперь на голосъ умирающаго. Въ немъ дрожатъ искреннія ноты тревоги... Должно быть, эта тревога болѣе всего остального и убѣждаетъ непріятельскаго матроса въ искренности юноши.

— Не ты ли это, Карлъ? — звучитъ уже много тише голосъ австрійца. — Я такъ и зналъ, что ты вернешься, рано или поздно, товарищъ... Такъ-то лучше, повѣрь... Долгъ передъ родиной долженъ былъ заставить тебя раскаяться въ такомъ поступкѣ. Вотъ, получай, однако... Бросаю тебѣ канатъ... Ловишь? Поймалъ? Прекрасно?.. Спѣши же... Да тише. Не

то проснутся наши и развязка наступитъ раньше, нежели ты этого ожидаешь, другъ [1]).

Сейчасъ Іоле готовъ задохнуться отъ неожиданнаго счастья. Этотъ невидимый часовой, очевидно, принимаетъ его за какого-то бѣглаго солдата Карла. О, какъ хорошо складываются обстоятельства до сихъ поръ! Сама судьба, само небо вмѣшалось какъ будто въ опасное предпріятіе Іоле и даетъ ему возможность проникнуть такъ просто на бортъ непріятельскаго судна.. Легкій всплескъ воды подлѣ самой его руки даетъ знать Іоле, что веревка уже брошена... Вотъ конецъ ея... Его пальцы ловко подхватываютъ его... Такъ же быстро Іоле



[1]) За дезертирство, т. е. бѣгство изъ рядовъ арміи во время войны, полагается смертная казнь.

работаетъ теперь обѣими руками, поднимаясь на палубу, какъ до этого работалъ ими, плывя въ холодной пучинѣ по направленію австрійскаго судна. Вотъ все ближе и ближе подвигается онъ къ цѣли. У самаго борта его ждетъ непріятельскій часовой. Онъ стоитъ у самаго края палубы и, сильно наклонившись впередъ, — весь вниманіе, зрѣніе и слухъ. Еще минута, одинъ коротенькій мигъ, и голова Іоле показывается надъ палубой... За головою плечи, спина и руки...

— Ну, вотъ ты снова съ нами, Карлъ... что... — начинаетъ тѣмъ же шопотомъ часовой и не доканчиваетъ начатой фразы. Съ легкостью и быстротою дикой кошки Іоле бросается съ поднятымъ кинжаломъ ему на грудь. Тихій, чуть внятный стонъ и австріецъ медленно опускается на доски палубы, подхваченный ловкими руками Іоле.

Не теряя ни минуты, юноша быстро раздѣваетъ поверженнаго имъ врага... Снимаетъ съ него мундиръ, сапоги, кепи и также быстро надѣваетъ все это на свое собственное мокрое тѣло и бѣлье. Потомъ отталкиваетъ убитаго въ сторону и, взявъ его ружье въ руки, замираетъ съ нимъ на нѣсколько минутъ... Другой часовой въ эту минуту приближается къ Іоле. Надо, во что бы то ни стало, усыпить его бдительность, сыграть роль только что

погибшаго австрійца. Къ счастью, этотъ второй часовой не доходитъ до той части палубы, гдѣ только что безшумно произошла катастрофа. Удаляющіеся шаги его наглядно доказываютъ это.

Іоле прислушивается еще нѣсколько минутъ, потомъ, быстро и ловко лавируя между спящею орудійною прислугой, ползетъ по доскамъ палубы туда, гдѣ находятся грозные источники смерти. Его руки сами натыкаются на холодные остовы непріятельскихъ пушекъ. Слава Господу и его святымъ, онъ, Іоле, у цѣли сейчасъ!

Съ нечеловѣческой энергіей, въ полной темнотѣ, дѣйствуя осторожно, ощупью и насколько возможно безшумно, Іоле отвинчиваетъ замокъ перваго ближайшаго къ нему орудія. Покончивъ съ первымъ, также быстро и все также ползкомъ перекидывается ко второму. Теперь сложивъ оба въ уголку палубы, Іоле ползетъ къ третьему, находящемуся нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ, прислушиваясь въ то же время и къ могучему храпу орудійной прислуги и къ шагамъ вто-

рого часового, снова приближающимся къ нему. На секунду онъ пріостанавливаетъ свою безшумную, лихорадочную работу... Часовой уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Трепеща всѣмъ тѣломъ, Іоле выжидаетъ его приближенія... Подпускаетъ его къ себѣ чуть ли не вплотную... Минута... вторая... третья... Легкій стукъ выпавшаго изъ рукъ ружья, и солдатъ валится на палубу, не успѣвъ произнести ни слова...

Еще недолгая упорная работа, нѣсколько томительныхъ минутъ ея, и всѣ четыре замка австрійскихъ пушекъ находятся теперь въ рукахъ Іоле. Все также лихорадочно-быстро онъ привязываетъ ихъ къ концу каната, чтобы не производить шума при рѣзкомъ бросаніи ихъ съ палубы и тихо-тихо погружаетъ канатъ съ замками за бортъ, въ воду.

Теперь остается только послѣдовать вслѣдъ за ними. Огромная по трудности работа совершена. Часть непріятельскихъ пушекъ, громившихъ ихъ берегъ, замолчала, благодаря ему, Іоле, надолго, можетъ быть, навсегда.

Теперь туда... въ обратный путь, скорѣе, скорѣе!..

Но что это? Іоле слышитъ чей-то рѣзкій голосъ, окликающій его въ темнотѣ. Неужели третій часовой, котораго онъ не примѣтилъ прежде? Или это про-

снулся кто-то изъ орудійной прислуги? Не все ли равно, кто! Опасность налицо и нечего о ней разсуждать дольше! Отвѣчать опасно. Іоле отлично понимаетъ это... Съ быстротою, свойственной ему, онъ бросается къ борту... Секунда, одна секунда задержки только и, быстро сбросивъ съ ногъ непріятельскіе сапоги, юноша турманомъ летитъ въ темную пучину рѣки...

Въ тотъ же мигъ сухой короткій трескъ раздается у него за спиною... За нимъ еще одинъ, еще и еще... И громкій крикъ на палубѣ, крикъ, призывающій къ тревогѣ, будитъ ночную тишину.

Теперь сухіе короткіе выстрѣлы трещатъ, не умолкая... Пули проносятся со своимъ характернымъ жужжаніемъ надъ самой головой Іоле... Но онъ мало обращаетъ вниманія на нихъ. Перерѣзавъ предварительно канатъ своимъ кинжаломъ, тотъ самый канатъ, къ концу котораго прикрѣплены драгоцѣнные, добытые имъ трофеи — четыре замка отъ непріятельскихъ пушекъ и, держа его въ крѣпко стиснутыхъ зубахъ, Іоле плыветъ обратно, лихорадочно быстро перебирая руками. Вотъ уже скоро и затонувшее судно, находящееся на полпути между нимъ и роднымъ берегомъ. Вдругъ ослѣпительный свѣтъ прожектора освѣтилъ рѣку.

— Кончено, — промелькнуло въ тотъ же мигъ въ

головѣ Іоле, — кончено, теперь имъ ничего не стоитъ пристрѣлить меня, какъ птицу... Слава Богу еще, что удалось довершить до конца задуманный планъ. Благодарю Тебя, Господи, что привелъ меня послужить милой родинѣ, святому дѣлу ея защиты! И Іоле молніеносно прошепталъ молитву. Новый залпъ винтовокъ... И новый градъ пуль разсыпался надъ рѣкою, шлепаясь о загорѣвшуюся теперь подъ свѣтомъ прожектора ея поверхность. Нѣсколько пуль упало въ воду у самаго лица Іоле... Къ счастью, затонувшее судно было теперь лишь въ двухъ саженяхъ отъ него и обезсиленный юноша быстро метнулся подъ его прикрытіе...

Когда чуть живой отъ усталости, чудомъ избѣжавшій смерти, Іоле очутился снова среди своихъ на родномъ берегу, первое лицо, бросившееся ему на глаза среди окружившихъ солдатъ его батареи, было лицо старшаго брата, съ застывшимъ на немъ выраженіемъ тупого, безпросвѣтнаго отчаянія.

— Іоле, маленькій Іоле! Что ты сдѣлалъ со мною! — прошепталъ дрогнувшимъ голосомъ капитанъ Петровичъ, открывая объятія младшему брату.

Полумертвый отъ пережитыхъ впечатлѣній, юноша молча притянулъ къ ногамъ Танасіо при-

крѣпленные къ канату замки и произнесъ, собравъ послѣднія силы:

— Вотъ, господинъ капитанъ... Я исполнилъ свой долгъ... «Онѣ», тѣ, которыя тамъ, на серединѣ рѣки, онѣ поневолѣ должны молчать съ той минуты... Вотъ замки, господинъ капитанъ... отъ всѣхъ четырехъ орудій... А теперь разрѣшите мнѣ пойти отдохнуть до утра... въ палатку... Я немного усталъ...

Капитанъ Петровичъ взглянулъ на брата неподдающимся описанію взглядомъ и дрогнувшимъ голосомъ произнесъ:

— Ступайте, подпоручикъ. Вы заслужили по праву этотъ отдыхъ... Вы заслужили и большее... Но не въ моихъ силахъ наградить васъ... препровожу донесеніе о вашей беззавѣтной храбрости завтра же въ штабъ арміи... А теперь, — тутъ Танасіо понизилъ голосъ до шопота, чтобы не быть услышаннымъ сбившимися вокругъ нихъ въ кучку артиллеристами, — а теперь, мой Іоле, мой отважный герой-орленокъ — обними меня...

ГЛАВА VI.

— Завтра отвезу тебя въ твое гнѣздышко, моя птичка! — ласково сказала тетя Родайка пригорюнившейся у окна Милицѣ.

— Все равно теперь ужъ. Туда ли, здѣсь ли оставаться, разъ нельзя на родину, — апатично отозвалась ей въ отвѣтъ дѣвушка.

Но ѣхать ей не пришлось. Наступило завтра, и новыя событія наступили вмѣстѣ съ нимъ.

Стояло яркое, радостное іюльское утро. Еще наканунѣ этого дня пробѣжали смутные слухи о событіяхъ огромной важности въ городѣ. И вся столица встрепенулась, какъ одинъ человѣкъ.

Германія объявила войну Россіи. Въ это самое утро и появился въ печати Высочайшій манифестъ о ней къ народу. Зазвучали колокола въ церквахъ и соборахъ. Шумныя толпы залили улицы. Всюду на углахъ ихъ и перекресткахъ собирались группы оживленно бесѣдующихъ мужчинъ и женщинъ. Толковали горячо и громко о надвигающихся грозныхъ событіяхъ. Произносилось имя Верховнаго Главнокомандующаго Великаго князя Николая Николаевича,

назначеннаго Государемъ. Шли бурные толки о вѣроломныхъ претензіяхъ германскаго и австрійскаго монарховъ. А огромный исаакіевскій колоколъ все гудѣлъ и гудѣлъ, не переставая. Отошла Достойная, пропѣли послѣдніе тропари, и народъ валомъ повалилъ на площадь. Въ одно мгновеніе ока тамъ образовалась огромная, пестрая толпа народа. Появились національные и сербскіе флаги. Заколыхались знамена съ надписями на нихъ: «Да здравствуетъ Россія!», «Да здравствуетъ Сербія!»

А толпа манифестантовъ все росла и росла съ каждой минутой, съ каждой секундой. Вдругъ стройно и звонко запѣли молодые, сильные голоса. Ихъ подхватили другіе, и волною покатился національный гимнъ по залитымъ знойнымъ іюльскимъ солнцемъ улицамъ.

Милица вмѣстѣ съ тетей Родайкой, отстоявъ обѣдню и молебенъ въ соборѣ, вышла на церковную паперть въ тѣсныхъ рядахъ толпы. Ея глаза всегда задумчивые, съ затаенной въ нихъ грустью, сейчасъ свѣтились радостными огнями, вызванными всеобщимъ подъемомъ и воодушевленіемъ. Ея губы улыбались. Рука, крѣпко прижимавшая къ себѣ руку тети Родайки, замѣтно дрожала.

И вотъ, подобно легкому ропоту прибившагося къ берегу вала, пронеслись по толпѣ крылатыя слова...

— Государь въ Зимнемъ Дворцѣ... Государь покажется нынче народу...

Что-то необъяснимое произошло вслѣдъ за этимъ. Громовое ура загремѣло по всей улицѣ... Сильнѣе заколыхались флаги и знамена надъ головами манифестантовъ, и сами манифестанты, почти бѣгомъ, направились ко дворцу. Тѣ, что сходили съ паперти, хлынули на улицу, унося за собою цѣлые потоки народа. Точно какія-то невидимыя крылья подхватили Милицу и разъединили ее съ ея спутницей. Дѣвушка не успѣла произнести ни слова, какъ очутилась далеко-далеко отъ тети Родайки, потерявшей ее въ толпѣ.

— Ура! Ко дворцу!.. Да здравствуетъ Государь Императоръ!..—кричали до хрипоты манифестанты, и снова стройнымъ хоромъ понеслось навстрѣчу небу и солнцу, бѣлымъ облакамъ и колокольному звону «Боже, Царя храни»...

Милица опомнилась только на площади передъ колоссальнымъ зданіемъ дворца. Теперь многотысячная толпа народа заливала эту площадь... На балконахъ, въ окнахъ, даже на крышахъ домовъ копошились люди... Надъ Зимнимъ Дворцомъ развѣвался Императорскій штандартъ. Золотомъ отли-

вало его желтое поле и какъ-то особенно ярко и знаменательно выдѣлялся изображенный на немъ двуглавый орелъ. Тихо шелестѣли и самодѣльныя знамена, и стройно колыхались надъ толпой національные на высокихъ древкахъ флаги. А надъ дворцомъ и площадью безмятежно синѣло жаркое іюльское небо и золотое солнце радостно смѣялось среди синихъ небесъ. Двери балкона во дворцѣ были раскрыты настежь и какимъ-то многообѣщающимъ казался народу ихъ широкій просвѣтъ.

— Государь выйдетъ на балконъ! — снова пронеслось животрепещущей вѣстью въ народѣ. И тѣснѣе сдвинулись его и безъ того тѣсные ряды. Высоко, въ голубое пространство уходила гранитная Александровская колонна — символъ побѣды и славы могучаго русскаго воинства. Какъ-то невольно глаза обращались къ ней и приходили въ голову мысли о новой побѣдѣ, о новой славѣ.

Милица, сдавленная со всѣхъ сторонъ толпой, большими влажными глазами оглядывала ближайшія къ ней лица. Она всегда любила русскихъ, не отдѣляя ихъ отъ своихъ единоплеменниковъ. Но сегодня, охваченная однимъ и тѣмъ же патріотическимъ подъемомъ вмѣстѣ съ ними, она чувствовала къ нимъ какое-то особенно теплое и хорошее чувство. О, какъ всѣ они были ей дороги сейчасъ! Какъ при-

Какъ одинъ человѣкъ, опустилась огромная толпа на колѣни.

знательна была ея душа братьямъ этихъ людей, тѣмъ славнымъ воинамъ-богатырямъ, готовымъ безстрашно отдать свои жизни ради защиты угнетенныхъ славянскихъ братьевъ. А Государь? Неужели она Его увидитъ нынче? Эта мысль показалась до того несбыточной дѣвушкѣ, что она даже боялась подолгу останавливаться на ней. А между тѣмъ кругомъ всѣ говорили рѣшительно и громко о томъ, что Государь Императоръ появится на балконѣ... Вопросъ во времени только. Можетъ быть въ часахъ, можетъ быть въ минутахъ. Вотъ неожиданно громче и оживленнѣе загудѣли исаакіевскіе колокола. Имъ отозвался гулкій перезвонъ на колокольнѣ Казанскаго Собора и неожиданно, все покрывая на мигъ своимъ грознымъ раскатомъ, прогремѣла съ Петропавловской крѣпости первая пушка... За ней другая... третья... Колокола замолкли... Теперь уже опредѣленно черезъ нѣкоторый промежутокъ времени ахали мощными вздохами жерла орудій... И когда послѣдній ударъ раскатился гдѣ-то далеко, далеко за рѣкою, вся площадь запѣла снова народный гимнъ. Съ послѣднимъ словомъ его, съ послѣднимъ звукомъ, покрытымъ новымъ могучимъ ура, что-то необычайное произошло на площади. Какъ одинъ человѣкъ, опустилась огромная, многочисленная толпа на ко-

лѣни... Полетѣли шапки вверхъ и замелькали въ воздухѣ платки... Просвѣтленныя, словно солнечными лучами пронизанныя, лица обратились къ балкону... И влажные глаза впились въ темнѣющій просвѣтъ дворцовыхъ дверей...

Милица взглянула туда же и сердце ея дрогнуло, и заколотилось въ груди бурно, бурно...

На балконъ, въ сопровожденіи Государыни Императрицы, выходилъ Тотъ, отъ Кого зависѣла и честь, и мощь, и слава великой родины русскаго народа...

ГЛАВА VII.

Глазами, полными восторга, впилась Милица Петровичъ въ знакомыя всему европейскому міру черты русскаго Царя... А толпа въ эти минуты неистово гремѣла свое могучее «ура» то и дѣло чередующееся съ исполненіемъ гимна. Было хорошо видно каждому находившемуся здѣсь, на площади, взволнованное лицо Монарха. Государь былъ тронутъ, казалось, проявленіемъ этой любви къ себѣ своего народа. Онъ опустилъ голову... Точно привѣтствовалъ, въ свою очередь, въ лицѣ собравшейся здѣсь, передъ Его дворцомъ, толпы всю могучую, всю славную Россію... Безконечно трогательно было это движеніе Державнаго Отца-Царя подъ непрерывные клики бѣшено ликующаго сына-народа, рвавшіеся изъ самыхъ нѣдръ, казалось, народныхъ сердецъ. Такъ длилось нѣсколько минутъ, пролетѣвшихъ однимъ быстрымъ свѣтлымъ мгновеніемъ. Колѣнопреклоненная толпа слала могучее «ура» своему Государю, а Онъ — тихо, взволнованный и потрясенный, стоялъ передъ нею со склоненной головой.

Потомъ все сразу исчезло, какъ быстрое видѣніе, какъ яркій сонъ...

Императорская Чета прослѣдовала во дворцовые внутренніе покои. Балконъ опустѣлъ, но народъ еще долго не расходился съ площади.

. . . . . .

Государь ушелъ съ балкона, а могучее «ура» все гремѣло и перекатывалось съ одного конца площади на другой...

Милица медлила, оставаясь въ толпѣ. Ей какъ-то не хотѣлось уходить отсюда, гдѣ все еще переживалась недавняя картина общенія Царя съ его народомъ. Это общеніе глубоко потрясло дѣвушку. Она сама не замѣтила, какъ непроизвольныя тихія слезы катились у нея изъ глазъ и, надрывая свой нѣжный дѣвичій голосъ, она кричала вмѣстѣ съ толпою «ура», вся захваченная небывалымъ энтузіазмомъ.

Забыта была тетя Родайка, отъ которой она отбилась въ толпѣ у собора... Забыто на мигъ тяжелое разочарованіе невозможности уѣхать къ себѣ на родину... Только и было сейчасъ думы, что о Немъ, Государѣ, Державномъ Отцѣ могучей страны и о самой странѣ, о милой Россіи, которой она, Милица, теперь же, не задумываясь ни на минуту, отдала бы жизнь... О, если бы она могла умереть за нихъ обоихъ, если бъ могла!

Она такъ задумалась, такъ ушла въ свои мысли въ эти минуты, что и не чувствовала, не замѣчала даже, какъ ее толкали со всѣхъ сторонъ. До ушей ея доносились отрывки разговоровъ, тѣснившейся повсюду на площади толпы... Машинально прислушивалась къ нимъ молодая дѣвушка, какъ во снѣ, какъ сквозь легкое забытье.

Вдругъ она вздрагиваетъ, поднимаетъ голову... Слушаетъ внимательно, напряженно. Между нервными, взволнованными голосами, полными радостнаго возбужденія, особенно выдѣляется одинъ. И этотъ молодой, радостно возбужденный, голосъ говоритъ:

— Вотъ, увидѣли Его и еще отраднѣе на душѣ стало... Дѣйствительно, отраднѣе и легче. Вѣдь отъ него зависитъ теперь наша слава и честь... и защита, и оплотъ несчастныхъ сербовъ. И если суждено пасть Бѣлграду, то маленькій народъ можетъ быть спокоенъ: онъ все-таки будетъ отомщенъ.

«Пасть Бѣлграду?»

Вся кровь отливаетъ отъ лица Милицы и оно дѣлается блѣднымъ, смертельно блѣднымъ, какъ снѣгъ... Не помня себя, бросается она вслѣдъ за говорящимъ... Передъ нею юное, совсѣмъ еще юное лицо... Сѣрые глаза мечутъ искры воодуше-

вленія изъ-подъ черныхъ рѣшительныхъ бровей. Еще совсѣмъ дѣтскія губы улыбаются добродушно-счастливой улыбкой и густой румянецъ покрываетъ нѣжныя щеки, тронутыя первымъ пушкомъ. Юноша сильно жестикулируетъ лѣвой рукой, тогда какъ правая крѣпко сжимаетъ древко знамени, на которомъ выведено крупными буквами по національнымъ цвѣтамъ поля: «Боже, Царя храни». Одѣтъ онъ въ форму средне-учебнаго заведенія, и гимназическая синяя фуражка чуть сдвинута у него на темя. Изъ-подъ нея выбиваются кудрявыя русыя пряди позолоченныхъ солнцемъ волосъ. Юноша невысокъ, но строенъ. Ему смѣло можно дать шестнадцать-семнадцать лѣтъ по росту, тогда какъ совсѣмъ дѣтское лицо говоритъ о болѣе раннемъ возрастѣ. Минута размышленія, и, не помня себя, Милица бросается къ юному знаменосцу.

— Почему вы такъ увѣрены въ томъ, что Бѣлградъ долженъ погибнуть? Почему вы сомнѣваетесь въ побѣдѣ сербовъ? — бросаетъ она срывающимся голосомъ и, сама того не замѣчая, теребитъ гимназиста за рукавъ его куртки.

— Да потому хотя бы, что эти негодные австріяки опять громятъ его своими пушками, — горячо срывается съ губъ юноши, — и не сегодня, завтра онъ будетъ въ конецъ разрушенъ. Дай только Богъ, чтобы нашъ Государь, чтобы мы... чтобы вся Россія...

Юноша не доканчиваетъ. Съ тихимъ стономъ Милица закрываетъ лицо руками.

— Бѣдная родина. Несчастный городъ... Отецъ, мать... Іоле... Что будетъ съ ними? А она, Милица, здѣсь — такъ далеко отъ нихъ... Такъ ужасно далеко, безсильная помочь имъ, не имѣя возможности быть хоть немного полезной ея дорогимъ близкимъ, не будучи въ состояніи даже умереть вмѣстѣ съ ними.

Сама того не сознавая, она говоритъ это вслухъ дрожащимъ, срывающимся голосомъ. И слезы, одна за другою, капаютъ у нея изъ глазъ, катятся по щекамъ и смачиваютъ прижатые къ лицу пальцы. Юноша-знаменосецъ передаетъ свое знамя одному изъ своихъ спутниковъ и, подойдя къ дѣвушкѣ, спрашиваетъ теплымъ, полнымъ участія голосомъ:

— Такъ вы?..

— Сербка, — съ достоинствомъ отвѣчаетъ та. Теперь тонкіе, смоченные слезами пальцы не закрываютъ больше ея лица. Блѣдное, съ горящими, какъ

синія звѣзды, глазами, оно сейчасъ полно невыразимаго отчаянія и тоски. Кругомъ нихъ толпа сгущается; всѣ ближайшіе къ нимъ сосѣди принимаютъ живѣйшее участіе въ этомъ искреннемъ порывѣ горя молодой дѣвушки.

— Вы сербка? Давно пріѣхали съ вашей родины? Когда поѣдете обратно? Передайте вашимъ львамъ, чтобы они мужались... Скоро идемъ на помощь къ нимъ. Русскіе не оставятъ безъ помощи своихъ младшихъ братьевъ. Рано же приходить въ отчаяніе и терять надежду. Гдѣ вы живете, скажите? Мы доведемъ васъ до дому. Вы же едва держитесь на ногахъ....

Милица не можетъ отвѣтить ни слова на эти простыя, хорошія, полныя участія и несущія ей такое облегченіе слова. Не можетъ сказать ни того, кто она, ни гдѣ живетъ. Легкая краска покрываетъ до сихъ поръ блѣдныя, безъ признака румянца, щеки... Она молчитъ, не зная, что отвѣчать, — робкая и смущенная, какъ маленькая дѣвочка... Тогда юноша-гимназистъ первый приходитъ къ ней на помощь. Энергичнымъ движеніемъ онъ беретъ ея руку въ свою и говоритъ рѣшительнымъ тономъ:

— Вы въ такомъ состояніи, что не сможете ни въ какомъ случаѣ добраться до дома одна и я провожу васъ, если позволите. Левицкій, отнесите знамя

къ намъ на квартиру, я вамъ поручаю его, — обращается онъ тутъ же къ товарищу-реалисту, находящемуся рядомъ съ нимъ.

Милица смотритъ на юношу благодарными глазами. Его энергичное, открытое лицо, умный, честный взглядъ большихъ сѣрыхъ глазъ и эта добродушная, дѣтская улыбка — сразу располагаютъ ее въ пользу юноши.

— Идемъ, — говоритъ онъ тономъ, не допускающимъ возраженій и энергично пробиваетъ себѣ и своей спутницѣ дорогу въ толпѣ.

— Да, — спохватившись обращается онъ къ ней снова, не переставая работать локтями и плечами: — совсѣмъ изъ головы выскочило, надо же мнѣ вамъ представиться. Такъ вотъ: меня зовутъ Горей... То-есть, Игоремъ, виноватъ. Игорь Корелинъ, ученикъ седьмого класса Н-ой гимназіи, имѣю отъ роду шестнадцать съ половиною лѣтъ. Какъ видите, все въ порядкѣ. А теперь, куда прикажете васъ довести?

Милица назвала улицу.

— Батюшки, какъ далеко! — искренно испугался ея новый знакомый. — Вотъ что мнѣ пришло въ голову: зайдемъ сначала въ Александровскій скверъ. Вы отдохнете тамъ немного на скамейкѣ, а затѣмъ тронемся дальше. Идетъ?

Милица молча кивнула въ знакъ согласія головою, и молодежь направилась къ тѣнистымъ аллеямъ сквера, гостепріимно издали предлагающимъ имъ свою тѣнь. Недалеко отъ скамьи, на которую они опустились, тихо журчалъ фонтанъ, разсѣивая вокругъ себя пріятную свѣжесть. Игорь Корелинъ сбросилъ фуражку и вытеръ вспотѣвшее отъ зноя лицо носовымъ платкомъ.

— Ну, а теперь разсказывайте, какъ и когда вы, — сербка по рожденію, — попали сюда, въ наши палестины, — обратился онъ къ своей спутницѣ, — а я весь вниманіе и слухъ.

Что-то было такое въ тонѣ и голосѣ юноши, въ его сѣрыхъ глазахъ, то серьезныхъ, то полныхъ юмора, что внушило сразу довѣріе Милицѣ. И, не колеблясь ни минуты, она разсказала ему все безъ утайки, начиная со своего пріѣзда въ Россію и кончая своимъ желаніемъ поѣхать на родину, тихонько отъ институтскаго начальства, чтобы принести хотя бы относительную помощь своему народу. Разсказала и то, что отецъ самымъ энергичнымъ образомъ запретилъ ей дѣлать это. Сдержанная, всегда замкнутая въ себѣ, Милица сама не могла понять, что случилось съ нею сегодня: никогда еще въ жизни не была они ни съ кѣмъ такъ откровенна, какъ сейчасъ. Юноша выслушалъ ее очень внимательно. Ни

одно слово, казалось, не миновало ушей Игоря. А глаза его то и дѣло мѣняли свое выраженіе во все время этого разсказа, какъ будто онъ переживалъ самъ все то, что переживала Милица. Когда дѣвушка замолчала, Игорь долго сидѣлъ, не произнося ни слова. Потянулись долгія минуты. Попрежнему по близости тихо ропталъ фонтанъ, слышались голоса играющихъ дѣтей, громкіе окрики нянекъ. Съ улицы доносились сюда звонки и своеобразное завываніе трамваевъ, то и дѣло вспыхивающее то здѣсь, то тамъ и перемѣшивающееся со звуками гимна.

Игорь невольно взглянулъ въ сторону, потомъ перевелъ глаза на Милицу.

— Спасибо вамъ за откровенность, — мягко прозвучалъ его голосъ — повѣрьте, я сумѣю ее оцѣнить и отплачу вамъ, если позволите, тѣмъ же... Вотъ, видите ли... вы — сербка, я — русскій, но чувство у насъ должно быть одно, хорошее, обще-славянское чувство любви къ родинѣ. И порывы одни и тѣ же. Вѣдь и я тоже собрался, какъ узнаете сейчасъ, принести посильную помощь моей родинѣ и уже отчасти выполнилъ задуманный мною планъ. Я хочу ѣхать на войну, на самыя поля битвъ, на театръ военныхъ дѣйствій. Я хочу воевать съ врагами моего отечества, хочу отдать себя всего святому дѣлу

защиты чести моей родины. Разумѣется, въ гимназіи не должны знать объ этомъ, а то не отпустятъ или, что еще хуже, вернутъ съ дороги. Что же касается дома, то тамъ я и скрывать не стану моего плана. Родители у меня умерли давно. Живу я на иждивеніи сестры — фельдшерицы одной изъ нашихъ городскихъ больницъ, которая, при первыхъ же слухахъ о возможности войны только, поступила въ одинъ изъ формирующихся отрядовъ Краснаго Креста и не сегодня-завтра отправится въ дѣйствующую армію. Ольга, сестра моя, разсудительная женщина и ей я могъ откровенно признаться во всемъ: такъ, молъ, и такъ, Ольга, отпусти меня на войну добровольцемъ; мнѣ уже пошелъ семнадцатый годъ, стрѣляю я въ цѣль весьма недурно, попадаю, видите ли, въ спичечную коробку на разстояніи пятидесяти шаговъ. А насчетъ развѣдочной службы (въ строй меня, по всей вѣроятности, не примутъ, по молодости лѣтъ), у меня, какъ ни совѣстно хвалить собственную персону, уйма таланта. А не отпустишь меня добромъ, говорю ей, сбѣгу все равно потихоньку. Стыдно какъ-то бездѣйствовать, когда наши солдатики запасные семьи свои, женъ и дѣтей оставляютъ и идутъ жертвовать своей жизнью родинѣ за насъ всѣхъ. А мы большіе, сильные сидѣть будемъ здѣсь, сложа руки и все наше воодушевленіе

выражать однѣми непрерывными манифестаціями, да пѣніемъ гимна. Я понимаю, если бы у меня были отецъ, мать, родные, близкіе — я не заикнулся бы имъ о моемъ желаніи и остался бы дома оберегать и лелѣять ихъ покой. Но, повторяю вамъ, я — круглый сирота... Значитъ, если со мною произойдетъ что-либо, — никто не станетъ оплакивать меня здѣсь. Вотъ, взвѣсивъ все это, я и пошелъ къ знакомому офицеру и умолилъ его взять меня, хотя бы въ качествѣ развѣдчика при его ротѣ, на передовыя позиціи въ дѣйствующую армію, куда они и отправляются завтра утромъ. Онъ долго не соглашался, этотъ милый капитанъ. Трудно было, до чертиковъ, уломать его. Зато я едва съ ума не спятилъ отъ восторга, когда онъ, наконецъ, изрекъ свое согласіе, переговоривъ предварительно съ моей сестрою и поставивъ мнѣ цѣлый списокъ условій. До сихъ поръ ногъ подъ собою не чую отъ радости...

— Счастливецъ! Да, вы — счастливецъ, — вырвалось непроизвольно и тихо изъ груди Милицы. И вдругъ неожиданная, острая и яркая мысль жаломъ впилась въ ея мозгъ: «что, если»...

Этотъ славный Игорь — само воплощеніе благородства и, разумѣется, онъ сдѣлаетъ все зависящее отъ него, чтобы устроить благосостояніе и счастье другому. А что касается ея, то она, Милица, можетъ

быть, не счастлива, нѣтъ, а спокойна, хотя бы только въ томъ случаѣ развѣ, если ей представится хоть какая-нибудь возможность принести пользу своей работой, своимъ присутствіемъ, своей жизнью, наконецъ, если это понадобится тамъ, на театрѣ военныхъ дѣйствій. Не все ли равно, будетъ ли это въ Сербіи или въ Россіи? Общее святое славянское дѣло связываетъ обѣ эти страны: большую, могучую славную Русь и храбрую, маленькую Сербію. Вѣдь готовы же славные русскіе богатыри защитить ихъ меньшого брата — отважный сербскій народъ. Такъ почему же ей, Милицѣ, не отдать всю себя на служеніе ея второй святой родинѣ — Россіи? Здѣсь, если нельзя тамъ, у себя на родинѣ, поступитъ она въ сестры милосердія, какъ эта невѣдомая ей еще, но уже близкая и родная по духу, сестра Игоря — Ольга... Да, да, она попроситъ своего неожиданнаго новаго знакомаго отвести ее къ ней... къ этой Ольгѣ и та укажетъ ей путь, какъ ей устроиться въ качествѣ сестры милосердія въ дѣйствующую армію, на войну. И волнуясь и радуясь, Милица тотчасъ передала своему собесѣднику то, что было у нея на душѣ въ эти минуты.

Тотъ выслушалъ дѣвушку. Потомъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, родная, это не подойдетъ, — началъ онъ

мягко и задушевно. — Въ сестры не возьмутъ безъ тщательнаго, спеціальнаго обученія, безъ подготовки. Мѣсяцевъ восемь надо будетъ усидчиво заниматься при одной изъ общинъ прежде, чѣмъ попасть на войну, да еще врядъ ли примутъ такую молоденькую, какъ вы...

— Восемь мѣсяцевъ, — прошептала съ упавшимъ сердцемъ Милица. — Но, вѣдь, это, это... она не договорила. Волна безысходнаго отчаянія затопила снова ея душу. Сѣрою, безпросвѣтною и унылою снова показалась жизнь.

— Горя, — прошептала она съ тупою тоскою въ голосѣ, — если бы вы знали, какъ я несчастна!..

Но и безъ ея признанія Игорь видѣлъ это. Понялъ по ея потупленнымъ глазамъ, по этому упавшему голосу. Ему стало безконечно жаль молоденькую сербку, которую онъ такъ понималъ душой, понималъ ея разочарованіе и печаль и, нимало не думая о томъ, какое впечатлѣніе могли произвести на дѣвушку его слова, Игорь произнесъ съ досадой:

— Какъ жалко, что вы не мальчишка, право. Что не умѣете стрѣлять... что...

Милица вздрогнула.

— Кто вамъ сказалъ, что я не умѣю стрѣлять? — спросила она, вся вспыхнувъ, — вы ошибаетесь! Мой отецъ, старый герой Балканской войны, обучилъ меня

и брата Іоле стрѣлять въ цѣль съ самаго ранняго возраста. А старшій братъ Танасіо посадилъ насъ впервые на лошадь, когда намъ было только по семи-восьми лѣтъ. Съ тѣхъ поръ мы постоянно ѣздили дома верхомъ и стрѣляли изъ маленькаго монте-кристо... Къ тому же я и Іоле учились въ дѣтствѣ и фехтованію на крошечныхъ рапирахъ. Правда, цѣлыхъ шесть лѣтъ я не практиковалась, живя въ четырехъ стѣнахъ въ институтѣ, но тѣ два года ученія, въ особенности стрѣльбы въ цѣль, по всей вѣроятности, не пропали даромъ. Къ тому же, у меня отъ природы мѣткій глазъ и вѣрная рука,—страстно заключила Милица, невольно смущаясь подъ упорнымъ взглядомъ своего собесѣдника, который не спускалъ съ нея глазъ во все время, пока она говорила.

— Ура!—неожиданно крикнулъ Игорь и такъ громко, что находившіеся по близости ихъ въ саду гуляющіе повернули головы въ сторону скамьи, на которой они сидѣли. Впрочемъ, это «ура» какъ нельзя болѣе пришлось кстати. Толпа манифестантовъ на улицѣ, какъ разъ въ это время закончила только что пѣніе гимна и подхватила торжествующій возгласъ, раздавшійся такъ неожиданно въ саду.

— Ура!—повторилъ уже тихо еще разъ Игорь, когда затихли восторженные клики народа—ура,

наше дѣло въ шляпѣ! И я ручаюсь вамъ, что вы тоже попадете на войну.

— На войну? — боясь повѣрить своему счастью, пролепетала дрогнувшими губами Милица.

— Ну да, конечно, — уже радостно бросалъ ей ея собесѣдникъ. — Ну да, если только вы довѣритесь мнѣ и абсолютно точно будете исполнять каждое мое слово.

Не будучи въ состояніи отвѣтить что-либо, она только молча кивнула головой. Все больше и больше довѣрія съ каждой минутой пробуждалъ къ себѣ этотъ мальчикъ съ его открытымъ смѣлымъ лицомъ и умными честными глазами. И не колеблясь ни минуты, послѣ недолгаго молчанія, Милица отвѣчала ему:

— Я не знаю, куда вы будете стараться устроить меня, Горя, но повторяю вамъ еще разъ, что съ одинаковымъ восторгомъ я стану ухаживать за вашими ранеными воинами, съ тѣмъ же восторгомъ буду производить развѣдки, или участвовать въ самомъ бою въ числѣ вашихъ стрѣлковъ...

Она сказала это съ такимъ видомъ, что Игорю Корелину осталось только протянуть ей руку и крѣпко пожать холодные отъ волненія пальцы дѣвушки.

— Такъ, значитъ, союзники? — весело обратился онъ къ своей новой знакомой.

— Союзники! — серьезно и бодро отвѣчала Милица.

— Ну, а теперь идемъ. Только чуръ при условіи, повторяю, исполнять слѣпо каждое мое слово. Повѣрьте, ничему дурному я васъ не научу. А также попрошу васъ говорить окружающимъ только то, что я буду вамъ совѣтовать, не правда ли?

— О, да, конечно!

— Ну, вотъ и прекрасно. Какъ ваше имя, позвольте узнать? Вы еще не назвали себя, милая барышня.

— Милица Петровичъ. Милей зовутъ меня подруги...

— О, только не Миля, ради Бога. Это звучитъ какъ-то по-нѣмецки, а я, простите меня, этихъ животныхъ выносить не могу, — съ комическимъ ужасомъ закричалъ юноша. — Ужъ позвольте васъ называть по-русски, Милой? Можно?

— Разумѣется, можно. Да меня такъ и дома зовутъ.

— Вотъ и великолѣпно. Такъ идемъ, Милочка. Прежде всего къ намъ. Вѣдь если вы хотите завтра со мной ѣхать на театръ военныхъ дѣйствій, вы не должны заглядывать ни подъ какимъ видомъ домой.

— Конечно, — подумавъ минутку, отвѣтила дѣвушка. — Конечно, не должна.

Въ головѣ Милицы промелькнулъ въ этотъ мигъ образъ тети Родайки, пронеслась мысль о тревогѣ старухи, о страхѣ ея, — неизбѣжномъ спутникѣ исчезновенія племянницы. Ей стало жаль тетку, но тотчасъ же Милица постаралась заглушить это чувство въ себѣ. «Отправлю ей записку, что жива, здорова и попрошу не тревожиться за меня» — рѣшила она тутъ же. — А, главное, попрошу ее не искать меня.

— Конечно, домой я уже не вернусь, — еще разъ твердо и рѣшительно подтвердила, обращаясь къ Корелину, Милица.

— Прекрасно! Значитъ до утра вы пробудете у насъ. Сестра Ольга проводитъ нынѣшнюю ночь на дежурствѣ въ больницѣ и вернется лишь завтра къ полудню. Мы уже простились съ нею и она благословила меня на войну маленькимъ образкомъ. Она меня очень любитъ и такъ трогательно молила капитана Любавина беречь меня. Теперь у насъ въ квартирѣ находится только одна глухая кухарка Авдотья и при нѣкоторой долѣ старанія вамъ вполнѣ можно избѣгнуть встрѣчи съ нею. Такимъ образомъ, васъ никто не замѣтитъ и вы спокойно проведете ночь у насъ. Я раздобуду вамъ новую, болѣе удобную

одежду. Вѣдь вы ничего не имѣете противъ того, чтобы вмѣсто Милицы Петровичъ стать Митей Агаринымъ, напримѣръ? Или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ? И распроститься вотъ съ этими роскошными черными волосами? — съ легкой улыбкой спросилъ Игорь, указывая на пышную густую косу Милицы.

— Боже мой! Не только волосы, самую голову свою охотно дамъ я отрѣзать, если бы это принесло пользу моимъ обѣимъ родинамъ, — прошептала такъ тихо Милица, что собесѣдникъ ея едва смогъ разслышать послѣднія слова.

Потомъ они оба поднялись со скамьи и бодро зашагали по направленію Васильевскаго Острова, гдѣ въ одной изъ отдаленныхъ линій находилась скромная квартирка Ольги Корелиной, пріютившая подъ кровомъ своимъ и ея юнаго брата, — Горю.

ГЛАВА VIII.

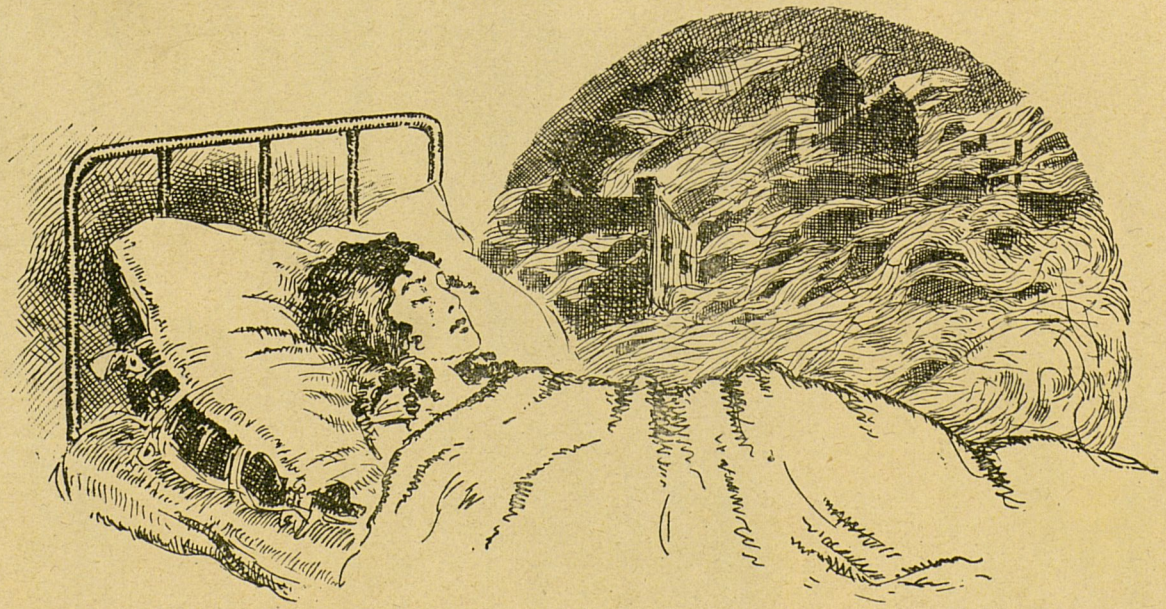
Раннее солнечное утро застало Милицу погруженною въ глубокій, безмятежный сонъ.

Маленькая комнатка, гдѣ она спала, выходила единственнымъ своимъ окномъ на дворъ огромнаго дома, похожій скорѣе не на дворъ, а на глубокій колодезь. Но яркое іюльское солнышко сумѣло пробиться и въ эту щель и заглянуло въ крошечную комнатку... Теперь оно играло на черныхъ волосахъ Милицы и на ея нѣжномъ, смугломъ лицѣ.

Въ дверь постучали, но дѣвушка и не подумала проснуться отъ этого стука. Она такъ сладко грезила во снѣ...

Ей снился Бѣлградъ: то въ развалинахъ вмѣсто домовъ, весь затянутый пороховымъ дымомъ и залитый кровью, то прежній, свѣтлый, бѣлый, радостный городъ, весь погруженный въ яркую зелень своихъ садовъ. Они съ Іоле снова маленькія дѣти и играютъ на набережной родного Дуная, наклоняются къ самой водѣ и слѣдятъ жадными глазами за быстрыми, юркими движеніями крошечныхъ рыбокъ. На Іоле его турецкій праздничный нарядъ и

алая феска. Въ рукахъ ведерко съ безчисленнымъ множествомъ крошечныхъ рыбъ. А рядомъ пристань. Около нея стоитъ пароходъ. Іоле показываетъ на него пальцемъ Милицѣ и говоритъ, сверкая черными глазками: «Давай играть, Милка, ты будешь турецкая принцесса, которая бѣжитъ и спасается на своемъ суднѣ отъ козней злого султана, а я какой-нибудь знатный бей-паша, который обязательно тебя спасетъ... Хочешь?» — «Хочу!» соглашается она безъ малѣйшаго колебанія во снѣ. — «Въ такомъ случаѣ надо тебѣ вбѣжать на сходни», торопливо бросаетъ Іоле и первый мчится впередъ. Но какъ разъ въ эту минуту пароходъ отчаливаетъ отъ пристани, вспѣнивая колесомъ воду. Іоле разгнѣванъ, Іоле въ бѣшенствѣ. Какъ смѣли они не подождать его, когда онъ хотѣлъ изобразить знатнаго бея-пашу, уѣзжающаго на пароходѣ? И онъ сердито стучитъ ведеркомъ по периламъ пристани. Отъ этого необузданнаго движенія рыбки выскакиваютъ изъ ведерка и попадаютъ въ родную стихію. Но Іоле не замѣчаетъ этого и продолжаетъ стучать, стучать, стучать... О, милый Іоле, какъ забавенъ онъ въ этомъ нарядѣ и алой фескѣ, съ шелковой кистью, болтающейся у него за ухомъ. Милица блаженно улыбается своему видѣнью. А стукъ продолжается между тѣмъ, усиливаясь съ каждой минутой.



Ей снился Бѣлградъ — въ развалинахъ вмѣсто домовъ, весь затянутый пороховымъ дымомъ и залитый кровью...

— Іоле, милый Іоле. Это ты? — сквозь сонъ спрашиваетъ дѣвушка, позабывъ о времени и мѣстѣ, спросонья. И внезапно открываетъ глаза. Передъ нею незнакомая крошечная комнатка. Масса солнца и свѣта. Въ окно смотритъ съ крыши труба сосѣдняго дома и кусокъ голубого неба надъ нею. А въ дверь все стучатъ и стучатъ упорно...

— Іоле? — все еще спросонокъ спрашиваетъ Милица.

— Какой тамъ Іоле? Не Іоле, а Игорь, съ вашего позволенія. Ну, и спите же вы! Я уже около четверти часа бомбардирую вашу дверь, а вы и ухомъ не ведете. Пріоткройте на секунду, Мила, я принесъ вамъ все необходимое... Получайте, дорогой товарищъ...

Голосъ Игоря Корелина звучитъ бодро, весело, громко. Онъ доволенъ собой, какъ никогда: ему все удалось добыть въ это утро, пока Милица отдыхала, погруженная въ сонъ.

— Вотъ, держите...

Дверь пріоткрывается на секунду и въ образовавшуюся щель ея просовывается небольшой свертокъ бѣлья и платья. Потомъ она захлопывается снова.

— Здѣсь все найдете, все, товарищъ, до ножницъ включительно, — звучитъ снова веселый, жизнерадостный голосъ за стѣной.

— Да, да, благодарю васъ, Горя, я ужъ разберусь, — волнуясь, посылаетъ по его адресу дѣвушка.

Быстрыми руками развязываетъ она узелъ. Въ немъ черная гимназическая куртка, штаны, спортсменская кепка и высокіе сапоги съ чуть покрывшимися каблуками. Въ какія-нибудь четверть часа она преображается до неузнаваемости. Надъ скромной кроватью Игоря, уступленной хозяиномъ гостьѣ на эту ночь, виситъ зеркало. Дѣвушка быстро распускаетъ передъ нимъ свои изсиня-черныя косы. Еще минута, и изсиня-черныя пряди мягкихъ, пушистыхъ волосъ покрываютъ полъ крошечной комнатки. А еще черезъ небольшой промежутокъ времени изъ двери Гориной спальни выходитъ сухопарый и стройный мальчикъ-подростокъ въ черномъ костюмѣ и въ спортсменской кепкѣ, съ такими синими, синими, какъ васильки, глазами.

— Ну, вотъ... Ну, вотъ и прекрасно, — говоритъ Игорь Милицѣ въ то время, какъ онъ и дѣвушка шагаютъ по безконечнымъ улицамъ столицы. — Ей-Богу же, все выходитъ куда лучше, нежели я ожидалъ... Браво, Милочка, браво! Чудесный мальчуганъ изъ васъ вышелъ. Только, чуръ, помнить хорошенько: вы — Митя Агаринъ, паренекъ, недавно окончившій городское училище, круглый сирота и

Еще минута, и изсиня-черныя пряди мягкихъ, пушистыхъ волосъ покрываютъ полъ крошечной комнатки.

мой другъ и пріятель. А теперь забудьте, какъ можно скорѣе, ваше прежнее имя, фамилію...

— Только не родину! Ни моего народа, ни моей родины я не забуду никогда!

— Вотъ чудная, право. Да кто же вамъ говоритъ, чтобы вы забыли ихъ? Напротивъ. Я хлопочу совсѣмъ о другомъ. Боюсь, признаться, какъ бы вы не ахнули ненарокомъ вашей тайны. Эти несчастныя окончанія женскаго рода: «забыла», «ходила», «позвала», — могутъ погубить все наше дѣло, голубчикъ вы мой. Стоитъ вамъ только обмолвиться однимъ ничтожнымъ словомъ и тогда — пиши пропало, прости наше предпріятіе: препроводятъ рабу Божію Милицу на мѣсто ея постояннаго жительства, а раба Божія Игоря запрутъ подъ замокъ, чтобы самъ онъ на войну не бѣгалъ, да и другихъ въ этомъ направленіи не смущалъ. Тѣмъ болѣе, надо вамъ сказать, нашъ капитанъ ой-ой какой бѣдовый. За версту чуетъ, гдѣ что неладно. Честное слово. Такъ съ нимъ-то ухо востро надо держать. Сумѣете ли, Мила?

— Постараюсь...

— Ну, то-то же. А теперь маршируемъ вонъ по тому направленію. Не устанете?

— О, нѣтъ.

— Молодчинище! Ей-Богу же, вы молодецъ. Кто скажетъ, что вы... что ты... Вѣдь вы ничего не имѣете, если я буду вамъ говорить «ты», чтобы убить малѣйшія подозрѣнія? По крайней мѣрѣ тогда, когда мы будемъ не одни?

— Ну, конечно же, конечно, Горя.

— Вотъ мы и пришли.

Потянулись длинные заборы и каменныя зданія казармъ. Около одного изъ нихъ Игорь остановился. Молодой дневальный маячилъ у воротъ съ ружьемъ въ рукахъ.

— Скажи, голубчикъ, какъ пройти къ капитану 3-ей роты Любавину? — обратился къ нему юноша.

Солдатикъ весьма обстоятельно пояснилъ дорогу.

— Ну, коллега, айда впередъ! — весело крикнулъ Корелинъ, обращаясь къ своей спутницѣ.

Быстро перебирая ногами въ высокихъ походныхъ сапогахъ, данныхъ ей ея новымъ пріятелемъ,

зашагала по двору Милица, стараясь изо всѣхъ силъ итти въ ногу со своимъ спутникомъ.

Посреди двора, на огромномъ плацу, стояли, сидѣли и лежали уже одѣтые въ полную походную амуницію солдаты. Нѣсколько человѣкъ офицеровъ, мало отличающихся по формѣ одежды отъ нижнихъ чиновъ, находились тутъ же. Ружья, составленныя въ козла, занимали часть плаца.

— Вотъ это и есть тотъ самый батальонъ, въ составъ котораго входитъ наша рота, — произнесъ Игорь вполголоса, направляя свои стопы къ небольшого роста офицеру, одѣтому въ солдатскую шинель съ фуражкой на головѣ защитнаго цвѣта. На боку у офицера висѣла сабля; револьверъ, вложенный въ кобуру, былъ прикрѣпленъ у пояса. Онъ отдавалъ какія-то приказанія вытянувшемуся передъ нимъ въ струнку солдату.

— Честь имѣю явиться, господинъ капитанъ! — вытягиваясь рядомъ съ солдатомъ и тоже прикладывая руку къ козырьку, отрапортовалъ молодой Корелинъ.

Сосредоточенное лицо капитана прояснилось сразу; энергичные глаза его ласково блеснули юношѣ.

— Ага, уже пришли? Хвалю. Прекрасно. Аккуратность на службѣ — первый залогъ успѣха. А это кто же съ вами? Славный мальчуганъ. Родствен-

никъ? Пришелъ проводить юнаго солдатика на войну? — бросивъ бѣглый взглядъ въ сторону Милицы, спросилъ капитанъ Любавинъ.

Та, вспыхнувъ до ушей, опустила глаза.

На одно мгновеніе опустились и сѣрые правдивые глаза Игоря. Но вотъ онъ поднялъ ихъ снова, и, смѣло глядя въ лицо своему новому начальнику, проговорилъ, понижая голосъ:

— Могу я просить васъ на двѣ минуты разговора безъ свидѣтелей, господинъ капитанъ?

Тотъ удивленно вскинулъ глазами на юношу.

— Но, кажется, у насъ давнымъ-давно улажены всѣ наши дѣла съ вами, Корелинъ... — началъ было офицеръ.

— На одну минуту, господинъ капитанъ, только на одну минуту... —взмолился Игорь.

Что-то было такое въ его молящемъ голосѣ и взволнованномъ лицѣ, что капитанъ, немного подумавъ, уступилъ юношѣ.

— Хотите здѣсь или пройдемъ ко мнѣ на квартиру?

— Если разрѣшите, то къ вамъ, господинъ капитанъ...

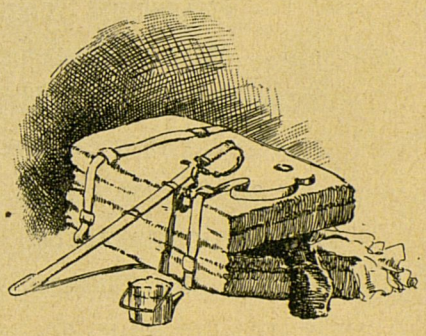
— Хорошо.

— Разрѣшите пройти съ нами и моему товарищу? Дѣло, касается, собственно говоря, только его...

Капитанъ опять быстро взглянулъ на Милицу и въ головѣ его бѣгло промелькнула мысль: «Что надо отъ меня этому ребенку? Какое-такое у него можетъ быть дѣло ко мнѣ? А славный парнишка, что и говорить! Глаза смѣлые, смѣлые, хорошіе глаза»...

— Идемъ всѣ трое... Что будешь дѣлать съ вами, коли съ боя берете! — засмѣялся Любавинъ и пошелъ впередъ, указывая дорогу своимъ спутникамъ.

Въ его крошечной холостой квартирѣ хозяйничалъ, дѣлая послѣднія приготовленія къ отъѣзду, денщикъ. Посреди миніатюрной прихожей стоялъ уже совсѣмъ уложенный чемоданъ, а изъ походнаго тюка торчалъ своимъ никелированнымъ носомъ чайникъ.



— Ну-съ, я слушаю васъ. Въ чемъ дѣло? — присаживаясь тутъ же, на подоконникъ, и жестомъ руки приказавъ солдату выйти, произнесъ, обращаясь къ своимъ гостямъ, капитанъ Любавинъ.

Тогда Игорь выступилъ впередъ.

— Вы были такъ добры, господинъ капитанъ, такъ великодушны, принявъ меня къ себѣ въ роту и согласившись взять меня съ собою въ походъ...

Довершите же ваше благодѣяніе, возьмите и его... Тутъ Игорь мотнулъ головой въ сторону Милицы. — Это мой товарищъ дѣтства, мы вмѣстѣ росли съ нимъ и за него я ручаюсь, какъ за самого себя. Онъ сирота круглый, у него нѣтъ ни родныхъ, ни родственниковъ. Кончилъ въ этомъ году городское училище, а на дальнѣйшее образованіе нѣтъ средствъ.

— Какъ кончилъ училище? — удивился капитанъ. — Да сколько же тебѣ лѣтъ, мальчуганъ? — неожиданно обратился онъ къ Милицѣ.

— Шестнадцать... — дрогнувшими звуками отвѣчалъ робкій голосъ.

— Неужели? Уже шестнадцать? А я думалъ...

— Мы ровесники съ нимъ! — спѣшно ронялъ слово за словомъ Игорь, торопясь договорить, какъ можно скорѣе, самую суть дѣла, и страшно волнуясь, что онъ не успѣетъ этого сдѣлать. — Митя — сербъ по національности, сербъ и круглый сирота... Понимаете? Сирота. И, если его убьютъ, никто не будетъ по немъ тосковать и плакать. Господинъ капитанъ, я умоляю васъ взять его съ собою. Если онъ еще слишкомъ молодъ на вашъ взглядъ для того, чтобы сражаться въ рядахъ вашихъ храбрецовъ-солдатъ, то опредѣлите его въ развѣдчики. Говорятъ, у нашихъ враговъ намѣреваются служить въ скоутахъ или развѣдчикахъ даже тринадцати-

лѣтніе малыши. А Митѣ Агарину, какъ и мнѣ, уже давно стукнуло шестнадцать. Къ тому же, онъ прекрасно ѣздитъ верхомъ и еще лучше того стрѣляетъ изъ револьвера и винтовки... Вы не раскаетесь, взявъ его, увѣряю васъ, господинъ капитанъ!

— Гм! Гм! Сербъ, вы говорите? Бывшій ученикъ городского училища... Круглый сирота?.. Прекрасно ѣздитъ верхомъ и стрѣляетъ?.. Какъ все это странно... — размышлялъ вслухъ капитанъ Любавинъ, поглядывая на Милицу, и вдругъ обращаясь уже непосредственно къ ней, произнесъ коротко:

— Дай мнѣ взглянуть на твои бумаги, мальчуганъ.

Дѣвушка помертвѣла. Какія бумаги, какіе документы могла она ему показать? Всѣ ея документы находились въ канцеляріи Н-скаго института. И даже, если бы онѣ были при ней, развѣ она могла бы предъявить ихъ своему будущему начальству? То краснѣя, то блѣднѣя, стояла она, какъ уличенная преступница передъ капитаномъ.

Растерялся на этотъ разъ даже и Игорь, втайнѣ досадуя и проклиная себя за свою оплошность. Какъ могъ онъ упустить такое важное обстоятельство изъ вида! Непростительная разсѣянность съ его стороны! Съ минуту онъ молчалъ, какъ убитый, не зная, какъ выйти изъ бѣды.

Еще сильнѣе отчаяніе заговорило въ душѣ Милицы.

— Все погибло, — вихремъ пронеслось у нея въ мозгу. — Не возьметъ, не приметъ теперь ни за что на свѣтѣ!

И съ послѣднимъ усиліемъ утопающаго, хватающагося за соломинку, она заговорила, умоляющими глазами глядя на все еще подозрительно поглядывающаго на нее капитана:

— Ради Бога, ради всего для васъ святого и дорогого возьмите меня съ собой... У меня нѣтъ никакихъ документовъ, нѣтъ ни метрическаго свидѣтельства, ни паспорта... Но неужели изъ-за нихъ, изъ-за этой простой формальности вы лишите меня возможности принести хотя бы крошечную пользу моей второй родинѣ Россіи?.. Я не могу сидѣть здѣсь, сложа руки, когда тамъ будутъ драться за честь нашей общей родины храбрые русскіе витязи-богатыри! Не могу оставаться безучастно... безучастнымъ... — густо краснѣя за свою обмолвку, поправилась она во-время, — когда тамъ, у меня на моей родинѣ, разрушается родной городъ, наша прекрасная столица Бѣлградъ... Когда мои братья-сербы проливаютъ свою кровь за свободу нашей храброй, маленькой, героической родины. Такъ неужели же я, сильный, здоровый юноша, могу

сидѣть теперь дома и довольствоваться только чтеніемъ газетныхъ извѣстій, приходящихъ къ намъ съ театра военныхъ дѣйствій? Нѣтъ, воля ваша, я не способенъ на это, господинъ капитанъ. И если вы отказываетесь взять меня съ собою, со своей ротой, я, все равно, убѣгу на войну и примкну къ какой-нибудь другой части. И это истинная правда, какъ передъ Богомъ! Я исполню все то, что говорю.

Нѣжный, молодой контральто Милицы звучитъ горячо, искренно, съ захватывающимъ волненіемъ. Синіе глаза мечутъ пламя. Обычно смугло-блѣдныя щеки пылаютъ сейчасъ яркимъ румянцемъ. Рѣзко сдвигаются въ одну линію черныя брови и упрямая вертикальная черточка прорѣзываетъ лобъ, упрямая маленькая черточка, появляющаяся у нея всегда въ минуты исключительнаго волненія.

Ея горячая искренность, ея неподдѣльное воодушевленіе и страстный порывъ невольно подѣйствовали на ея слушателя и прежнія намѣренія капитана поколебались. Въ его мозгу зародились новыя, иныя мысли.

О, эти славянскія дѣти! Съ молокомъ кормилицъ всосали они въ себя эти высокіе порывы души, беззавѣтную смѣлость и самоотреченіе, которыя выступили теперь во всей ихъ красотѣ. Какую эпоху, какое время они всѣ сейчасъ пере-

живаютъ! Самая война родитъ героевъ, и выводитъ витязей-богатырей съ самыхъ юныхъ лѣтъ... О какихъ документахъ будетъ онъ еще говорить? Какія бумаги нужны еще ему—капитану Любавину, чтобы дать возможность отличиться или умереть этому смуглому ребенку съ глазами, какъ васильки? Да развѣ не было примѣровъ въ прошломъ тому, что въ военное время преступниковъ отпускали на свободу и принимали въ ряды арміи, чтобы дать имъ возможность геройскими подвигами самоотверженія загладить самую жестокую вину? И этотъ мальчикъ, скромный и тихій, какъ дѣвушка, съ его чистыми глазами и открытымъ лицомъ, могъ ли онъ быть преступникомъ или темной личностью? И потомъ, вдобавокъ ко всему, онъ—сирота, значитъ, снимается отвѣтственность передъ семьею на случай возможнаго съ нимъ несчастья. Кромѣ того, онъ, капитанъ Любавинъ, прикажетъ своимъ людямъ беречь ихъ, насколько это возможно только въ военное время, отъ страшныхъ боевыхъ случайностей. Да, рѣшено. Этого синеглазаго смѣлаго мальчугана онъ тоже возьметъ съ собою.

Самъ капитанъ Любавинъ былъ еще молодъ. Его относительно солидный чинъ и знаменательный крестикъ Георгія, который онъ носилъ на груди, были пріобрѣтены имъ еще въ Японскую

кампанію, гдѣ онъ отличился въ рядахъ арміи, будучи совсѣмъ еще юнымъ офицеромъ. И горячій порывъ обоихъ юношей-подростковъ тронулъ его до глубины души, найдя въ немъ, молодомъ и горячемъ воинѣ, полное сочувствіе.

— Клименко! — неожиданно крикнулъ капитанъ, пріоткрывъ въ сосѣднюю комнату дверь.

Небольшого роста, тщедушный солдатикъ, со вздернутымъ, настоящимъ русскимъ носомъ и веснушчатымъ лицомъ, выросъ передъ нимъ, словно изъ-подъ земли.

— Чего изволите, ваше высокоблагородіе?

— Вотъ въ чемъ дѣло, братецъ. Сбѣгай ты въ нашу роту, да кликни сюда Онуфріева, — приказалъ капитанъ.

Не прошло и трехъ минутъ, какъ черезъ порогъ капитанской квартиры перешагнулъ бравый, рослый солдатъ-пѣхотинецъ.

— Видишь этихъ молодцовъ, Онуфріевъ? — обратился къ солдату Любавинъ. — Они идутъ при нашей ротѣ въ походъ. Такъ вотъ тебѣ ихъ поручаю. Заботься о нихъ, потому, самъ видишь, какъ они молоды оба. Такъ вотъ, равно они мои родные братья, кровные, такъ о нихъ и пекись. Понялъ?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, понялъ! — гаркнулъ солдатъ.

— А сейчасъ раздобудь ты имъ рубахи да штаны защитнаго цвѣта, спроси у каптенармуса, мои не подойдутъ, да фуражки двѣ запасныя изъ третьей роты захвати тоже. И еще фельдфебелю скажи: нужны-де двѣ винтовки и патроны... Шинели на мѣстѣ найдемъ. Ступай.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе! — и бравый солдатикъ исчезъ также быстро, какъ и появился.

Не слушая выраженій признательности со стороны чуть не прыгавшей отъ радости молодежи, Павелъ Павловичъ Любавинъ поспѣшилъ снова на плацъ.

— Переодѣньтесь живѣе и ступайте на молебенъ. Будутъ кропить полкъ святою водою, — донесся до Игоря и Милицы откуда-то уже издали его громкій, привычный къ командованію голосъ.

— Ну, что, довольны своей судьбою? — лишь только заглохли шаги капитана за дверью, обратился Корелинъ къ дѣвушкѣ.

Та вскинула на юношу ярко горѣвшіе неподдѣльнымъ восторгомъ глазами.

— Какъ благодарить васъ уже и не знаю, — глубокимъ, прочувственнымъ голосомъ проронила она. — Но думаю, что самъ Господь Богъ сдѣлаетъ это лучше и мудрѣе, нежели я, Горя...

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА I.

Сырое, промозглое осеннее утро. Съ самаго разсвѣта мороситъ мелкій, нудный, пронизывающій дождь. Хмуро повисло надъ землею сѣрое, все затянутое свинцовой пеленой небо. Въ выбоинахъ, поросшихъ травой, въ придорожныхъ рвахъ и канавахъ — всюду лужи и ручьи. Печально поникшія стоятъ съ замѣтно порѣдѣвшею листвою деревья: багряные клены, червонно-желтыя березы, янтарно-золотыя липы. Въ солнечное погожее утро на фонѣ голубого неба, они должны казаться прекрасными, но сейчасъ не то, — сейчасъ они, какъ нищіе странники, застигнутые въ пути непогодой, прикрытые кое-какъ разноцвѣтнымъ рубищемъ, протягиваютъ за подаяніемъ свои мокрыя вѣтви-руки. Хороши еще только вѣчно-зеленыя ели и сосны. На ихъ тонкихъ острыхъ иглахъ, какъ жемчужины, дрожатъ крупныя дождевыя слезы; ихъ изумрудная хвоя всегда пышна и свѣжа.

Маленькій отрядъ расположился невдалекѣ отъ лѣсной опушки. Сѣрыя солдатскія шинели разостланы на мокрой травѣ; на этихъ несложныхъ постеляхъ покоятся мирнымъ сномъ солдатики. Нѣсколько часовыхъ маячатъ подъ прикрытіемъ лѣса, охраняя ихъ сонъ.

Всю ночь, пользуясь темнотою, шли они, пробираясь лѣсной дорогой къ позиціямъ уже нащупаннаго врага. Дошли почти до самой опушки. Лѣсъ порѣдѣлъ; за нимъ потянулось все въ кочкахъ и небольшихъ холмикахъ-буграхъ огромное поле. По ту сторону этого широкаго пустыря, уходя своей стрѣльчатой верхушкой, подернутой дымкой дождевого тумана, высился бѣлый далекій костелъ. Къ нему жались со всѣхъ сторонъ, какъ дѣти къ матери, домишки-избы небольшого галиційскаго селенія.

Начальнику отряда, высланнаго впередъ коман-

диромъ корпуса, приказано было занять эту деревушку. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что австрійцы находились въ селеніи, но въ какую силу можно было насчитывать засѣвшаго тамъ непріятеля, этого не зналъ ни самъ капитанъ Любавинъ, приблизившійся подъ прикрытіемъ лѣса первымъ со своею ротою къ передовымъ позиціямъ врага, и никто изъ его команды.

За эти послѣдніе полтора мѣсяца войны немало пришлось пережить не только Россіи, но и доброй половинѣ европейскихъ государствъ, застигнутыхъ боевой страдой.

Двадцатаго іюля 1914 года, тотчасъ же по объявленіи войны намъ Германіей, вышелъ Высочайшій манифестъ царя къ народу.

Въ этомъ манифестѣ говорилось о несправедливомъ и жестокомъ поступкѣ Австріи съ Сербіей, о бомбардировкѣ беззащитной столицы Сербіи Бѣлграда, о томъ, что недостойный поступокъ австрійцевъ заставилъ Россію, единую по вѣрѣ и крови со славянскими народами, предложить Австріи свое посредничество — уладить дѣло ея съ Сербіей миромъ. Но Австрія отвергла это посредничество, отвергла этотъ миръ. Тогда, въ силу создавшихся условій, предусматривая стремленіе Австріи, а главнымъ образомъ, ея союзницы Германіи, постояннаго врага и

завистницы россійской мощи, наша славная родина во избѣжаніе такого же нападенія и на ея невооруженные предѣлы, рѣшила приготовиться и достойнымъ образомъ встрѣтить нападеніе соединеннаго врага. Наше войско и флотъ спѣшно мобилизовались. Вильгельмъ II, императоръ германскій, человѣкъ, которому лавры дѣйствительно-геніальнаго Наполеона и его міровыя побѣды не давали спать, открыто и дерзко выступилъ съ унизительнѣйшимъ для нашего дорогого отечества требованіемъ разоружиться. И тотчасъ же за этимъ на слѣдующій день послѣдовалъ со стороны Германіи новый, дерзко брошенный намъ боевой вызовъ. Перчатка, кинутая Германіей, вѣрнѣе, ненасытнымъ, жаждущимъ міровыхъ завоеваній, Вильгельмомъ была съ достоинствомъ поднята Россіей, и кровавый пожаръ войны запылалъ.

Нечего и говорить, что къ Германіи присоединилась и ея союзница-единомышленница Австрія.

Наши вѣрныя, славныя и доблестныя союзницы-друзья Франція и Англія открыто стали на сторону русскаго народа, могущественной русской націи.

Едва только прозвучалъ боевой кличъ германскихъ народовъ, какъ послѣдніе не замедлили вторгнуться въ пограничные, сосѣдніе съ Пруссіей, русскіе города и мѣстечки, не успѣвшіе вооружиться, благо-

даря чрезвычайной стремительности вражескаго нападенія, и предали ихъ разрушенію и грабежу. Сотни несчастныхъ мирныхъ жителей пострадали при этомъ: ихъ мучили, убивали, разстрѣливали, уводили въ плѣнъ, не считаясь ни съ поломъ, ни съ возрастомъ. Особенно пострадали при нашествіи тевтонской орды наши города: Калишъ, Ченстоховъ и другіе. Въ то же время нѣмецкіе крейсера подвергли бомбардировкѣ мирное, беззащитное побережье Либавы. Но Вильгельму II-му мало было этихъ дешевыхъ, ничего не стоющихъ побѣдъ надъ невооруженными русскими пунктами. Захотѣлось большаго, захотѣлось уподобиться тому же геніальнѣйшему полководцу міра — Наполеону. Его боевыя грезы разгорались, воспламенялись съ каждымъ часомъ все ярче, все сильнѣе... Ему уже мерещился успѣшный, славный походъ во Францію. Взятіе Парижа. Водруженіе тевтонскихъ знаменъ надъ городами и крѣпостями французской республики. Но чтобы попасть во Францію, германскимъ войскамъ прежде всего необходимо было перейти территорію маленькаго Бельгійскаго королевства, находящагося между ними, и крошечнаго герцогства Люксембургскаго. Маленькая же Бельгія была внѣ военнаго положенія и вторгаться въ ея предѣлы вооруженному войску, безъ объявленія войны по законамъ было

нельзя. Однако, Вильгельмъ пренебрегъ всемірными законами и ворвался со своими войсками въ маленькое Бельгійское королевство и герцогство Люксембургское въ надеждѣ на то, что маленькое королевство не посмѣетъ противостать огромной, могущественной Германской имперіи и пропуститъ черезъ свою территорію ея вооруженныя, направленныя во Францію войска. Но маленькая, героическая и гордая Бельгійская страна, во главѣ съ ея доблестнымъ королемъ-героемъ Альбертомъ I-ымъ возмутилась противъ такого насилія и поднялась вся на защиту своей національной чести во главѣ со своимъ королемъ-героемъ.

Теперь каждому шагу тевтонскаго нашествія предшествовали кровопролитные бои съ доблестнымъ бельгійскимъ войскомъ. Съ оружіемъ въ рукахъ встрѣчали они насильниковъ. Началась неравная борьба: маленькій бельгійскій народъ, заливая свои мирныя поля кровью, всячески старался пріостановить дерзкій наплывъ огромной тевтонской орды.

Въ этомъ неровномъ бою проявилась еще разъ во всей ея неприглядности хищная, варварски-жестокая и некультурная природа германской націи. Какъ дикіе звѣри, набрасывались они на ни въ чемъ неповиннаго противника, жестоко расправляясь съ мирными жителями, тысячами замучивая и разстрѣ-

ливая ихъ, сжигая ихъ селенія, разрушая дома, грабя имущества, опустошая ихъ поля и нивы.

Они уничтожали цѣлые города, не считаясь съ рѣдкими произведеніями красоты и искусства, громя своими разрушительными снарядами великолѣпные памятники старины. Такъ погибъ старинный бельгійскій городъ Лувенъ съ его классической библіотекой, хранившейся въ зданіи университета. Былъ занятъ безъ боя и полуразрушенный Брюссель, пышная по своей архитектурѣ съ послѣдними сооруженіями чудесъ техники и искусства XX вѣка, столица Бельгіи. Была осаждена старинная боевая крѣпость Льежъ, геройски выдерживавшая осаду и въ послѣднюю минуту взорвавшая своими руками свой послѣдній уцѣлѣвшій фортъ. Послѣ долгихъ боевъ, послѣ отступленія на сѣверъ бельгійской арміи, много уже позднѣе, былъ занятъ и Антверпенъ: послѣдній большой городъ-крѣпость, гдѣ сосредоточилось войско, народъ и правительство раззоренной Бельгіи.

Но несмотря на гибель своихъ прекрасныхъ и цвѣтущихъ городовъ, доблестная бельгійская армія, предводительствуемая самимъ королемъ-героемъ, все еще стойко дралась съ насѣдающимъ на нее со всѣхъ сторонъ вдесятеро сильнѣйшимъ врагомъ. Тѣмъ временемъ и во Франціи шла та же борьба,

та же кровавая распря. Нѣсколькимъ нѣмецкимъ корпусамъ удалось проникнуть на французскую территорію.

Нѣмцы вытѣснили сравнительно слабый отрядъ французовъ изъ Эльзасъ-Лотарингіи и двинулись дальше, въ глубь страны. Здѣсь повторилась та же исторія, что и въ Бельгіи. Разрушается прекрасный, наполненный лучшими произведеніями искусства, замокъ Шантильи. А нѣсколько позднѣе, громится и разрушается тѣми же гигантскими нѣмецкими сорокадюймовыми снарядами одинъ изъ величайшихъ по красотѣ и старинной готической архитектурѣ Реймскій соборъ.

А нѣмцы стремятся все дальше и дальше къ самому Парижу, въ самое сердце Франціи. Они обходятъ его широкимъ обходомъ. Генеральное сраженіе происходитъ на линіи Контейнъ ле-Бедуэнъ, Мо, Сезанъ, Верденъ и Витри. Въ то же время французскій главнокомандующій генералъ Жоффръ обходитъ правый флангъ германской арміи и заставляетъ ее очистить Лилль. Но германцы, тѣмъ не менѣе, все-таки подвигаются къ Парижу. Они теперь всего въ сорока верстахъ отъ него. Уже французское правительство перевезло въ Бордо всѣ свои документы, деньги и архивы, уже приняли мѣры къ охраненію парижскихъ памятниковъ искусства, могущихъ

пострадать отъ нѣмецкихъ бомбъ, какъ неожиданно наступающія на Парижъ нѣмецкія войска отступили.

Большую часть ихъ германское правительство отозвало на восточный фронтъ, давая этимъ возможность Франціи, Англіи и Бельгіи нѣсколько отдохнуть отъ безпрестанныхъ боевъ и собраться съ силами.

Пока славное Бельгійское королевство такъ героически защищало честь и имущество своего маленькаго народа, пока Франція всячески противодѣйствовала дерзкому вторженію тевтонскихъ варваровъ въ свою доблестную страну, а могущественный флотъ Англіи, высадивъ на союзныхъ франко-бельгійскихъ территоріяхъ свои десанты, разыскивалъ и забиралъ или уничтожалъ нѣмецкіе крейсера, миноноски, пароходы и торговыя суда; въ то время храбрецы-сербы и черногорцы у себя на югѣ мужественно отстаивали свои земли отъ разбойничьяго нападенія австрійцевъ, уже проникшихъ туда,—Россія, великая славная Россія, съ присущей ей героизмомъ, двинула въ Восточную Пруссію и Галицію свои могучіе, непобѣдимые полки. Городъ за городомъ, мѣстечко за мѣстечкомъ брались съ боя нашими славными чудо-богатырями, этими скромными героями-солдатиками, кавалеро-пѣхотинцами, казаками! Уже завѣяли русскія знамена на непріятельской территоріи. Уже былъ взятъ цѣлый

рядъ городовъ. Уже славные, старинные, русскіе города Львовъ и Галичъ, исконныя владѣнія древнерусской галицкой земли, томившіеся 600 лѣтъ подъ иноземнымъ владычествомъ, были взяты нами, отняты у австрійцевъ и присоединены къ Россійской монархіи. А за ними еще много другихъ галиційскихъ городовъ, селеній и мѣстечекъ отошли къ нашей могучей родинѣ. Успѣхъ русскихъ въ Галиціи и Восточной Пруссіи испугалъ нѣмцевъ, хозяйничавшихъ на западѣ. И вотъ, императоръ Вильгельмъ приказываетъ большей части своихъ войскъ покинуть Францію и Бельгію и всею силою обрушиться на русскія героическія арміи, такъ успѣшно орудующія въ Галиціи и Восточной Пруссіи.

Это новое рѣшеніе дало возможность нашимъ друзьямъ-французамъ, англичанамъ и бельгійцамъ успѣшнѣе бороться съ его ослабленнымъ по количеству врагомъ. Великодушная, отважная и рыцарски-смѣлая Россія пришла на помощь своимъ союзникамъ, избавляя ихъ отъ большей части воюющаго съ ними врага и принимая на себя, своею собственной грудью, ударъ, направленный было въ ихъ сторону. Но этотъ ударъ не поколебалъ мощную, богатырски-смѣлую армію нашихъ героевъ, чудо-богатырей. Ихъ не смутило количество огромной, обращенной теперь на нихъ германской арміи.

И все-таки доблестно шли ихъ завоеванія, особенно на галиційскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, противъ соединенныхъ силъ Австріи и явившихся къ ней съ запада на подмогу нѣмцевъ.

Павелъ Павловичъ Любавинъ проснулся еще засвѣтло и вышелъ изъ своей землянки.

Попрежнему тяжелымъ, свинцовымъ пологомъ висѣло надъ землею небо. Попрежнему сѣялъ, какъ сквозь сито, мелкій, нудный, непріятный дождикъ. Вдали, сквозь просвѣтъ деревьевъ, темнѣло своими мокрыми буграми и кочками поле. А еще дальше, въ какихъ-нибудь двухъ верстахъ разстоянія, бѣлѣло занятое непріятелемъ селеніе. Тамъ, въ этомъ селеніи, ждала Любавина съ его командой либо побѣда, либо смерть въ лицѣ невыясненнаго еще по количеству врага.

Пѣхотный полкъ, гдѣ служилъ Павелъ Павловичъ Любавинъ, совершалъ свои операціи въ Галиціи, гдѣ, преслѣдуя разбитые корпуса австрійцевъ, бѣгущіе въ безпорядкѣ въ глубь страны, шелъ чуть ли не въ самой главѣ русской галиційской арміи. Впереди его полка, то и дѣло уклоняясь на много верстъ вправо и влѣво, ѣхали развѣ одни только казачьи разъѣзды, всюду нащупывающіе врага.

Проснувшись нынче раньше, чѣмъ слѣдовало, Павелъ Павловичъ сдѣлалъ обходъ своей ротѣ, находившейся въ секретѣ. Онъ испытывалъ тайное безпокойство. Находившійся впереди и занимавшій сосѣднее селеніе непріятель не могъ не волновать капитана. Ихъ полкъ остался далеко позади на разстояніи добрыхъ трехъ переходовъ. Съ нимъ же была только всего одна рота и съ этою ротою надо было справиться съ невѣдомымъ по количеству силъ врагомъ. Было надъ чѣмъ призадуматься даже такому испытанному въ военномъ дѣлѣ человѣку, какимъ совершенно справедливо считался капитанъ Любавинъ. Выгодныя позиціи, занятыя австрійцами, неизвѣстное количество непріятеля, — все это осложняло задачу. Да и разгулявшаяся непогода далеко не способствовала пріятному расположенію духа.

Прикрываясь пальто, надѣтымъ въ накидку, Павелъ Павловичъ медленнымъ шагомъ обходилъ позицію. Всюду подъ деревьями, на подостланныхъ шинеляхъ, спали солдаты. Любавинъ вглядывался въ ихъ загорѣлыя лица, полныя безотвѣтной покорности судьбѣ, въ эти, съ виду такія невзрачныя, простодушныя лица, но принадлежащія тѣмъ сѣрымъ, незамѣтнымъ героямъ, отъ которыхъ зависѣли теперь судьбы Россіи. И, глядя на нихъ, Любавинъ думалъ:

Вызвать изъ числа ихъ охотниковъ на развѣдку никоимъ образомъ нельзя: къ деревнѣ ведетъ только одинъ путь открытымъ полемъ и всякій, даже невооруженный глазъ, сможетъ замѣтить съ непріятельскихъ позицій пробирающагося на развѣдки полемъ солдата. Открытый со всѣхъ сторонъ пустырь въ данномъ случаѣ портитъ все дѣло: среди его крошечныхъ, непрерывной цѣпью убѣгающихъ вдаль холмовъ могла развѣ только спрятаться и то ползкомъ самая миніатюрная по росту человѣческая фигура. И, какъ на зло, до самаго селенія не встрѣчалось ни единаго куста, ни единаго деревца во всемъ полѣ, и ужъ подавно казаку-развѣдчику не было бы здѣсь мѣста.

Вдругъ Любавинъ, проходившій мимо кучки спящихъ, пріостановился на минуту. Немного въ сторонѣ отъ остальныхъ солдатъ его роты, подъ навѣсомъ старой, совсѣмъ позолоченной рукой осени липы лежалъ Онуфріевъ. Положивъ подъ голову вмѣсто подушки походную сумку, онъ храпѣлъ богатырскимъ храпомъ, прикрывъ грудь одною половиною шинели; подъ другою же ея половиною спалъ, подложивъ подъ голову мокрую отъ сырости руку, черноволосый мальчуганъ на разостланномъ подъ нимъ на сыромъ мхѣ войлокѣ. А прислонившись головой къ его колѣнямъ, ровно

и сонно дышалъ другой юноша, съ виду постарше, съ низко нахлобученной на лицо фуражкой.

Любавинъ остановился надъ младшимъ изъ мальчиковъ, казавшимся двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ. Это была Милица Петровичъ, или Митя Агаринъ, юный развѣдчикъ роты Н-скаго пѣхотнаго полка, какъ ее звали неподозрѣвавшіе истины офицеры и однополчане-солдаты.

Со дня своего причисленія къ 1-ой ротѣ Н-скаго стрѣлковаго полка Милица и не отстававшій отъ нея ни на шагъ Игорь Корелинъ уже оказали немало драгоцѣнныхъ услугъ пріютившей ихъ части. Юные солдатики-развѣдчики то и дѣло отправлялись на развѣдки «нащупывать» врага по общепринятому военному выраженію. Правда, въ настоящемъ рукопашномъ дѣлѣ имъ еще не приходилось быть, зато сколько разъ Милица и Игорь помогали засѣвшимъ въ окопахъ стрѣлкамъ ихъ роты, поднося имъ патроны и боевые снаряды подъ градомъ пуль, подъ адскій вой разрывающейся шрапнели. А тѣ многіе разы, что ловкіе и проворные солдатики-дѣти подкрадывались и подползали къ самымъ непріятельскимъ позиціямъ, тамъ, гдѣ трудно было бы пробраться вполнѣ взрослому человѣку, — приносили незамѣнимыя, драгоцѣнныя свѣдѣнія о расположеніи врага своему начальству.

Все это сразу припомнилъ, стоя надъ спящей Милицей капитанъ Любавинъ и мысль воспользоваться снова услугой этихъ «дите», какъ называли этихъ двухъ юныхъ развѣдчиковъ въ ихъ отрядѣ, осѣнила голову ихъ начальника. Разумѣется, то, чего не сдѣлаютъ взрослые — сдѣлаютъ эти дѣти. Они незамѣтнѣе, чѣмъ кто-либо другой, проникнутъ въ селеніе и развѣдаютъ о числѣ непріятельскихъ силъ. Только бы дать имъ отоспаться хорошенько, запастись свѣжими силами и бодростью духа, такъ необходимыми въ это тяжелое боевое время.

И, порѣшивъ на этомъ, капитанъ Любавинъ отошелъ отъ спящихъ и зашагалъ далѣе.

ГЛАВА II.

Безъ обычной веселой суеты поднимались въ это утро солдаты. Ни единаго громкаго слова не было произнесено ими, ни единаго костра не было разложено на лѣсной полянѣ: вѣтеръ дулъ въ сторону деревни, занятой непріятелемъ, запахъ гари и дыма и громкая рѣчь могли быть замѣченными австрійцами.

Милица и Игорь проснулись одними изъ первыхъ. Взявъ огромные чайники у солдатъ, они побѣжали съ ними наперегонки къ лѣсному ручью, протекавшему по близости стоянки.

Онуфріевъ, какъ заправскій дядька, слѣдившій за обоими съ самаго начала похода, заворчалъ было имъ вслѣдъ:

— Вы куды, пострѣлята? Безъ васъ не справимся, что ли? Угомона на тя нѣту, право слово, нѣту... Вотъ пожалуюсь капитану, такъ...

Но молодежь только фыркнула въ отвѣтъ на эти слова. Со дня похода оба, и Игорь и Милица, чувствовали себя прекрасно. Послѣднюю только

замѣтно безпокоили вѣсти о ея родинѣ, доходившія со значительнымъ опозданіемъ сюда черезъ посредство газетъ, пересылаемыхъ на передовыя позиціи. Правда, эти вѣсти говорили о мужественныхъ побѣдахъ сербовъ.

Особенно порадовало дѣвушку извѣстіе о полномъ разгромѣ австрійскаго корпуса подъ Шабацемъ. Но постоянное возобновленіе бомбардировки Бѣлграда и полное невѣдѣніе того, что происходило въ родимой семьѣ, сильно тревожили Милицу. Тревога эта еще усугублялась мыслью о томъ, что скажетъ отецъ, когда узнаетъ объ ея исчезновеніи. Вѣдь онъ, запрещая дочери возвращеніе въ грозное боевое время на родину, не имѣлъ въ виду, что дѣвушка, оставаясь на чужбинѣ, предприметъ еще болѣе рискованный шагъ. Но и тутъ Милица утѣшала себя мыслью, что, когда, дастъ Богъ, окончится со славою для русско-сербскаго союзническаго оружія война и вернется она домой, — отецъ, узнавъ побужденіе, толкнувшее ее на поле военныхъ дѣйствій, не станетъ бранить и упрекать свою Милицу... Не хватитъ у него духа бранить ее и упрекать. Еще нѣсколько волновала дѣвушку ея тайна.

Милица опасалась, чтобы какъ-нибудь не открылась она, чтобы не узнали въ ротѣ, что она — не мальчикъ-развѣдчикъ, а убѣжавшая воспитан-

ница одного изъ петроградскихъ учебныхъ заведеній. За эти два мѣсяца постояннаго пребыванія на чистомъ воздухѣ, частыхъ ночевокъ на голой землѣ въ лѣсу, въ полѣ, въ окопахъ, иногда залитыхъ водою или въ дымной курной крестьянской избѣ, за время нерѣдкихъ недоѣданій и недосыпаній въ походѣ, нѣжная дѣвичья кожа на лицѣ и рукахъ Милицы огрубѣла, потрескалась и потемнѣла, а синіе глаза приняли новое настойчивое, упорное выраженіе,—самый взглядъ ихъ сталъ похожъ на взглядъ молодого соколенка, выслѣживающаго добычу; а первое боевое крещеніе, первая, а за нею и послѣдующія стычки провели неизгладимую борозду въ душѣ дѣвушки и согнали съ лица ея всякую женственность, замѣнивъ ее настоящею мужскою чертою рѣшимости и отваги.

Мечась съ быстротою стрѣлы по окопамъ, надъ которыми выли снаряды, съ оглушительнымъ трескомъ рвалась шрапнель, или жужжали, какъ шмели, непріятельскія пули, Милица разносила патроны солдатикамъ или воду для питья въ манеркахъ, помогала дѣлать перевязки оставшимся въ строю раненымъ, каждую минуту чувствуя себя бокъ-о-бокъ со смертью.

Эта постоянная близость къ возможной каждую минуту смерти и придала какую-то несвойственную

ей суровость, замкнутость и безразличіе къ опасности всему ея еще далеко не установившемуся полудѣтскому существу. И синіе глаза дѣвушки, еще подѣтски пухлыя губы и все лицо ея выражали теперь полную готовность умереть каждую минуту, если только смерть ея смогла бы принести хотя крошечную пользу дорогой славянской землѣ.

Игорь часто поглядывалъ на свою юную спутницу съ выраженіемъ затаенной тревоги. Онъ успѣлъ крѣпко привязаться къ Милицѣ за эти полтора мѣсяца походной жизни, полной тревогъ и неожиданностей на каждомъ шагу. И сейчасъ, въ это ненастное осеннее утро, она какъ-то особенно сильно пробуждала въ немъ его заботливость и опасенія за нее: вѣдь она была дѣвушка, почти дѣвушка-ребенокъ, а между тѣмъ, какія чисто-мужскія обязанности ей часто, за неимѣніемъ лишнихъ рукъ, приходилось нести на себѣ! Вотъ и сейчасъ, сгибаясь подъ тяжестью огромнаго чайника, перегнувшаго на сторону ея тонкій дѣвичій станъ, еле переступаетъ она къ мѣсту ротной стоянки.

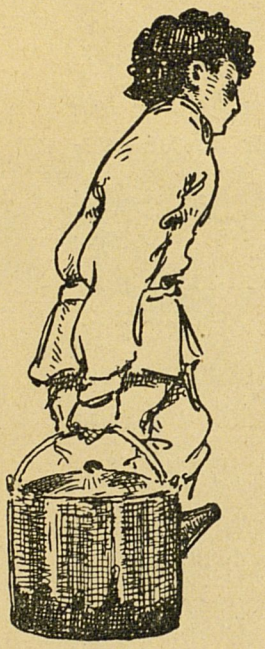
— Дай, Мила, я помогу тебѣ, — убѣдившись въ томъ, что солдаты далеко и его никто не услышитъ, произнесъ шопотомъ Игорь.

Они давно уже перешли «на ты» и чувствовали себя такъ свободно и хорошо въ присутствіи другъ

друга, точно были знакомы не въ продолженіи полутора мѣсяца только, а на протяженіи по крайней мѣрѣ долгаго десятка лѣтъ.

Но Милица только упрямо повела въ отвѣтъ на его слова плечами.

— Нѣтъ, нѣтъ! На это-то силъ у меня хватитъ вполнѣ. — И вся подтянувшись, она бодрѣе зашагала назадъ къ позиціямъ.



Чудесно укрытая отъ глазъ непріятеля лѣсною чащею, рота теперь, какъ одинъ человѣкъ, вся уже была на ногахъ. Солдатики, освѣжившіеся у ручья, вытащили сухари изъ походныхъ сумокъ и за невозможностью распить горяченькаго чайку, запивали ихъ ключевою водою изъ манерокъ.

Присѣвъ къ тому кружку, гдѣ находился Онуфріевъ, Игорь и Милица съ аппетитомъ, свойственнымъ развѣ только молодости, уписывали за обѣ щеки черные солдатскіе сухари, запивая ихъ водою.

— Што, дите, — обратился къ Милицѣ молодой быстроглазый солдатикъ Кирпиченко, — небось, пища-то наша больно по нутру пришлась? Поди-ка послащѣе тебѣ щиколаду буде? А?

Милица только усмѣхнулась въ отвѣтъ.

— Шоколадомъ-то и дома, когда можно, полакомишься, а вотъ такой сухарь — рѣдкій гостинецъ, — бойко отвѣчала она.

— А ты дите нашихъ не смущай, — поднялъ голосъ Онуфріевъ, — они у насъ за милую душу и къ сухарю и къ сырой водицѣ ключевой, во какъ, привыкли... Послушай, дите, — обратился онъ уже непосредственно къ Милицѣ, — припасена у меня бутылочка молока въ сумкѣ, старая галичанка дала, какъ мимо деревни ихней проходили... Такъ выпей, малышъ, на доброе здоровье.

И Онуфріевъ, иначе не называвшій Милицу, какъ дите или малышемъ, къ немалому ея смущенію, несмотря на всѣ протесты дѣвушки, увѣряющей солдата, что она «во какъ сыта, по самое горло», — протянулъ ей бутылку, до горлышка наполненную бѣлой влагой.

— Что вы! Что вы! — краснѣя, какъ зарево, протестовала она. — Не ребенокъ же я малый, въ самомъ дѣлѣ, чтобы молоко пить, когда всѣ другіе...

— Правильно! Молодецъ Агаринъ! — весело подхватилъ Игорь, бѣглымъ смѣющимся взглядомъ взглянувъ на своего друга.

Онуфріевъ спряталъ снова бутылку, недовольный настойчивостью «дите».

— Эхъ, братцы, кабы теперича огонекъ вздуть да похлебать щецъ, што ли! — произнесъ румяный здоровякъ-солдатикъ изъ мелкихъ купеческихъ сынковъ, по фамиліи Петровскій.

— Какъ бы не такъ! До щецъ ли топерича! Ишь што выдумалъ. Да «енъ» тебѣ такихъ щецъ покажетъ, что только держись, — сурово усмѣхнулся другой, Перцовъ. — Може его въ той деревнѣ видимо невидимо. Живо это на коняхъ налетитъ туча тучей и...

— А мы его на штыкъ, братцы... Страсть какъ онъ этта штыка не любитъ, — подхватилъ снова краснощекій Петровскій.

— Што и говорить! Ужъ нѣмецъ относительно штыка куда какъ жидокъ, а австріякъ такъ и подавно тому... Какъ это скомандуютъ «въ штыки!», такъ онъ за триста шаговъ живымъ манеромъ, поминай его какъ звали, и побѣгить... Либо пардону запроситъ... платкомъ махать зачнетъ, замѣсто бѣлаго флага.

— Да, бѣгать онъ больно гораздъ...

— Лихо бѣгаетъ, што и говорить...

— Намедни...

— А што, братцы, когда полдничать нынче станемъ? — снова повысилъ голосъ краснощекій солдатикъ.

— Эхъ, тебѣ бы только о полдникѣ думать... Вишь щеки-то на батькиныхъ хлѣбахъ надулъ,— заворчалъ снова Онуфріевъ, недоброжелательно поглядывая на купеческаго сынка. — Ладно, братъ, будь безъ сумлѣнья, наѣшься вволю, обѣдъ насъ нынче ждетъ аховый, самому кайзеру Вильгельму да императору Францу впору: на первое тебѣ супъ съ вражецкими пулями замѣсто клецокъ дадутъ, а на второе тебѣ подъ краснымъ соусомъ гранаты... А на третье мелкій горошекъ, самый сладкій, изъ пулемета такъ посыпетъ, что страсть! Это-ль тебѣ не обѣдъ? А ты щей, глупый, простыхъ щей просишь.

Солдаты сдержанно засмѣялись на эту шутку и тутъ же осѣклись и вскочили, увидя приближающагося къ нимъ Любавина.

Капитанъ быстрымъ взглядомъ окинулъ всю группу и глаза его задержались на двухъ юныхъ развѣдчикахъ роты. Его взглядъ съ секунду ласкалъ дѣтей, потомъ онъ проговорилъ, обращаясь ко всѣмъ солдатикамъ:

— Братцы, непріятель, какъ вамъ извѣстно, находится всего въ какой-нибудь верстѣ разстоянія отъ насъ. Благодаря дальней молодецкой развѣдкѣ казачьяго разъѣзда, мы знаемъ объ его мѣстонахожденіи, теперь же необходимо узнать и численность

нашего врага! Охотниковъ произвести развѣдку не вызываю на этотъ разъ, потому что заранѣе опредѣлилъ уже кого отправить. Тамъ, гдѣ трудно пробраться незамѣченнымъ взрослому человѣку, тамъ нѣтъ ничего легче проскользнуть ребенку. Димитрій Агаринъ, тебя назначаю пробраться въ деревню, узнать численность и части непріятеля и тотчасъ явиться съ донесеніемъ ко мнѣ, — обращаясь къ Милицѣ, закончилъ свою рѣчь капитанъ Любавинъ.

Та вздрогнула отъ неожиданной радости. Наконецъ-то ей поручили, непосредственно ей, крупное, большое дѣло! Вѣдь она такъ дорожила даваемыми ей рѣдкими порученіями начальства. Ей и такъ постоянно казалось, что слишкомъ уже мало приноситъ она пользы своею службою отряду, замѣчая съ досадой и горечью, что ее щадятъ въ виду ея молодости и всячески охраняютъ отъ опасности. Поэтому, новое, сложное и довольно опасное для жизни порученіе привело дѣвушку въ необычайный восторгъ.

— Такъ понялъ меня? Надо проползти по землѣ до самой деревни, забраться въ первую же свободную отъ непріятельскаго постоя хату, разспросить обо всемъ крестьянъ, разумѣется, въ томъ случаѣ только, если будетъ видно, что они на нашей сторонѣ и, возможно больше вывѣдавъ о непріятелѣ,

тѣмъ же путемъ возвратиться сюда. Понялъ меня? — коротко и вѣско бросалъ Любавинъ.

— Такъ точно, понялъ, господинъ капитанъ! — прикладывая руку къ козырьку фуражки, бойко отвѣчала сіяющая Милица.

Въ ту же минуту Игорь выступилъ впередъ.

— А меня за что изволили обидѣть, господинъ капитанъ? — произнесъ онъ дрогнувшимъ голосомъ. — Не помѣшаетъ вѣдь дѣлу, если пойду и я вмѣстѣ съ Митей?.. Вѣдь два глаза хорошо, а четыре, пожалуй, и совсѣмъ чудесно. Правда, Митя Агаринъ много меньше меня ростомъ, но вѣдь и я не богатырь... А вмѣстѣ, вдвоемъ, намъ куда сподручнѣе будетъ произвести развѣдку; по крайней мѣрѣ, если понадобится, съ двухъ концовъ деревни сразу ее и сможемъ произвести... — волнуясь и всячески стараясь скрыть это волненіе, говорилъ Игорь.

— А вѣдь мальчикъ правъ, — произнесъ подошедшій подпоручикъ Гардинъ, особенно сердечно относившійся къ дѣтямъ. Онъ самъ былъ недавно выпущенъ изъ училища и весь такъ и пылалъ жаждою подвига, бредя жаркими схватками и боями.

Съ нимъ подошелъ и поручикъ Шеншинъ, его старшій сослуживецъ-товарищъ. Они заговорили тихо всѣ трое, вполголоса совѣщаясь между собой,

но до ушей всевидящаго и всеслышащаго Любавина дошелъ и этотъ шопотъ.

— Дѣйствительно, онъ правъ, Саша, — живо обратился къ юному офицеру Любавинъ, — и въ деревню можно смѣло командировать обоихъ ребятъ.

Игорь, услыша это, весь такъ и просіялъ улыбкой.

— Прикажете итти? — все еще держа руку подъ козырекъ, освѣдомился онъ, едва удерживаясь отъ совсѣмъ уже ребяческаго желанія запрыгать отъ восторга. О, онъ готовъ былъ сейчасъ броситься на шею этому славному капитану за данное разрѣшеніе: вѣдь такимъ образомъ Милица не будетъ одна и онъ сможетъ охранять дѣвушку отъ всякихъ случайностей каждую минуту.

— Ну, ступайте съ Богомъ. Только помните: первое условіе — не горячиться, второе — быть внимательнымъ и на чеку каждую секунду, каждый мигъ. А главное, поосторожнѣе съ жителями: вѣдь они все-таки принадлежатъ къ австро-венгерскимъ народамъ и хотя всѣ симпатіи галичанъ на сторонѣ насъ — побѣдителей, а все же надо держать съ ними ухо востро.

— Такъ точно, все исполнимъ въ точности, господинъ капитанъ! — въ два голоса отвѣтили Игорь и Милица.

— Ну, съ Богомъ, соколята. Вотъ вамъ на счастье моя рука.

И капитанъ Любавинъ пожалъ маленькія, но сильныя руки молодежи. Тѣ горячо отвѣтили на это пожатіе со вспыхнувшими отъ счастья глазами и уже собирались итти, какъ неожиданно, точно изъ-подъ земли, выросъ передъ ними Онуфріевъ.

— Ваше высокоблагородіе, дозвольте сказать, такъ что никакъ невозможно дите нашихъ въ этомъ самомъ настоящемъ ихъ видѣ отпущать на развѣдку..., — произнесъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Въ какомъ такомъ видѣ?

Капитанъ Любавинъ, а за нимъ и остальные офицеры и солдаты невольно оглядѣли костюмы обоихъ «дите».

На обоихъ были надѣты штаны и рубашки защитнаго цвѣта; на головахъ — фуражки зеленовато-сѣрыя, какія носятъ наши воины въ походное время.

— А вѣдь Онуфріевъ правъ. Дѣйствительно, въ этомъ видѣ нельзя ихъ отпускать; придется раздобыть платье галиційскихъ крестьянъ на всякій случай. Молодецъ Онуфріевъ, доглядѣлъ-таки, истинное слово, доглядѣлъ.

— Радъ стараться, ваше высокоблагородіе! — отрапортовалъ бравый солдатъ, вытягиваясь въ струнку передъ начальствомъ.

— А ты ужъ не припасъ ли чего-нибудь подходящаго? — живо заинтересовался Любавинъ.

— Такъ точно, припасъ, ваше высокоблагородіе. Есть у насъ двѣ ситцевыя рубахи да штаны старые плисовые, перешить бы ихъ только малость. Вотъ насчетъ шапокъ, ваше высокоблагородіе, такъ дѣйствительно плохо. Шапокъ у насъ вольныхъ нѣтъ. Да и то впору сказать: такъ что, ваше высокоблагородіе, шапокъ и не надо вовсе, потому какъ они могутъ завсегда за парнишекъ деревенскихъ сойтить; а тѣ зачастую и вовсе безъ шапокъ ходятъ, — обстоятельно и подробно объяснилъ Онуфріевъ.

— Экій молодчинище! Вотъ и впрямь надоумилъ. Право, молодецъ, — хлопнувъ по плечу солдата, еще разъ похвалилъ его Павелъ Павловичъ.

И новое «радъ стараться» вырвалось изъ молодецкой груди.

А часомъ позднѣе, одѣтые въ ситцевыя, крестьянскія, изрядно помятыя рубахи и наскоро перешитые ими штаны, доставшіеся солдатикамъ послѣ поимки двухъ австрійскихъ шпіоновъ, простоволосые, съ умышленно растрепанными головами и Богъ вѣсть откуда добытыми онучами, Игорь и Милица, стараясь производить возможно менѣе шума, извиваясь, какъ змѣи между буграми и холмиками, тя-

нувшимися цѣпью вплоть до самой деревни, занятой непріятелемъ, выползли на поле-пустырь, изъ-подъ прикрытья лѣсной опушки. Нѣсколько паръ вооруженныхъ биноклями глазъ трепетно слѣдили за этими чуть замѣтными, быстро подвигавшимися впередъ фигурками...

ГЛАВА III.

Лѣсъ остался далеко позади, когда неожиданно пересталъ моросить дождь и выглянуло солнце.

Милица, ползшая позади Игоря, взглянула на небо. Кое-гдѣ сквозь далеко еще не исчезнувшую съ него сѣрую пелену проглядывали, какъ оконца огромнаго заоблачнаго терема, ярко-синіе кусочки лазури. Отъ золотыхъ солнечныхъ брызгъ заиграли дождевыя капли, словно сверкающіе, безцѣнные брилліанты въ зеленомъ мху и невысокой травѣ. А впереди разстилалось огромное, вздутое буграми и холмиками поле.

Оба, Игорь и Милица, ползли теперь между ними, почти не отдѣляясь отъ земли. Тамъ, далеко впереди, маячившая стрѣльчатая колокольня костела, казалось, медленно, чуть замѣтно, но неустанно плыла навстрѣчу къ нимъ. И бѣлые домики селенія плыли заодно съ нею. Постепенно стали намѣчаться копошившіяся на единственной улицѣ селенія люди, потомъ задвигались и болѣе крупныя фигуры. То

были лошади непріятельскаго отряда, засѣвшаго тамъ.

— Зато, по крайней мѣрѣ, нѣтъ пушекъ — и то хлѣбъ, — шопотомъ, оборачивая голову назадъ, проговорилъ Игорь, наблюдавшій издали картину непріятельской стоянки.

— Стало-быть, тамъ одинъ кавалерійскій отрядъ... безъ артиллеріи... прекрасно.

Сразу за кочковатымъ пустыремъ у самаго селенія начиналось картофельное поле.

— Вотъ куда бы добраться, подъ прикрытіе грядъ... — невольно подумала Милица.

И словно угадывая ея мысль, Игорь снова заговорилъ, поворачивая къ ней голову:

— Какъ только дополземъ до картофеля — дѣло въ шляпѣ. Пока остановимся немного передохнуть. Кстати, Онуфріевъ, чудакъ эдакій, сунулъ мнѣ плитку шоколада въ послѣднюю минуту, говоритъ, будто господа офицеры «замѣсто чарки водки» ему поднесли. Да сочиняетъ, конечно... Себя обобралъ, свою порцію отдалъ. Сестра ротнаго цѣлый пудъ махорки да нѣсколько фунтовъ шоколада для солдатъ прислала. Эхъ, хорошо имѣть такую сестру на родинѣ, Мила!

— Митя, — серьезно поправила своего друга Милица. — Страшно боюсь всегда, чтобы ты не назвалъ меня какъ-нибудь моимъ настоящимъ именемъ въ

присутствіи постороннихъ. Тогда — конецъ: узнаютъ, что я дѣвушка и вернутъ домой.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе. Такъ точно, буду помнить вашъ приказъ, — шутливо произнесъ, отдавая ей честь, Игорь.

Милица невольно улыбнулась.

— Ну, а теперь отдохнули, такъ и дальше полземъ, — съ наполненнымъ шоколадомъ ртомъ скомандовалъ юноша.

Снова поползли, шурша, какъ змѣи, въ травѣ. Отъ сырости и недавняго дождя непріятно прилипала къ ногамъ мокрая одежда; отяжелѣли промокшія до нитки онучи... Солнце, разгорѣвшееся пожаромъ на небѣ, сильно припекало непокрытыя головы.

Милица съ невольной улыбкой подумала о томъ, какъ удивились бы всѣ ея одноклассницы-подруги, знакомые и родные, если бы узнали, какъ она проводитъ сейчасъ эти часы. А кстати, что они думаютъ о ней и объ ея исчезновеніи? Конечно, больше всѣхъ волнуется и мучится тетя Родайка. Бѣдной старухѣ приходится хуже, нежели всѣмъ остальнымъ. Какой отвѣтъ она будетъ давать ея, Милициному, отцу и матери? Бѣдный отецъ! Бѣдная мать! Много горькихъ слезъ прольютъ ея старички, прежде чѣмъ узнаютъ, куда дѣвалась ихъ Милица. Но зато по-

томъ, о! Милица это знаетъ, навѣрное, и отецъ, и Танасіо, и милый Іоле поймутъ и простятъ ее. Проститъ и старая мать, когда подробно изложитъ имъ Милица все до послѣдней своей мысли, до послѣдняго своего желанія. Только бы остаться въ живыхъ, только бы пощадила ее вражеская пуля...

Эти мысли всецѣло захватываютъ сейчасъ все существо дѣвушки. Ея губы невольно улыбаются при мысли о возможности доведенія до конца начатаго ею дѣла. Да, когда по окончаніи войны, она, дастъ Богъ, вернется подъ родную кровлю, какъ обниметъ стараго отца, какъ скажетъ, цѣлуя его старую, сѣдую голову:

— Ты же знаешь меня, тато!.. Я — твоя дочь. Богъ перелилъ мнѣ твою кровь въ мои жилы и не могла я, дочь солдата-воина, оставаться въ бездѣйствіи, когда...

— Тише... Во имя Бога остановись, Милица...— неожиданно услышала дѣвушка тревожный шопотъ Игоря, раздавшійся впереди и почти одновременно съ этимъ различила чуткимъ ухомъ раздавшійся невдалекѣ топотъ многихъ конскихъ копытъ. Гдѣ-то, какъ будто, совсѣмъ близко отъ нихъ заржала лошадь. Незамѣтно среди воспоминаній и грезъ, охватившихъ ея юную голову, проползла Милица весь

положенный путь до самаго селенія. Теперь бѣлый костелъ и крестьянскія избы находились отъ нихъ всего на протяженіи какой-нибудь сотни шаговъ. Но то, что увидѣла дѣвушка тамъ впереди — на площадкѣ костела, едва не вырвало крика ужаса изъ ея груди. У самой паперти храма росли деревья: два старые каштана, почти что обнаженные отъ листвы и къ стволу обоихъ было привязано по человѣку... Бѣлыя рубахи этихъ несчастныхъ были сплошь залиты кровью и въ нѣсколькихъ мѣстахъ тѣла зіяли страшные слѣды сабельныхъ ударовъ.

На сучкѣ одного изъ деревьевъ болтался повѣшенный за шею третій несчастный... А бѣлые домики и костелъ, казавшіеся такими чистенькими и красивыми издали, вблизи представляли изъ себя однѣ жалкія груды развалинъ... Слѣды пожарища и разрушенія виднѣлись повсюду... Уцѣлѣли только нѣсколько избъ, но и тѣ стояли съ разбитыми стеклами въ окнахъ и съ сорванными съ петель дверьми. По единственной улицѣ и на площади селенія шныряли непріятельскіе солдаты. То были гусары одного изъ венгерскихъ полковъ. Ихъ пестрые, яркіе мундиры, щедро украшенные мишурою, такъ и искрились на солнцѣ. На дворахъ покинутыхъ или просто изгнанныхъ отсюда жителей стояли привязанныя лошади. А небольшая группа непріятельскаго па-

труля ѣхала по полю какъ разъ навстрѣчу юнымъ развѣдчикамъ.

Милица, пораженная страшнымъ зрѣлищемъ, открывшимся на площади у костела, не поняла даже въ первую минуту грозившей имъ въ лицѣ приближавшагося кавалерійскаго взвода опасности. То и дѣло глаза ея направлялись въ сторону полуразрушеннаго селенія, приковываясь взглядомъ къ страшной площадкѣ.

Игорь тоже, очевидно, замѣтилъ всадниковъ. Онъ сталъ замѣтно блѣднѣе и казался очень встревоженнымъ, когда, повернувъ голову въ сторону Милицы, еще тише, чѣмъ прежде, шепнулъ ей побѣлѣвшими отъ волненія губами:

— Ради Бога, не двигайся дальше... Прижмись къ землѣ и молчи... Дай проѣхать этимъ негодяямъ, иначе мы погибли...

А расшитые золотомъ пестрые мундиры все приближались и приближались къ нимъ... Ужъ былъ ясно слышенъ лошадиный топотъ и громкій говоръ непріятеля съ его типичнымъ акцентомъ... Грубый смѣхъ то и дѣло звучалъ въ отрядѣ. Потянуло въ воздухѣ сигарнымъ дымомъ. Очевидно, кавалерійскій непріятельскій разъѣздъ ѣхалъ безъ начальника, потому что солдаты держались вполнѣ свободно.

Теперь Игорь и Милица совсѣмъ плотно прилегли къ влажной травѣ, затаивъ дыханіе, не дѣлая ни малѣйшаго движенія. У обоихъ было спрятано на всякій случай по револьверу въ карманѣ. Павелъ Павловичъ Любавинъ снабдилъ молодежь этимъ оружіемъ еще при самомъ началѣ похода про всякій случай.

Сейчасъ венгерскіе гусары были совсѣмъ близко отъ нихъ. Можно было разглядѣть даже лицо каждаго изъ нихъ. Сердце застучало въ груди Милицы сильнѣе; она услышала его удары и инстинктивно прижала къ нему ладонь... Теперь разъѣздъ былъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ... Вотъ свободно уже различаетъ дѣвушка черные усы, высокую шапку и пронырливые, изъ стороны въ сторону бѣгающіе глазки передового гусара. Больше того, Милицѣ кажется, что и онъ замѣтилъ ее и Игоря, притаившихся за крошечнымъ холмикомъ, позади цѣлаго ряда бугровъ и кочекъ.

Маленькіе глазки венгерца подозрительно остановились какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ схоронились они, припавъ къ самой землѣ. Неожиданно онъ далъ шпоры коню и, крикнувъ что-то остальнымъ шести всадникамъ, составлявшимъ отрядъ, промчался впередъ. Чудесный, породистый конь, отливавшій золотомъ, нервно перебирая тонкими, словно выточен-

ными ногами, былъ теперь въ какихъ-нибудь пяти шагахъ отъ Милицы.

— Если они откроютъ наше присутствіе здѣсь, то, конечно, не пощадятъ и убьютъ, — вихремъ пронеслась мысль въ разгоряченномъ мозгу дѣвушки.

Она еще разъ взглянула по направленію костела. Увидѣла огромные каштаны, троихъ замученныхъ, и задрожала всѣмъ тѣломъ. Разумѣется, ихъ съ Игоремъ не пощадятъ непріятельскіе солдаты!.. Можетъ быть такую же участь уготовятъ и имъ. Не такъ ужъ наивны они, чтобы не догадаться, въ чемъ дѣло и, конечно, не поцеремонятся съ ними и повѣсятъ ихъ, какъ шпіоновъ-сыщиковъ.

Ну что же, значитъ такова судьба. Жаль только, что даромъ пропадетъ ихъ молодая жизнь и не успѣютъ, не смогутъ они до конца довести такъ блестяще начатую развѣдку. Она посмотрѣла на Игоря. Онъ лежалъ, какъ мертвый, безъ единаго движенія, почти слившись съ землей.

А золотисто-гнѣдой конь все приближался къ нимъ, красиво лавируя между буграми поля... Вотъ онъ занесъ ногу чуть ли не надъ самой головой Милицы и прошелъ мимо нея такъ близко, что задѣлъ тотъ самый холмикъ, за которымъ ни живы, ни мертвы лежали они оба. За нимъ промелькнуло еще нѣсколько конскихъ ногъ, и венгерскіе гусары мед-

ленно, шагъ за шагомъ, проѣхали мимо, продолжая дымить зловонными сигарами и о чемъ-то оживленно болтать между собою.

— Слава тебѣ, Господи! — прошепталъ Игорь и перекрестился.

— Воистину спасъ Господь! — отозвалась такимъ же шопотомъ Милица.

— Ну, а теперь, не теряя времени, полземъ дальше, — съ капельками пота, выступившими отъ волненія на лбу и съ тревожно блестѣвшими глазами скомандовалъ молодой Корелинъ.

ГЛАВА IV.

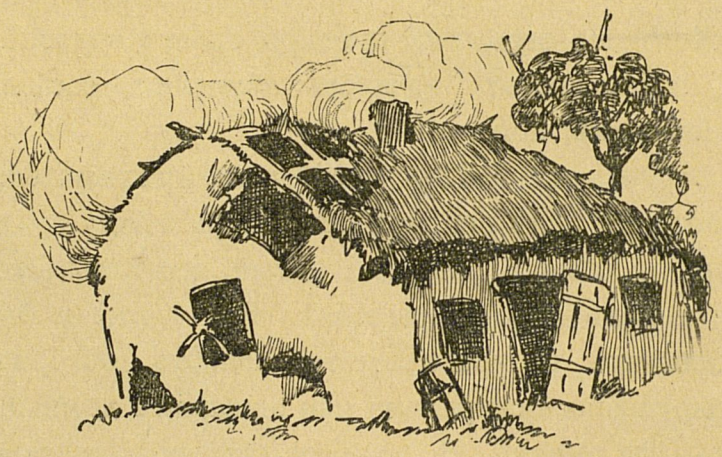
Кончился огромный пустырь съ его волнообразной поверхностью, началось обширное, засѣянное картофелемъ, поле.

Скорчившись въ три погибели, до рѣзи въ спинѣ, до боли въ тѣлѣ пробирались теперь между грядами Игорь и Милица. Каждый новый десятокъ шаговъ приближалъ ихъ къ деревнѣ. Все ближе и ближе подплывалъ полуразваленный костелъ, обгорѣвшіе и разрушенные снарядами или пожаромъ домики.

— Ты видишь ту крайнюю избушку на самомъ концѣ селенія? Туда и пойдемъ... Назовемся бѣглецами изъ сосѣдней деревни... Авось сойдетъ... А у хозяевъ разспросимъ со всевозможными предосторожностями, сколько «ихъ» тутъ, куда и когда выступаютъ...—зашепталъ Игорь, на минуту останавливаясь и припадая между грядъ.

Милица въ знакъ своей полной солидарности со своимъ спутникомъ только молча кивнула головой, и оба поспѣшили дальше.

На самомъ краю деревни стояла какъ-то въ сторонѣ отъ другихъ маленькая полуразвалившаяся избенка. Часть крыши ея была снесена, бѣлыя стѣны закопчены дымомъ; стекла повыбиты въ оконцахъ, а дверь, сорванная съ петель и расщепленная на куски, валялась тутъ же у покосившагося крылечка.



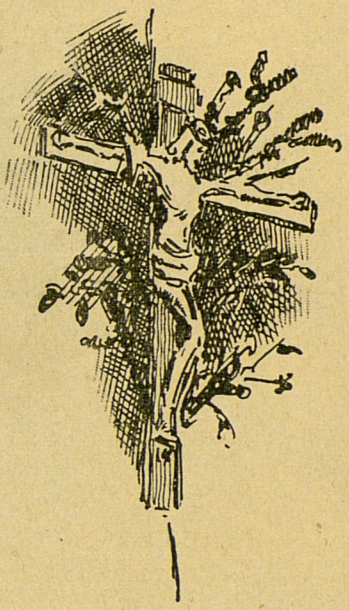
— Ну, благословясь, айда туда, — прошепталъ снова Игорь и, уже выпрямившись во весь ростъ, бодро зашагалъ между грядами къ избушкѣ.

Милица послѣдовала за нимъ.

Домикъ или, вѣрнѣе, остатки домика, куда они шли, примыкалъ къ огородному полю. Дальше, по ту сторону дороги, шло самое селеніе. Тамъ хозяйничали всюду непріятельскіе солдаты. У колодца поили лошадей. Картинно-нарядные всадники то

и дѣло пролетали съ одного конца улицы на другой. Но самихъ крестьянъ, настоящихъ, законныхъ хозяевъ деревни, нигдѣ не было видно. Какъ будто все село вымерло, или всѣ его обыватели были перебиты, либо угнаны въ плѣнъ.

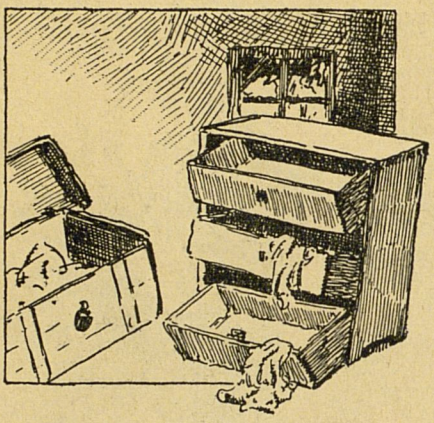
Взойдя по исковерканному пожаромъ или орудійными снарядами крылечку, Игорь и Милица очутились въ небольшой горенкѣ съ огромною печью въ углу. Въ другомъ углу висѣло распятіе, украшенное засохшимъ вѣнкомъ изъ полевыхъ цвѣтовъ. Часть потолка отсутствовала совсѣмъ и кусокъ голубого неба глядѣлъ во внутрь избушки. Тамъ не было ни души. Уставшіе до полусмерти, оба юные развѣдчики опустились на лавку.



— Что теперь дѣлать? Какъ и у кого разузнать о расположеніи и числѣ непріятеля? — вслухъ подумалъ Игорь.

Милица молча пожала плечами. Ея глаза безпокойно оглядывали внутренность избушки. Разумѣется, здѣсь хозяйничалъ непріятель: объ этомъ ясно свидѣтельствовали выдвинутые, пустые ящики комода и взломанный сундукъ, зіявшій своей опу-

стошенной, какъ и комодъ, внутренностью и опрокинутыя кринки изъ-подъ молока, валявшіяся на полу, посреди горницы. Какимъ-то чудомъ только не было унесено тряпье съ высокихъ наръ, находившихся подъ потолкомъ, или, вѣрнѣе, подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ долженъ былъ быть потолокъ, теперь отсутствующій.



Вдругъ Милица вздрогнула и инстинктивно схватила за руку Игоря.

— Что такое? — проронилъ тотъ, выхватывая револьверъ.

Но дѣвушка знакомъ попросила его молчать. Одной рукой она все еще продолжала держать его за руку, другою указывала куда-то наверхъ, въ дальній уголъ, на нары. Тряпье на нарахъ шевелилось...

Затаивъ дыханіе, Игорь и Милица ждали, что будетъ дальше.

И вотъ, изъ-подъ вороха старой одежды показалась русая голова, и блѣдное до синевы, какъ у мертвеца, лицо, сведенное судорогой нечеловѣческаго ужаса, выглянуло изъ-подъ лохмотьевъ.

Это была совсѣмъ юная дѣвушка, вѣрнѣе, дѣвочка-подростокъ четырнадцати-пятнадцати лѣтъ.

— Матка Боска! (Матерь Божія!) — прошептала она, едва выговаривая слова отъ страха и волненія на томъ смѣшанномъ полурусскомъ полупольскомъ нарѣчіи, на которомъ говорятъ крестьяне этого края. — Матерь Божія! Слава Іисусу! Это вы! А я ужъ боялась, что вернулись опять наши злодѣи...

— Какіе злодѣи? — въ одинъ голосъ вырвалось у Игоря и Милицы.

— Венгерцы... гусары... будь они прокляты... Казни ихъ Господь нашъ страшной карой... Нагрянули, какъ коршуны, вчера передъ ночью, кричатъ: «гдѣ козя»? казаки, значитъ, русскіе, такъ они называютъ казаковъ вашихъ... «Прячете козей... за это расплатитесь, измѣнники»... Да какъ зачали палить изъ ружей по деревнѣ, а потомъ съ двухъ концовъ и подожгли... Батьку угнали... Сказали, что къ самому начальнику отведутъ... Сестру Анусю тоже куда-то утащили... Мы съ дѣдкой вдвоемъ въ погребѣ притаились... Дѣдку-то пулей ранили въ самую грудь... Ахъ, ты Господи, Іисусе Сладчайшій! Матерь Святая, Госпожа Богородица! Дѣдко самъ не свой... За батю боязно, да и рана болитъ... Стонетъ на все подполье, того и гляди приманитъ стонами снова окаянныхъ, придутъ опять, тогда не

сдобровать намъ всѣмъ. Отъ нихъ злодѣевъ не жди пощады. Вонъ, сказываютъ, старосту повѣсили и двухъ его помощниковъ разстрѣляли за то, что денегъ не далъ имъ... Злые, голодные понаскакали, все казаковъ опасались, засады... Всю деревню обстрѣливали, посулили и вовсе спалить, ежели имъ къ полудню не насбираемъ хлѣба. Ровно съ врагами поступили. А какіе мы имъ враги? Ту же вѣру держимъ, тому же императору служимъ. А они на своихъ напали за то только, что покажись имъ, что прячемъ мы казаковъ.

Дѣвочка успѣла разсказать все это, сползая съ наръ и стоя теперь вся трепещущая, испуганная и взволнованная передъ Игоремъ и Милицей. Огромные, разлившіеся во весь глазъ, зрачки ея говорили о томъ ужасѣ, который только что пережило это юное созданіе. А откуда-то снизу, изъ-подъ пола, доносились глухіе, протяжные стоны. Очевидно, то стоналъ раненый старикъ-дѣдъ.

Милица смотрѣла съ такимъ участіемъ на бѣдную маленькую крестьянку, что та, встрѣтивъ добрый сочувственный взглядъ большихъ синихъ глазъ, вся встрепенулась и подалась впередъ къ ней навстрѣчу.

— Какъ тебя зовутъ? — спросила молоденькую галичанку Милица.

Та сразу поняла вопросъ, сдѣланный на несовсѣмъ непривычномъ ей великорусскомъ нарѣчіи и улыбнулась довѣрчиво сквозь слезы.

— Маринка... — было отвѣтомъ.

— Ну, вотъ что, Маринка, — произнесъ Игорь, кладя руку на плечо дѣвочки, каріе глаза которой были все еще полны слезъ, — вотъ что, Маринка, постарайся понять меня: вѣдь ты хочешь, конечно, чтобы отыскался твой отецъ и Ануся, а для этого надо, чтобы пришли русскіе и освободили ихъ отъ нашихъ общихъ враговъ. Вѣдь вотъ австрійцы поступили съ вами, какъ злодѣи и разбойники, несмотря на то, что ты, твоя семья и вся эта деревня принадлежите къ ихъ государству. Они должны были охранять васъ, а они...

— О, они изверги! Они кричали, что мы предатели, что насъ всѣхъ надо перевѣшать и нашу деревню спалить до тла, потому что мы, галичане, держимъ сторону русскихъ и хотя и молимся въ костелѣ по-католически, но укрываемъ козей у себя въ домахъ. И расправились съ нашими людьми ни за что, ни про что, казнивъ ихъ невинныхъ...

И, говоря это, Маринка заплакала снова.

— Я ненавижу ихъ... — прошептала она черезъ минуту, утирая слезы и сверкая разгорѣвшимися глазенками. — Русскіе добрые, русскіе не трогаютъ мир-

ныхъ крестьянъ, не требуютъ у нихъ харчей и грошей насильно, а эти, эти...

— Послушай, дѣвочка, ты бы хотѣла помочь русскимъ наказать злодѣевъ, которые увели, неизвѣстно куда, твоего отца и сестру и ранили дѣда? — снова прерывая ее, спросилъ Игорь.

— О! — сверкнувъ глазами, могла только произнести Маринка.

— Тогда вотъ что... Скажи, нѣтъ ли у васъ такого мѣста, откуда можно было бы, оставаясь въ безопасности, увидѣть и подсчитать всѣхъ австрійскихъ солдатъ, которые стоятъ сейчасъ здѣсь, въ деревнѣ?

Маринка задумалась на мгновенье, наморщила лобъ, нахмурила брови... И вдругъ загорѣлое лицо ея просіяло.

— Вотъ что... Я проведу васъ на колокольню... Она, слава Іисусу, уцѣлѣла, хотя куполъ костела и обгорѣлъ. А съ колокольни все видать, какъ на ладони, всѣ дворы, всѣ хаты... Пойдемъ...

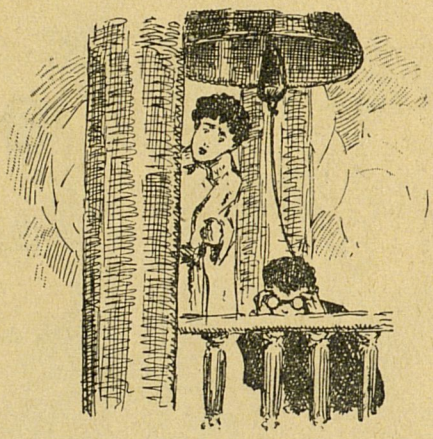
Она рѣшительно протянула одну руку Игорю, другую Милицѣ, прошептавъ: «Заразъ проведу, Матка Боска и Іисусъ Единый да помогутъ намъ».

ГЛАВА V.

Маринка не солгала. Уже съ верхнихъ ступенекъ длинной, высокой винтовой лѣстницы можно было видѣть все, что происходило въ селеніи. Задворками, густой чащей яблоновыхъ и сливовыхъ деревьевъ, провела она своихъ новыхъ знакомыхъ къ костелу. Божій храмъ чудомъ сохранился на половину отъ пожара: въ то время какъ рухнулъ весь куполъ, загорѣвшійся, очевидно, отъ ближайшихъ избъ, крошечная колокольня уцѣлѣла, одиноко уходя своимъ стрѣльчатымъ верхомъ въ небо, какъ бы жалуясь ему на жестокую несправедливость людей, допустившихъ враговъ разрушить домъ Божій.

Молодые люди взобрались по шаткимъ ступенямъ на верхъ.

Игорь долго стоялъ и смотрѣлъ въ захваченный имъ съ собою бинокль. Отсюда, сверху, была видна внутренность каждаго двора селенія. Въ этихъ бѣдныхъ, мирныхъ до сихъ поръ крестьянскихъ избенкахъ, откуда бѣжали испуганные на смерть жители, теперь всюду копошились австрійскіе кавалеристы. Игорь и Милица могли подсчитать количество каждой непріятельской группы, расположившейся на улицахъ и дворахъ, а также и приблизительное число всадниковъ по ихъ лошадямъ, привязаннымъ тутъ же во дворахъ, покинутыхъ обывателями. Въ какіе-нибудь полчаса, прячась за колонкой колокольни, они успѣли разузнать все.



— Здѣсь находится, по моему счету, не больше одного эскадрона, — произнесла Милица, тщательно обѣгая вооруженными биноклемъ глазами каждый дворъ, каждую группу расположившихся на улицѣ непріятельскихъ гусаръ.

— Вѣрно. Я насчиталъ столько же. Ну, а теперь съ Богомъ назадъ.

И Игорь, очень довольный результатомъ развѣдки, сталъ спускаться съ колокольни. Онъ словно выросъ на цѣлую голову въ эти минуты. Безгранично пріятное чувство удовлетворенности живительнымъ потокомъ хлынуло ему въ душу. Сознаніе наполовину исполненнаго порученія несказанно радовало его. Какъ славно сумѣли они вдвоемъ съ этой милой, смѣлой Милицей произвести трудную, сложную развѣдку, большую часть возложенной на нихъ серьезной задачи. Если бы привелъ Господь такъ же удачно выполнить и другую... Если бы имъ успѣть незамѣченными во-время добраться до лѣса и благополучно доставить капитану Любавину добытыя ими драгоцѣнныя свѣдѣнія!

Онъ взглянулъ на свою спутницу. Спускаясь по узенькимъ винтообразнымъ ступенямъ колокольни, молодая дѣвушка хранила на лицѣ своемъ то же спокойствіе, ту же увѣренность въ благополучный исходъ начатаго предпріятія.

— Ахъ, славная Милица! — подумалъ Игорь. — Дѣйствительно, родиться ей надо было бы мальчишкой, а не дѣвушкой: сколько въ ней смѣлости и неженской отваги!

Между тѣмъ они сошли на землю и снова направились къ знакомой уже избушкѣ.

Маринка первая вошла на крыльцо, отворила

дверь и, неожиданно вскрикнувъ, отступила назадъ, похолодѣвъ отъ испуга.

Четыре рослые непріятельскіе гусара находились въ избѣ... Двое изъ нихъ держали едва стоявшаго на ногахъ отъ слабости старика въ разорванной въ лохмотья рубахѣ, съ простръленной грудью, о чемъ свидѣтельствовала залитая кровью повязка, и съ рукою, болтавшейся на перевязи. Солдаты допытывались чего-то у несчастнаго хозяина избушки, на что послѣдній отвѣчалъ лишь одними только жалобными, протяжными стонами... Двое другихъ палашами ворошили бѣдныя одежды, разбросанныя на нарахъ, въ тайной надеждѣ поживиться хоть чѣмъ-нибудь на чужой счетъ.

Первой мыслью Игоря, увидѣвшаго солдатъ, было схватить за руку Милицу и кинуться со всѣхъ ногъ вмѣстѣ съ нею за порогъ избы. Но въ тотъ же мигъ эта мысль показалась ему дикой, безумной. Было невозможно бѣжать теперь: гусары могли нагнать ихъ въ нѣсколько минутъ на своихъ быстроногихъ, чистокровныхъ коняхъ. Напротивъ, они должны были во что бы то ни стало сохранить возможно большее спокойствіе, дѣлая видъ, что пришли сюда, зная, кто находится здѣсь въ избѣ. Могли же они быть крестьянскими подростками изъ сосѣдней деревни, случайно забѣжавшими сюда, или же вернув-

шимися назадъ въ свою деревню дѣтьми убѣжавшихъ и Богъ вѣсть, гдѣ укрывшихся крестьянъ. Разумѣется, за нихъ они всегда смогутъ сойти, онъ и Милица...

Едва только успѣлъ незамѣтно шепнуть это Милицѣ Игорь, какъ одинъ изъ гусаръ, поглощенный до этой минуты ревизіей тряпья на нарахъ, спрыгнулъ на полъ и быстро проговорилъ что-то своему товарищу, не спуская глазъ съ молодыхъ людей. И оба, гремя шпорами и стуча грубыми подкованными сапогами, шагнули навстрѣчу остановившимся на порогѣ Игорю и Милицѣ.

— Вы откуда? — крикнулъ на галиційскомъ нарѣчіи, обращаясь къ первому, огромнаго роста гусаръ.

Тотъ понялъ его вопросъ, но не сумѣлъ на него отвѣтить. Заговорить же съ нимъ по-русски было болѣе нежели рискованно сейчасъ, галиційскимъ же нарѣчіемъ, такъ сходнымъ съ нашимъ языкомъ, молодой Корелинъ не владѣлъ вовсе. Приходилось молчать. Тогда одинъ изъ непріятельскихъ кавалеристовъ наклонился къ другому и произнесъ что-то, отчего глаза послѣдняго окинули молодыхъ людей пытливымъ, пронизывающимъ взглядомъ. Тотъ же гусаръ, который только что говорилъ по-галиційски, подошелъ ближе.

— Отвѣчайте же! Или у васъ языкъ отнялся со страха? Кто вы такіе? Говорите скорѣе... Всѣ здѣшніе разбѣжались, какъ кошки... А чего боятся? Войска его величества нашего славнаго императора воюютъ только съ врагами и наказываютъ только тѣхъ, кто заслуживаетъ кары... И если три измѣнника, которые остались тамъ на площади пришли къ справедливому для нихъ концу,—это еще не значитъ, что должно разбѣгаться все глупое мужичье при встрѣчѣ съ нами... А впрочемъ, что я толкую съ ребятами-молокососами... Эй, вы, отвѣчайте же, кто вы и откуда? Не видали ли козей по дорогѣ, когда шли сюда? Да отвѣчайте же, говорятъ вамъ,—совсѣмъ неожиданно раздражаясь и повышая голосъ, гаркнулъ гусаръ.

Игорь и Милица молча переглянулись. Положеніе съ каждой минутой создавалось много труднѣе и опаснѣе, нежели они могли этого раньше ожидать. Если бы они умѣли говорить хоть немного по-польски или тѣмъ смѣшаннымъ языкомъ, какимъ объяснялась Маринка,—нечего было бы и сомнѣваться въ спасеніи. А сейчасъ оба они были безсильны выпутаться изъ нагрянувшей бѣды.

Съ невольной тревогой взглянулъ Игорь на дѣвушку. Милица была очень блѣдна, но рѣшительность и спокойствіе разливались по ея смуглому личику.

Между тѣмъ, старикъ, дѣдъ Маринки, едва державшійся на ногахъ отъ слабости, вдругъ тяжело рухнулъ на колѣни.

— Пустите меня. Отпустите насъ съ внучкой, добрые господа, на волю... Мы ничѣмъ не виноваты... Видитъ Іисусъ и Его Святая Матерь — ничѣмъ. Мы не измѣнники, мы не предатели и почитаемъ, какъ и вы, нашего общаго добраго монарха... — лепеталъ онъ, едва ворочая отъ слабости языкомъ.

— Молчи, старина! — прикрикнулъ на него высокій венгерецъ. — Не скули, и безъ тебя тошно. Ты же ни больше, ни меньше виноватъ, чѣмъ вся твоя деревня. Какіе же вы вѣрные слуги нашего государя всемилостивѣйшаго Франца-Іосифа, когда скрываете казаковъ у себя въ селеніи, измѣняя своей родинѣ и служа за гроши проклятымъ руссамъ!

— Не скрывали мы, видитъ Богъ, не скрывали... — лепеталъ старикъ. — И не измѣняли мы нашему императору... — шепнулъ онъ, собравъ послѣднія силы.

Но венгерцы не слушали его; они быстро-быстро лопотали что-то между собою, перебивая другъ друга.

Игорь, воспользовавшись суматохой, наклонился къ уху Милицы и успѣлъ прошептать ей:

— Если одного изъ насъ схватятъ, другой долженъ бѣжать туда... елико возможно скорѣе, къ нашимъ... Слышишь?

— Слышу...

— Бѣжать... ползти... Я не знаю что, но рота должна узнать итоги нашихъ развѣдокъ и, какъ можно, скорѣй...

Милица хотѣла отвѣтить, но отчаянный плачъ Маринки, рванувшейся къ дѣду, заставилъ обернуться въ ея сторону молодую дѣвушку.

Двое солдатъ тащили куда-то стараго галичанина, приговаривая что-то на своемъ непонятномъ для молодыхъ людей языкѣ. Въ эту минуту двое другихъ бросились къ нимъ. Огромный венгерецъ, объяснявшійся по-галиційски, подскочилъ къ Игорю и изо всей силы тряхнулъ его за плечо.

— Что же, развяжется у тебя, наконецъ, языкъ, мальчишка? Отвѣтишь ты мнѣ, наконецъ, откуда пришелъ и гдѣ видалъ по дорогѣ русскихъ? — гаркнулъ онъ, снова переходя на общее галиційское нарѣчіе и, такъ какъ юноша все еще продолжалъ молчать, венгерецъ сталъ трясти его сильнѣе и крѣпче.

Отъ этого движенія спрятанный на груди у Игоря бинокль выскочилъ и съ грохотомъ упалъ на полъ.

— Ба! Это что за штучка? Тэ-тэ-тэ-тэ... — не то удивленно, не то насмѣшливо протянулъ гусаръ, подымая съ пола вещицу. И вдругъ лицо его приняло торжествующее выраженіе.

— Да вы никакъ шпіоны? — захихикалъ онъ торжествующимъ, противнымъ смѣхомъ. — Вотъ оно что! Ну, чтожъ, золотки мои, не погнѣвайтесь, а необходимо мнѣ васъ обыскать.

И прежде чѣмъ Игорь успѣлъ опомниться, онъ стоялъ уже между двумя венгерскими солдатами, которые быстро и ловко обшаривали его карманы... Но юноша не думалъ о себѣ. Видя, что дѣло наполовину проиграно, онъ все же нашелъ возможность крикнуть Милицѣ:

— Бѣги, спасайся! Скажи нашимъ все, что успѣли узнать... Бѣги, пока тебя не схватили!..

Послѣднія слова дѣвушка уже поймала на-бѣгу... Съ быстротою стрѣлы рванулась она за порогъ двери, едва не сбивъ съ ногъ другихъ двухъ гусаръ, ведшихъ на допросъ дѣда Маринки, чуть передвигавшаго ноги, за которымъ слѣдовала рыдающая внучка. Не давъ имъ опомниться, Милица, проскочивъ мимо нихъ, вихремъ понеслась по направленію картофельнаго поля...

Солдаты кричали ей что-то въ слѣдъ, чего она не хотѣла да и не могла разслышать. Теперь она

неслась, какъ вѣтеръ, едва касаясь ногами земли. Когда ошалѣвшіе отъ неожиданности гусары, бросивъ посреди двора стараго галичанина, надоумились кинуться за нею вдогонку, — Милица уже была у знакомыхъ грядъ.

На минуту она пріостановилась.

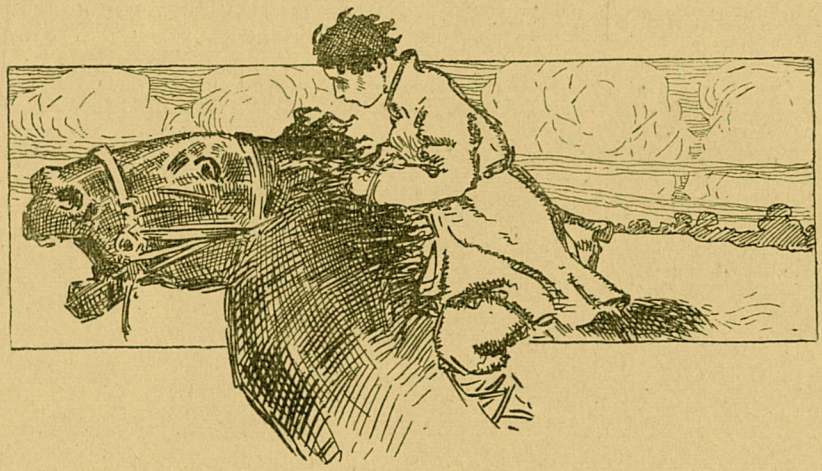
— Что это? Послышалось ей или нѣтъ?

Гдѣ-то близко-близко отъ нея раздалось протяжное, радостное конское ржаніе... Такъ и есть: отбившаяся отъ деревни лошадь, мирно пощипывая траву, бродила между грядъ, наслаждаясь своей нечаянной свободой. Чудесный, гнѣдой масти, породистый конекъ, отливающій червоннымъ золотóмъ на солнцѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, пасся на свободѣ.

Въ одинъ мигъ дѣвушка была подлѣ него. Она схватила лошадь за поводъ, вскочила ей на спину, обмотала длинный поводной ремень вокругъ руки и сильно ударила каблуками крутые бока лошади.

Конь, почуявшій на спинѣ чужого всадника, рванулся, было, въ сторону деревни, но Милица, быстро соображая, что надо дѣлать, какъ будто осѣненная какимъ-то вдохновеніемъ свыше, выхватила изъ кармана револьверъ и выстрѣлила на воздухъ у самаго уха лошади съ той самой стороны, гдѣ находилось селеніе и куда гнѣдой красавецъ вздумалъ, было, направить свой бѣгъ.

Теперь лошадь, какъ безумная, шарахнулась въ сторону. Тогда Милица повторила маневръ и выстрѣлила такимъ же образомъ и во второй разъ подъ самое ухо коня. Точно духъ бѣснованія овладѣлъ лошадью. Въ дикомъ испугѣ она рванулась впередъ и помчалась стрѣлою по полю, топча гряды,



безъ пути и дороги, въ какомъ-то бѣшеномъ стремленіи къ спасенію.

Милица знала, чувствовала, что погоня не замедлитъ помчаться за нею. Она уже слышала отвѣтные выстрѣлы за своей спиною, слышала поднявшуюся сразу позади нея въ селеніи суматоху и характерное гиканье, подбадривающее коней. Ея лошадь, прекрасный быстроногій скакунъ, мчалъ ее съ поразительною быстротою, возбуждаемый выстрѣлами, че-

резъ каждый опредѣленный промежутокъ времени раздававшійся у него подъ ухомъ.

Милица держала одною рукою револьверъ, другою изо всѣхъ силъ вцѣпилась въ гриву коня. Никогда не ѣздившая безъ сѣдла, она каждую минуту рисковала быть сброшенной на землю. А тутъ еще все явственнѣе и отчетливѣе раздавался шумъ и топотъ за ея спиною: ржаніе, громкіе крики погони, полные угрозъ и опять топотъ и опять крики, отъ которыхъ звенѣло въ ушахъ, а сердце колотилось въ груди, какъ пойманная птица. Вдругъ ближе затрещали выстрѣлы позади нея, одинъ, другой, третій... и уже безъ счета зажужжали пули... Одна изъ нихъ просвистѣла надъ самой ея головою, другая слегка царапнула золотистый крупъ лошади. Но это не остановило испуганнаго животнаго. Оно точно одичало отъ испуга и еще съ большей стремительностью понеслось по направленію лѣса. Вся мысль Милицы теперь сводилась къ одному: скакать и скакать до послѣднихъ силъ, во что бы то ни стало домчаться до русскихъ позицій, донести собранныя свѣдѣнія о сдѣланной развѣдкѣ капитану и умолить его, умолить на колѣняхъ спѣшить на выручку Игоря... Не теряя ни одной минуты, спѣшить съ ротою къ нему...

А погоня между тѣмъ не отставала ни на шагъ,

ни на полъ-шага даже... Разстояніе между преслѣдователями и Милицею не увеличивалось, а уменьшалось теперь съ каждымъ мигомъ. Уже можно было различить отдѣльныя слова, и будь онѣ произнесены по-русски, дѣвушка, конечно, не замедлила бы разобрать ихъ, такъ близко находились отъ нея говорившіе. Нельзя было только оглянуться назадъ, чтобы узнать, сколько всадниковъ скачетъ за нею... По количеству пуль, жужжавшихъ надъ ея головой, можно было судить, что ихъ не двое и не трое, а нѣсколько человѣкъ, можетъ быть, полувзводъ, можетъ быть меньше, можетъ быть больше. Синіе глаза дѣвушки поднялись къ небу.

«Боже Великій, спаси и помилуй меня! Ради блага другого, ради несчастнаго Игоря, дай возможность уйти, ускакать отъ погони»...

И каблуки грубыхъ походныхъ сапогъ Милицы снова изо всей силы забились о крутые бока коня. Тотъ все усиливалъ, все ускорялъ свой бѣгъ.

Вотъ онъ, наконецъ, лѣсъ, таинственный и молчаливый. Слава Всевышнему! Сейчасъ она въ немъ. Непріятель отсталъ, наконецъ; должно быть, побоялся засады, остановился и совѣщается прежде, чѣмъ въѣхать въ лѣсъ. Зато тамъ, впереди, за стволами деревьевъ, мелькаютъ знакомыя фигуры въ одеждахъ защитнаго цвѣта... Вонъ и землянки и

окопы... Наконецъ-то! Благодареніе Господу! Всевышній помогъ ей благополучно добраться до нихъ...

. . . . . .

Осадивъ чуть ни на всемъ скаку вспѣненнаго коня, Милица вѣрнѣе скатилась, нежели соскочила на землю. Въ тотъ же мигъ ее окружили свои солдаты-стрѣлки, подхватили на руки и спустили на землю.

— Ай да, Митенька, ай да, молодецъ дите!.. Откуда жъ ты это коня раздобылъ, да еще красавца такого? Да неужели у «ево» изъ-подъ носа убралъ? Ай да, молодчинище, съ прибылью тебя, Митенька! А гдѣ же Корелинъ? Неужто жъ, о Господи...

Ближе всѣхъ притиснувшійся къ коню солдатикъ не договорилъ и перекрестился. И глаза всѣхъ остальныхъ однополчанъ теперь буквально впились въ лицо Милицы.

Та, едва ворочая языкомъ отъ волненія и усталости, нашла еще въ себѣ силы чуть внятно произнести:

— Ведите меня къ капитану... Надо сказать... надо донести... Развѣдку удалось произвести... Одинъ эскадронъ всего... Венгерскіе гусары... Полка эрцгерцога Фердинанда... Вторыя сутки на

постоѣ... Подожгли свою же деревню, подозрѣвая жителей въ укрывательствѣ нашихъ казаковъ... Ждутъ подкрѣпленія, чтобы итти дальше... Но Горя, Горя!.. Его схватили, какъ шпіона... мнѣ удалось убѣжать, умчаться на ихъ конѣ, а онъ...

Милица не договорила и схватилась за голову.

Онуфріевъ пробрался къ ней, гладилъ ея волосы и говорилъ ворчливо, покачивая головой:

— Эхъ, дите малое уходили... Дьяволы, а не люди... Гнались-то, почитай, за двѣ версты... Намъ-то видно было да стрѣлять нельзя: несподручно открывать прикрытіе. Ну, да никто, какъ Богъ. А Гореньку вызволимъ... Нечего и говорить, что не оставимъ. Нашъ капитанъ не таковскій, чтобы не выручить. И взашей накладетъ обидчикамъ такъ тебѣ любо, что только держись! Идемъ къ нему, дите. Давай, снесу на рукахъ за милую душу.

И прежде, чѣмъ могла отвѣтить что-либо Милица, бравый солдатъ подхватилъ ее, какъ перышко, на руки и понесъ къ офицерской землянкѣ.

Но Любавинъ со своими офицерами, наблюдавшій бѣшеную скачку по полю юнаго развѣдчика, уже самъ спѣшилъ къ нимъ навстрѣчу.

Тѣмъ же трепетнымъ срывающимся голосомъ Милица сдѣлала ему донесеніе.

— Добрались туда благополучно... Сдѣлали съ колокольни развѣдку... Численность — одинъ эскадронъ всего, венгерскіе гусары. Полкъ эрцгерцога Фердинанда. Разогнали жителей селенія, навели панику, троихъ казнили, заподозрѣвъ въ укрывательствѣ казаковъ. Горю схватили, тоже взяли подъ подозрѣніе... Онъ же, Димитрій Агаринъ, успѣлъ

убѣжать... Къ счастью, лошадь нашелъ, отбившуюся отъ мѣста постоя и вотъ Богъ привелъ...

Милица едва докончила свою рѣчь, задохнувшись отъ волненія. И вдругъ, взглянувъ на внимательно слушавшаго ее капитана, рухнула передъ нимъ на колѣни.

— Ради Бога, ради всего святого, спасите Горю... Выручите его, выручите его!.. — трепетно и взволнованно срывалось съ ея губъ. — Онъ — герой, онъ послалъ меня, тогда какъ самъ... О, спасите его, спасите, пока онъ живъ, пока его не разстрѣляли, не повѣсили, не запытали...

И слезы градомъ хлынули изъ ея глазъ.

Капитанъ Любавинъ былъ потрясенъ до глубины души этимъ порывомъ. Онъ положилъ руку на плечо своего юнаго развѣдчика. Неизъяснимое выра-

женіе радостной гордости легло на его мужественныя черты. Онъ окинулъ взглядомъ толпившихся кругомъ него офицеровъ и произнесъ съ глубокимъ волненіемъ въ голосѣ, обращаясь къ Милицѣ:

— Ты оправдалъ всѣ мои ожиданія, мальчуганъ... Я доволенъ тобою... Дай мнѣ отъ души пожать тебѣ руку, маленькій герой... А насчетъ твоего друга не безпокойся, мы поспѣшимъ ему на выручку и Господь поможетъ намъ спасти его... Свѣдѣнія, которыя ты принесъ нынче, драгоцѣнны, онѣ открываютъ намъ путь къ дальнѣйшему. Отъ своевременнаго занятія той деревушки, гдѣ вы оба, ты и твой товарищъ, сдѣлали такую блестящую развѣдку, зависитъ многое... Вашъ подвигъ не останется безъ награды. Я представлю васъ обоихъ къ ней и...

— О, что касается меня, то лучшей наградой будетъ спасеніе Игоря!.. — вырвалось новымъ горячимъ порывомъ изъ груди Милицы.

— Повторяю, я сдѣлаю все, что могу, для его спасенія, — подтвердилъ снова капитанъ Любавинъ и сталъ отдавать приказанія толпившимся вокругъ него офицерамъ и солдатамъ.

Милица была какъ во снѣ. Офицеры подходили къ ней, жали ей руку, гладили ее по головѣ. Солдатики смотрѣли на нее съ братской гордостью. Они въ дѣйствительности гордились своими юными развѣдчи-

ками, не жалѣвшими своей жизни во имя службы для родины. Особенно былъ доволенъ Онуфріевъ.

— Малъ золотникъ, да дорогъ,—говорилъ онъ, собираясь вмѣстѣ со всею ротою къ предстоявшему имъ въ сумерки «дѣлу», въ то время, какъ Милица сидѣла, измученная до полусмерти и, не будучи въ состояніи задремать, среди муки неизвѣстности за участь Игоря, пользовалась временнымъ физическимъ покоемъ.

— Вотъ вамъ и дите несмышленое! А какъ дѣло-то оборудовалъ, хошь и взрослому въ примѣръ. Небось, нашъ генералъ Егорья за такое дѣло пожалуетъ. И развѣдку сдѣлалъ, и коня изъ-подъ носа у этихъ ротозѣевъ сцапалъ, и отъ погони ушелъ... А самого отъ земли не видать.

— Конь-то хорошъ больно,—похваливали солдаты.

— Да, ужъ что и говорить. Не конь, а брыльянтъ. Небось, за такого коня пятьсотъ цѣлкачей отвалить надо.

— Подымай выше! Чего пятьсотъ — тыщу.

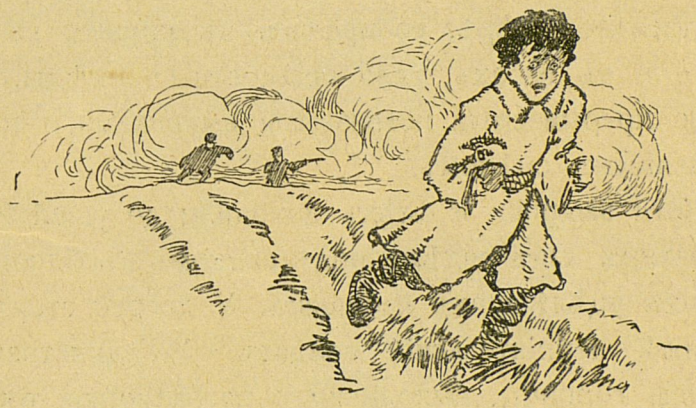
— Митенька, а Митенька, ты бы поѣлъ, дите, у котла. А? Хошь и не горячіе щи нынче хлебаемъ, по тому случаю, что приманивать «его» на огонь не годится, а все же говядинки я тебѣ, да хлѣбца припасъ, — упрашивалъ Онуфріевъ Милицу, съ грустно-поникшею головою сидѣвшую подъ тѣнью стараго дуба.

Та только молча отрицательно покачала головою.

— Развѣ могу я ѣсть, Иванъ Афанасьевичъ, когда Горя, можетъ быть, умираетъ въ этотъ мигъ? — съ горечью вырвалось у нея.

— Ну, вотъ! Такъ вотъ тебѣ и умираетъ сейчасъ. Типунъ тебѣ на языкъ! Да полно тебѣ, парень, не накликай зря, не каркай ты, ради Бога... У самого нутро выворотило, видитъ Богъ... Ужъ, кажись, доведется коли нашего дите Гореньку живымъ раздобыть, да самому живу остаться, изъ похода вернусь, — къ Скорбящей пѣшкомъ пойду, либо въ Колпино къ Святителю Николаю Угоднику, полпудовую свѣчу поставлю, лишь бы Онъ, Милостивецъ, Горю нашего сохранилъ.

И незамѣтно отъ Милицы солдатикъ смахнулъ выступившія у него на глазахъ слезинки.



ГЛАВА VI.

Быстро и безшумно падала на землю темная осенняя ночь... Постепенно заволакивалась непроницаемой густой пеленой природа.

Въ нѣкоторыхъ домикахъ галиційскаго селенія, чудомъ уцѣлѣвшихъ отъ пожара, зажглись привѣтливые огоньки. Австрійцы какъ будто еще и не думали о ночномъ отдыхѣ. Всѣми правдами и неправдами раздобыли они въ единственномъ разгромленномъ ими бѣдномъ шинкѣ вина къ ужину, и теперь, наѣвшись досыта и опохмѣлившись въ достаточной мѣрѣ, собирались въ кружки на дворахъ и въ избахъ, вели беззаботныя бесѣды, то и дѣло прерываемыя нетрезвыми выкриками, пѣснями и пьянымъ смѣхомъ.

Эти выкрики и смѣхъ доходили до ушей Игоря Корелина. Онъ сидѣлъ подъ замкомъ въ одной изъ такихъ уцѣлѣвшихъ избушекъ. У дверей стоялъ на стражѣ непріятельскій солдатъ. У единственнаго оконца горницы, выходившаго на задворки, торчала

голова другого гусара въ высокой шапкѣ. Наскучившись стоять на одномъ мѣстѣ, венгерецъ порой прохаживался по крошечному дворику, и его высокая шапка то и дѣло мелькала мимо окна, за которымъ томился Игорь. Свѣтъ фонаря, горѣвшаго снаружи у двери домика, скупо освѣщалъ внутренность избы, разграбленной безцеремонными австрійцами и совершенно пустой. Съ часа его заключенія сюда юноша переживалъ невыносимую муку. Связанный по рукамъ и ногамъ, избитый схватившими его непріятельскими солдатами, Игорь менѣе всего думалъ о причиненныхъ ему физическихъ страданіяхъ. Больше, о, несказанно больше, тревожило и угнетало его полное невѣдѣніе объ участи Милицы. Какъ удалось добраться ей до своихъ позицій? И не настигла ли ее непріятельская пуля въ пути? Что ее не вернули назадъ, въ этомъ Игорь былъ убѣжденъ, но онъ не могъ поручиться за то, что дѣвушка не лежитъ мертвая среди кочекъ и бугровъ огромнаго пустыря. Весьма могло случиться, что гусары настигли ее и уложили на мѣстѣ.

При одной мысли объ этомъ, душа юноши болѣзненно ныла и сердце сжималось въ жалкій маленькій комокъ.

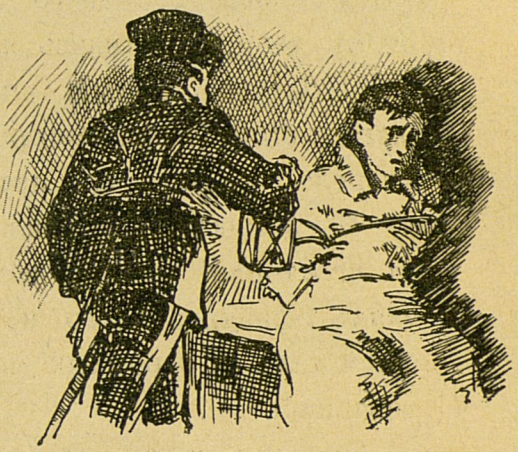
А ночь попрежнему безшумно сгущалась надъ землею, черная, безпросвѣтная ночь. Переставъ

маячить часовой у окошка и остался дремать, стоя у косяка. Но крики на деревнѣ не утихали, напротивъ, чѣмъ дальше придвигалось ночное время, тѣмъ громче и разнузданнѣе дѣлались они. Вотъ какъ будто стихли на минуту... И снова подхватило нѣсколько десятковъ, сотенъ голосовъ какое-то привѣтствіе, не то ура, не то виватъ, разлившееся лавиной надъ селеніемъ. Караульный гусаръ у окна внезапно очнулся и сталъ безпокойно оправляться, то и дѣло поглядывая сквозь стекло къ Игорю, во внутренность избы. Въ тотъ же мигъ юный плѣнникъ услышалъ топотъ нѣсколькихъ сотенъ лошадиныхъ копытъ по деревенской улицѣ, и дворъ его импровизированной тюрьмы сразу освѣтился.

Невольно содрогнулся Игорь, увидя этотъ свѣтъ, услыша лошадиный топотъ. Теперь не было уже никакого сомнѣнія въ томъ, что въ селеніе вступали новыя непріятельскія части. Въ головѣ юноши мелькнула жуткая мысль, что если даже донесеніе Милицы уже сдѣлано, если она и успѣла благополучно добраться до ихъ роты, то донесеніе это теперь теряло все свое значеніе и цѣнность. О приходѣ новыхъ силъ и, главное, о количествѣ ихъ не могъ уже разузнать капитанъ Любавинъ. И если его рота бросится на деревню, какъ смогутъ справиться двѣ

сотни людей съ втрое, вчетверо, по всей вѣроятности, сильнѣйшимъ врагомъ?

Эта мысль не давала теперь покоя юношѣ. Лежа въ углу на ворохѣ соломы и прислушиваясь къ тому, что происходило за стѣною избушки, онъ ломалъ голову, какъ найти способъ помочь дѣлу. Но дѣлать было нечего, никакого выхода онъ придумать не могъ. Неожиданно раздались шаги нѣсколькихъ человѣкъ, входившихъ на крыльцо его «тюрьмы», зазвенѣли шпоры и сдержанный гулъ голосовъ загудѣлъ на дворѣ и подъ дверью, въ сѣняхъ.



Игорь притаился въ темнотѣ, напряженно слушая, ловя каждый звукъ, долетающій извнѣ. Шаги зазвучали теперь у самого порога горницы. Съ протяжнымъ звономъ повернулся ключъ въ замкѣ, и яркій свѣтъ фонаря ударилъ прямо въ лицо Игорю.

Двое непріятельскихъ солдатъ стояли на порогѣ горницы. Одинъ изъ нихъ былъ тотъ самый гигантъ-венгерецъ, говорившій по-галиційски, что первый схватилъ его.

— Ступай до пана полковника, къ допросу зовутъ, — грубо хватая за плечо Игоря и заставивъ его подняться на ноги, бросилъ онъ на своемъ ломаномъ языкѣ.

Другой гусаръ схватилъ юношу за другое плечо и саблей перерѣзалъ веревки, стягивавшія ему ноги. Стуча сапогами и гремя шпорами, они потащили его на крыльцо. Этотъ дворъ былъ освѣщенъ попрежнему пылающимъ по серединѣ его костромъ. Въ оконцахъ сосѣдняго домика, примыкавшаго къ этому двору, свѣтились яркіе огни.

— Ступай, ступай! — прикрикнулъ на замѣшкавшагося было Игоря венгерецъ и, подтолкнувъ юношу впередъ, ударилъ его плашмя саблею по спинѣ.

Въ домикѣ, куда вошли Игорь и его два стража, въ просторной горницѣ находилось нѣсколько гусарскихъ офицеровъ того же полка, къ которому принадлежалъ и огромный солдатъ-кавалеристъ и его товарищи.

Впереди всѣхъ, съ завитыми кверху à la Вильгельмъ усами сидѣлъ пожилой полковникъ, съ замѣтной просѣдью въ гладко причесанныхъ на проборъ волосахъ. Около него вертѣлось нѣсколько молодыхъ офицеровъ. Совсѣмъ юный офицерикъ съ безусымъ лицомъ писалъ на концѣ стола какую-то бумагу.

Когда Игорь перешагнулъ между двумя карауль-ными солдатами порогъ этой комнаты и остановился у двери, лица всѣхъ присутствовавшихъ съ самымъ живымъ любопытствомъ обратились къ нему. Полковникъ нахмурился и покрутилъ кончики торчавшихъ кверху усовъ. Съ минуту онъ смотрѣлъ на Игоря выпуклыми, безцвѣтными глазами и его, мало подходившее подъ общій типъ находившихся здѣсь, лицо приняло суровое, жесткое выраженіе.

— Вы говорите по-нѣмецки? — бросилъ онъ черезъ плечо Игорю, чертя что-то карандашомъ на лежащемъ передъ нимъ листѣ бумаги.

— Господи, да вѣдь онъ — типичный пруссакъ! — вихремъ пронеслось въ головѣ юноши и онъ сразу вспомнилъ то обстоятельство, о которомъ давно уже ходили слухи въ русской арміи: нѣмецкій императоръ Вильгельмъ, послѣ цѣлаго ряда пережитыхъ его арміею неудачъ на восточномъ и западномъ фронтахъ въ борьбѣ съ нашими и союзными войсками, послалъ цѣлые корпуса въ Галицію на помощь австрійцамъ, терпѣвшимъ еще большія неудачи противъ русскаго войска. Зналъ и то, что командованіе многихъ австрійскихъ и венгерскихъ частей перешло въ руки нѣмцевъ. И сейчасъ типичный представитель такихъ командировъ изъ пруссаковъ

сидѣлъ передъ нимъ, небрежно окидывая его черезъ плечо косымъ, недоброжелательнымъ взглядомъ.

Въ гимназіи Игорь учился нѣмецкому языку и умѣлъ довольно сносно объясняться по-нѣмецки. Поэтому на заданный ему полковникомъ вопросъ онъ отвѣтилъ спокойно:

— Да, я немного говорю на вашемъ языкѣ.

— Ага, великолѣпно! Это много облегчитъ нашу задачу. Теперь извольте мнѣ отвѣчать безо всякихъ увертокъ и лукавствъ. Помните, что отъ вашего отвѣта будетъ зависѣть не только благополучіе ваше, но и самая жизнь. Итакъ, я хочу знать, гдѣ русскіе?

Лишь только онъ успѣлъ договорить послѣднее слово, какъ всѣ офицеры, сколько ихъ было въ избѣ, снова впились въ лицо Игоря жадными, любопытными глазами. Даже самый молодой изъ нихъ, по всей вѣроятности, только что выпущенный въ полкъ, безусый юноша-гусаръ, бросилъ писать бумагу и, покусывая карандашъ, смотрѣлъ на Игоря горящимъ тѣмъ же любопытствомъ взоромъ.

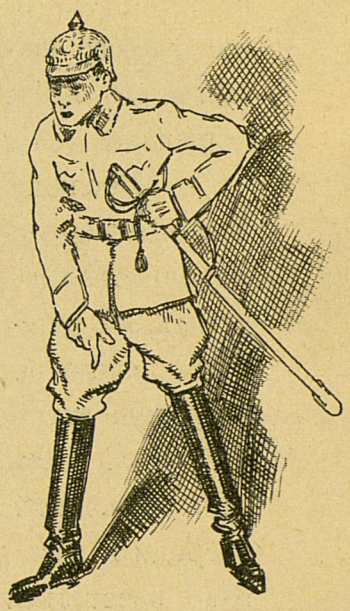
Съ минуту Игорь молчалъ. Спокойно и невозмутимо было его блѣдное лицо; смѣло смотрѣли въ глаза врагу сѣрые глаза отважнаго юноши.

Очевидно пауза показалась слишкомъ продолжительной нѣмцу, потому что онъ снова нетерпѣливо крикнулъ, топнувъ ногою:

— Ну же, отвѣчайте, или вы оглохли, гдѣ русскіе, гдѣ казаки?

Игорь чуть усмѣхнулся. Еще помолчалъ и, также смѣло глядя въ самую середину выпуклыхъ, округлившихся отъ злости глазъ пруссака, произнесъ раздѣльно, отчеканивая каждое слово:

— Праздный вопросъ, господинъ полковникъ, потому что я думаю, вы сами лучше меня знаете, гдѣ находятся сейчасъ наши славныя, доблестныя войска, и не имѣетъ смысла еще разъ напоминать вамъ и про ихъ героическое вступленіе въ Восточную Пруссію и въ Галицію... Или вы желаете услышать еще разъ про славное занятіе нашими чудо-богатырями древнихъ городовъ Галича и Львова, или про преслѣдованіе ими вашей разбитой австро-венгерской арміи, отступающей передъ славнымъ русскимъ оружіемъ? Вы спрашиваете, гдѣ русскіе? Всюду, гдѣ только можно: они за вами, они справа и слѣва отъ васъ, они, какъ буря, какъ пламя, отъ котораго суждено погибнуть вамъ и...



— Довольно, или я заставлю замолчать васъ силой! — гаркнулъ на всю горницу взбѣшенный нѣмецъ.

Онъ былъ страшенъ. Его лицо все залилось багровой краской, покраснѣлъ даже кончикъ носа, подбородокъ и толстая, короткая апоплексическая шея. Казалось, что онъ вотъ-вотъ задохнется сейчасъ. Офицеры, окружавшіе его, тоже съ неменьшимъ негодованіемъ смотрѣли на Игоря.

Потянулась новая пауза. Она показалась безконечной. Молоденькій офицеръ-гусаръ успѣлъ принести откуда-то добытый имъ стаканъ съ водою и подалъ его своему начальнику. Тотъ залпомъ осушилъ его и, успокоясь немного, заговорилъ, снова обращаясь къ Игорю:

— Послушайте, всѣмъ намъ хорошо извѣстно, что вы переодѣтый шпіонъ и вмѣстѣ съ вашимъ младшимъ товарищемъ, такимъ же какъ и вы безусымъ мальчишкой, пробрались на наши позиціи... Вамъ нечего повторять, конечно, о той участи, которая ожидаетъ васъ, какъ шпіона. Ну, такъ вотъ что: мнѣ жаль васъ... Вы еще такъ молоды, совсѣмъ еще мальчикъ... Вся жизнь, казалось бы, у васъ впереди и мнѣ думается, вамъ не легко будетъ такъ рано разстаться съ нею... А нашъ добрый старый императоръ великодушенъ, и я принимаю на себя рискъ его именемъ даровать вамъ прощеніе, если вы укажете намъ мѣстонахожденіе вашихъ войскъ и ближайшія ихъ къ нашей арміи позиціи.

Все это полковникъ произнесъ однимъ духомъ, все также неспокойно, нервно покручивая кончики усовъ.

Игорь дослушалъ его до конца и съ тѣмъ же блѣднымъ, но спокойнымъ лицомъ произнесъ безъ малѣйшей заминки:

— Позвольте вамъ задать въ свою очередь вопросъ, господинъ полковникъ. Вы не забыли, что я русскій и что въ жилахъ моихъ течетъ настоящая славянская кровь?.. А среди людей моего племени вообще и русскихъ въ особенности не было еще ни одного измѣнника и предателя, увѣряю васъ, и никакія угрозы и никакія награды не заставятъ меня сказать вамъ того, что вы такъ пламенно желали бы отъ меня услышать. Подвергайте меня хотя бы даже пыткѣ, но я буду молчать.

— О, да, ты будешь молчать, скверный мальчишка, будешь молчать поневолѣ! — загремѣлъ нѣмецъ и такъ сильно ударилъ рукою по столу, что стоявшая тутъ же на столѣ лампа едва не упала на полъ.

— Ты будешь молчать поневолѣ, потому что... повѣсить его! — крикнулъ онъ и, отвернувшись отъ Игоря, сталъ что-то писать на листѣ бумаги.

Два солдата-венгерца снова схватили за плечи юношу и, грубо толкая его, поволокли куда-то.

ГЛАВА VII.

Машинально, какъ автоматъ, подвигался Игорь впередъ, подчиняясь уводившимъ его людямъ. Число ихъ утроилось съ минуты выхода ихъ изъ избы. Теперь его окружали, вмѣсто трехъ, уже шесть венгерскихъ кавалеристовъ. Они шли по ярко освѣщенной кострами деревенской улицѣ. Всюду у огня сидѣли и лежали солдаты. Привязанные къ деревьямъ или стреноженные кони мирно паслись, пощипывая траву. Залитые мишурнымъ шитьемъ мундиры гусаръ ярко горѣли при свѣтѣ костровъ; ихъ загорѣлыя лица были сосредоточены и суровы. Разбитымъ доблестной русской арміей и отступающимъ въ глубь страны австрійскимъ войскамъ днемъ и ночью мерещились повсюду казаки. И сейчасъ, сидя у костровъ, пережевывая куски мяса, конфискованнаго ими у жителей селенія и запивая ихъ деревенскимъ пивомъ, гусары, то и дѣло, зорко вглядывались въ темноту ночи, въ ту сторону, гдѣ чернѣлъ огромный пустырь, прилегавшій къ далекому лѣсу.

Маленькій отрядъ довелъ Игоря до самой площади костела. Здѣсь тоже былъ разложенъ костеръ, и нѣсколько непріятельскихъ солдатъ негромко бесѣдовали между собою. Озаренные свѣтомъ догорающаго топлива, страшными призраками, исчадіями ада казались трупы несчастныхъ крестьянъ, все еще неубранныхъ ихъ палачами.

— Камрадъ, куда вы? — услышалъ Игорь нѣмецкій окрикъ у костра, сдѣланный однимъ изъ солдатъ.

— Поймали шпіона! — крикнулъ также по-нѣмецки одинъ изъ ведущихъ Игоря гусаръ.

— Ха-ха-ха! — раскатился первый голосъ грубымъ смѣхомъ. — Чего другого, а этого добра у нихъ сколько хочешь... Если бы намъ давали на день столько кружекъ пива, сколько приходится перевѣшивать этихъ собакъ, то, право же, война казалась бы довольно-таки сносной забавой.

И отпустивъ свою тяжеловѣсную остроту, нѣмецъ развалился на своей шинели у костра.

Маленькій отрядъ прошелъ дальше. Игорь взглянулъ на небо. Оно казалось сейчасъ кускомъ чернаго бархата, раскинутаго надъ землей. Ни мѣсяца, ни звѣздъ не было видно. Чѣмъ-то траурно-мрачнымъ и безнадежно-угрюмымъ вѣяло отъ этихъ далекихъ мглистыхъ высотъ.

— И въ такую темную безпросвѣтную ночь я долженъ буду умереть! — подумалъ юноша, — и никто изъ близкихъ не приметъ моего вздоха.

Сердце его сжалось. Какъ будто холодные пальцы какого-то страшнаго чудовища стиснули его. Заныла на мигъ душа... До боли захотѣлось радости и жизни; предсталъ на одно мгновенье знакомый образъ, блеснули близко-близко синіе задумчивые глаза, мелькнула черная до синевы головка и тихая улыбка засіяла гдѣ-то тамъ, далеко...

— Милица, милая Милица... — прошептали невольно губы юноши. — Если ты жива, если тебѣ удалось вернуться къ нашимъ, помолись за меня. Я исполнилъ свой долгъ, долгъ маленькаго русскаго солдата, свой скромный крошечный долгъ. Если же ты убита и лежишь тамъ на черномъ пустырѣ, то скоро, скоро мы соединимся уже навѣкъ съ тобою. Вѣдь я успѣлъ такъ крѣпко полюбить тебя, Милица, родная моя. Полюбить, какъ сестру Ольгу, какъ покойную мамочку. Нѣтъ, больше ихъ, люблю тебя, какъ единственнаго моего милаго друга на землѣ. Помолись же за меня, Милочка, родная... Живая или мертвая помолись — все равно!

— Стопъ! — громко крикнулъ главный караульный Игоря, огромный венгерецъ, и снова дернулъ изо всей силы юношу за плечо.

Тотъ невольно остановился. Остановились и солдаты. Теперь они находились посреди сельской площади. Страшныя деревья съ ихъ подневольными жуткими мертвыми сторожами были теперь всего въ десяти шагахъ отъ нихъ. Бѣлѣло рядомъ изуродованное пожаромъ зданіе костела. Неожиданно Игорь замѣтилъ нерѣшительно топтавшуюся въ сторонѣ фигуру того самаго молоденькаго офицера, который писалъ бумагу въ избѣ. Нѣсколько шаговъ въ сторону приговореннаго, и офицерикъ очутился передъ нимъ.

— Послушайте, заговорилъ онъ быстро-быстро и тихо, по-нѣмецки, не желая быть, очевидно, услышаннымъ солдатами, изъ которыхъ нѣкоторые были нѣмцы или австрійцы, и понимали этотъ языкъ.

— Послушайте, вы молоды, также молоды, какъ и я, еще моложе меня, пожалуй. А я люблю жизнь и солнце и моихъ родителей, которые остались въ Пештѣ... Послушайте, полковнику жаль васъ, вашу молодость... Онъ послалъ меня къ вамъ предупредить васъ, что отмѣнитъ казнь, если вы скажете намъ, гдѣ находятся сейчасъ ваши передовые отряды.

И глаза молодого гусара съ выраженіемъ настойчивой просьбы обратились въ лицо Игоря.

Тотъ вспыхнулъ, помедлилъ минуту и, странно улыбнувшись, произнесъ:

— Я буду чрезвычайно счастливъ, господинъ лейтенантъ, если вы прикажете развязать мнѣ руки, потому что я не злодѣй и не преступникъ, да и тѣмъ, насколько я знаю, даютъ нѣкоторую свободу передъ казнью. Такъ вотъ, пожалуйста, прикажите меня развязать. А еще передайте вашему полковнику, пославшему васъ, что вѣроятно онъ имѣетъ превратное мнѣніе о насъ, русскихъ. Еще разъ повторяю, измѣнниковъ и предателей еще не было среди насъ никого и никогда!

— Такъ вотъ вы какъ! Развяжите его, — могъ только произнести съ растерянным видомъ юноша-офицеръ. И когда руки Игоря были освобождены отъ веревокъ, махнулъ своей саблей.

Тотъ же огромный венгерецъ подскочилъ къ Игорю. При свѣтѣ костра юноша замѣтилъ въ его рукахъ веревку. На минуту легкій трепетъ охватилъ тѣло молодого Корелина и холодный потъ выступилъ у него на лбу. Онъ невольно подался впередъ и схватилъ за руку венгерца-офицера. Тотъ отдернулъ отъ него обшлагъ своего мундира, точно обожженный этимъ прикосновеніемъ.

— Послушайте,—взволнованно заговорилъ Игорь,— я прошу васъ объ одномъ... Я не шпіонъ, а только развѣдчикъ, и не заслуживаю той позорной казни, которой вы хотите подвергнуть меня... Каждый

истинный сынъ отечества поступилъ бы на моемъ мѣстѣ такъ же, какъ и я. Это не преступленіе, а исполненіе долга... Послушайте, господинъ лейтенантъ, неужели вы не можете дать своего начальническаго приказа, и велѣть меня разстрѣлять, какъ солдата, а не какъ преступника, предателя, или шпіона?..

Игорь смолкъ и выжидательно смотрѣлъ въ лицо юнаго венгерца, на которомъ сейчасъ играли отблески костра.

Юному офицерику какъ будто польстила просьба приговореннаго. Еще бы! Къ нему обращались какъ къ начальнику, власть имущему, отъ котораго зависитъ назначить родъ казни этому несчастному. И въ сущности, не все ли равно, какъ уничтожить шпіона, пойманнаго на мѣстѣ преступленія? Конечно, слѣдовало бы жалѣть заряды на такихъ людей, но съ нимъ его револьверъ и...

Гусаръ взглянулъ на Игоря, въ его спокойное, блѣдное лицо, въ открытые мужественные глаза, смѣло смотрѣвшіе въ глаза смерти, и внезапное раздраженіе охватило все его существо.

— О, эти русскіе! Откуда въ нихъ эта несокрушимая сила? Даже дѣти ихъ не боятся смерти, пренебрегая ею... До которыхъ же поръ будетъ помогать имъ, однако же, судьба? Они побѣдо-

носно вошли въ ихъ землю, защищая сербовъ, которыхъ Австрія рѣшила наказать за Сараевское убійство... И побѣждаютъ ихъ славные австро-венгерскіе полки, разбивая ихъ на каждомъ шагу... Они не боятся ничего, лѣзутъ подъ самыя дула орудій, врываются въ окопы подъ дождемъ пуль. Они, какъ демоны, появляются всюду, не щадя своей жизни, съ ихъ ужасными штыками, сѣя гибель и смерть на каждомъ шагу. Нѣтъ, чѣмъ менѣе щадить ихъ, тѣмъ будетъ лучше. И этотъ дьяволенокъ заслуживаетъ веревки или пули больше, чѣмъ кто-либо другой, — съ тѣмъ же раздраженіемъ подумалъ молодой венгерецъ и, повинуясь мелькнувшему въ его мозгу рѣшенію, поднялъ револьверъ.

Тѣмъ временемъ, Игорь, отведенный непріятельскимъ солдатомъ къ какому-то полуразрушенному забору, одиноко торчавшему остатками своихъ столбовъ, вздрогнулъ при видѣ цѣлившаго въ него офицера.

Въ одинъ мигъ, въ одну секунду промелькнула передъ нимъ съ быстротою молніи все неболь-

шое прошлое его жизни: потеря родителей... заботы о немъ сестры... гимназія, встрѣча съ Милицей... ихъ совмѣстный побѣгъ на войну, совмѣстная же развѣдочная служба... И опять Милица, милая Милица, съ ея замкнутымъ, серьезнымъ не по лѣтамъ лицомъ, съ ея синими глазами, и задумчивыми и энергичными въ одно и то же время.

— Прощай, Мила, я...

Игорь не договорилъ. Грянулъ выстрѣлъ. За нимъ другой, третій... И, странное дѣло, не онъ, Игорь Корелинъ, а молоденькій венгерскій гусаръ грохнулся на землю, выронивъ изъ рукъ револьверъ. Загремѣли, затрещали слѣдомъ за первымъ и вторымъ и... другіе выстрѣлы... Защелкали своимъ своеобразнымъ щелканьемъ винтовки... Гусары рванулись куда-то въ темноту и въ тотъ же мигъ отпрянули съ ужасомъ назадъ, крича во все горло:

— Казаки! Казаки! Казаки!..

Но то были не казаки. Рота капитана Любавина, предупрежденная и освѣдомленная со словъ Милицы о положеніи непріятельскихъ силъ, обложила деревню и со всѣхъ сторонъ обрушилась на ничего не подозрѣвавшаго врага.

Благодаря темнотѣ непроглядной ночи, людямъ капитана Любавина удалось блестяще выполнить задуманный ихъ начальникомъ планъ: рота подобралась къ деревнѣ и обложила ее со всѣхъ сторонъ; но обо всемъ этомъ Игорь узналъ уже много позже, а пока онъ видѣлъ только, какъ обезумѣвшіе отъ неожиданности гусары метались по всей деревнѣ, разыскивая своихъ коней. Русскія пули настигали ихъ всюду... Слѣдомъ за упавшимъ молодымъ офицеромъ-гусаромъ грохнулся и огромный венгерецъ съ пробитой пулею головой. За нимъ повалились еще двое... Трое другихъ караульныхъ метнулись, было, къ юношѣ, сабля одного изъ нихъ повисла уже надъ его головою, но въ тотъ же мигъ выскочившіе изъ-за ближайшей избы нѣсколько русскихъ стрѣлковъ, словно выросшихъ изъподъ земли, ударили на венгерцевъ, и тѣ, побросавъ оружіе, кинулись вразсыпную...

— Уррра! — пронеслось побѣднымъ, громовымъ кликомъ по всей деревнѣ, и лихіе удальцы-пѣхотинцы бросились въ штыки на совершенно обезумѣвшаго врага.

. . . . . .

— Живо наше дите, слава Тебѣ, Господи, живо! — трепетнымъ голосомъ говорилъ Онуфріевъ,

кидаясь къ Игорю и обнимая не менѣе его взволнованнаго юношу.

— Слава Тебѣ, Создателю, какъ есть во-время поспѣли! А все онъ, Митенька, кабы не пришелъ онъ во-время...

— Да развѣ Мила... то-есть, Митя живъ?— вцѣпившись пальцами въ рукава солдатской шинели, чуть ли не въ голосъ крикнулъ Игорь.

Но вмѣсто отвѣта что-то милое, что-то безконечно дорогое и близкое вынырнуло откуда-то и прильнуло къ груди обезумѣвшаго отъ счастья юноши черной головкой.

— Это я, Горя! Это я...—зашепталъ, смѣясь и плача знакомый голосъ; и Милица, то трепетно проводила руками по блѣднымъ щекамъ Игоря, то снова припадала къ его груди головою.

— Живъ... Живъ... О, милый, славный Горя!— Сколько тебѣ пришлось пережить за эти ужасные часы плѣна,—шептала она взволнованнымъ голосомъ.

А кругомъ валились послѣдніе солдаты разбитаго наголову непріятельскаго отряда. Слышались стоны раненыхъ, крики сдающихся на милость побѣдителей. Уже тамъ и тутъ махали бѣлые платки, сигнализируя сдачу, и молодой подпоручикъ Гардинъ велъ цѣлую

толпу разоруженныхъ его бравыми солдатиками военноплѣнныхъ.

А когда погасла послѣдняя вспышка битвы, Онуфріевъ передалъ Игорю и Милицѣ приказаніе капитана Любавина немедленно явиться къ нему.

Въ той самой избѣ, гдѣ за часъ до этого сидѣлъ грозный нѣмецъ-полковникъ и венгерскіе офицеры, его помощники, дѣлая допросъ Игорю Корелину, въ этой самой избушкѣ, на порогѣ ея, встрѣтилъ обоихъ молодыхъ людей улыбающійся и довольный Павелъ Павловичъ Любавинъ.

— Ну, дѣти, спасибо! И за развѣдку и за храбрость и самоотверженіе. Горжусь, что такіе соколята служатъ подъ моимъ начальствомъ. Отъ имени командующаго передаю вамъ это... Носите съ достоинствомъ, служите такъ же, какъ служили до сихъ поръ, вѣрою и правдой царю и отечеству... А теперь, обнимите меня оба, юные герои...

Не слыша ногъ подъ собою, не видя ничего, кромѣ двухъ маленькихъ крестиковъ-орденовъ, которые протягивалъ имъ капитанъ, Игорь и Милица подняли дрожащія руки имъ навстрѣчу. Но чья-то рука со стороны отвела ихъ трепетные пальцы и самъ капитанъ Любавинъ прикололъ по очереди къ груди каждаго изъ нихъ по знаку отличія, мечтать о которомъ они не смѣли даже въ самыхъ дерзновен-

ныхъ грезахъ. Потомъ Павелъ Павловичъ обнялъ ихъ по очереди. Обняли ихъ, поздравляя, и другіе офицеры роты, а дожидавшійся въ сѣняхъ ихъ выхода Онуфріевъ, чуть не плача отъ радости, загребъ обоихъ въ свои мощныя, солдатскія объятія, поцѣловалъ трижды, словно христосуясь въ Свѣтлый праздникъ, и тутъ же наставилъ отеческимъ тономъ:

— Какъ этто закончится война, такъ Іоанну Воину безпремѣнно отслужите молебенъ. Онъ выручилъ, никто какъ онъ, батюшка, укрылъ, подъ своимъ Святымъ стягомъ. Ему и помолитесь. А теперича маршъ къ ротному котлу, небось животъ-то подвело у Гориньки въ австрицкомъ плѣнѣ. Не больно-то разносолами кормили колбасники. Да и не до ѣды было, небось, какъ потащили къ отвѣту? — разспрашивалъ Игоря заботливый солдатъ.

— Ничего не дали за весь день, ни куска хлѣба,— признался тотъ, уже весело смѣясь счастливымъ смѣхомъ.

— Ишь ты, помирать, значитъ, съ пустымъ брюхомъ наказали, — замѣтилъ простоватый румяный Петровскій, когда Игорь и Милица усѣлись у костра, гдѣ разогрѣвался ротный ужинъ.

— А тебѣ безпремѣнно, чтобы помирать наѣвшись до отвала, съ полнымъ брюхомъ! — захохотали его ротные товарищи.

— Все жъ таки повеселѣе будетъ такъ-то, — не смущаясь, резонировалъ тотъ.

— Ѣшьте, ѣшьте, чего стали, — подбодрялъ Онуфріевъ сидѣвшихъ въ кругу солдатъ, за общимъ котломъ, Игоря и Милицу.

Теперь повсюду, на площадяхъ и на улицахъ, весело пылали такіе костры. Рота, успѣвшая отдохнуть и оправиться послѣ удачнаго дѣла, съ аппетитомъ уписывала горячіе щи и кашу, сваренную на походной кухнѣ и теперь разогрѣтую на пылающемъ кострѣ. Пламя костровъ освѣщало знакомыя загорѣлыя лица, лица, ставшія уже безконечно дорогими обоимъ юнымъ развѣдчикамъ за совмѣстно проведенное съ солдатиками время похода. Тѣсно прижавшись одинъ къ другому, Игорь и Милица слушали, какъ скромные сѣрые герои не хитро разсказывали про только что блестяще выигранное дѣло.

— Вижу этто я, цѣлится онъ, да прямо въ дите наше, — бросалъ, тщательно обирая кашу изъ деревянной ложки, бравый пѣхотинецъ, — нѣтъ, думаю, врешь, не убьешь, сами съ усами, да какъ его ахну, такъ, братцы, сразу его наповалъ...

— Лихо. А вѣдь самъ онъ дите наше ладилъ прикончить... Ишь ты... честь честью, не поручилъ солдатамъ своимъ. Ишь живодеръ... Право, живо-

деръ... Не гляди, что молодъ... Вотъ и получилъ свое, по дѣламъ и заслуга.

— Плѣнные-то, плѣнные, уморушка, братцы, такъ и твердятъ все одно безъ устали: — А вы не козя будете? не козя?

— Страхъ, какъ они нашихъ казаковъ этто не любятъ.

— Трусливый народъ, что и говорить.

— Поди-кось, пожалуй, и дите нашего больно испужались, коли шестеро держали замѣсто двоихъ.

— Что дите? Дите — герой. Его слѣдоваетъ бояться. Вонъ какое отличіе получили наши дите, — съ замѣтной гордостью, ласково поглядывая на сидѣвшихъ рядомъ Игоря и Милицу, говорилъ Онуфріевъ.

А ночь уже шла на убыль... Прояснялись замѣтно далекія небеса. Блеклыми, неяркими стали теперь пятна костровъ на просвѣтлѣвшемъ фонѣ. Забрезжило утро.

Подобравъ раненыхъ и похоронивъ убитыхъ, солдаты спали теперь мирнымъ сномъ, укутавшись съ головою въ свои шинели. Бѣлымъ призракомъ казался въ надвигающемся блѣдномъ разсвѣтѣ высокій костелъ съ прогорѣвшей крышей. Жертвы австрійскаго безчинства давно были убраны и зарыты въ общей братской могилѣ.

Все спало кругомъ. Только бодрствовали часовые, напряженно и чутко внимая предутренней тишинѣ.

А Игорь и Милица все еще не спали... Юная сербка, прижавшись къ плечу своего товарища и друга, смотрѣла ему въ лицо преданнымъ, ласковымъ взглядомъ и трепетнымъ шопотомъ говорила ему:

— Ты знаешь, Горя, когда они утромъ гнались за мною и когда я видѣла, что смерть неизбѣжна, я какъ-то вся отупѣла вдругъ... застыла вся... Не было жаль ни себя, ни своей жизни, ни Іоле, ни отца съ матерью. И только страстно жаждала одного — исполнить до конца возложенное на меня порученіе, какою бы то ни было цѣною, исполнить, довести его до конца... И вотъ, свершилось: Богъ мнѣ далъ больше того, чѣмъ просила моя душа. О, Горя, все это похоже на сказку! Эти похвалы капитана... Эта высокая награда... А главное ты... Твое спасеніе, въ которомъ я отчаивалась уже...

И синіе глаза дѣвушки снова съ безконечной преданностью заглянули въ лицо Игоря.

Онъ отвѣтилъ ей тѣмъ же добрымъ, полнымъ сочувствія и преданности, взглядомъ.

— Знаешь ли, Мила, кто явился ко мнѣ тогда, когда я переживалъ послѣднія минуты передъ

казнью? — дрогнувшимъ голосомъ спросилъ онъ, послѣ короткой паузы, дѣвушку.

— Не знаю, Горя... Твоя сестра Ольга, можетъ быть? кто-нибудь изъ друзей? покойная мама? — нерѣшительно, вопросомъ на вопросъ, отвѣчала своему другу Милица.

— Нѣтъ, не они, а ты, ты, Мила... Это была ты... Въ ту минуту, когда я почувствовалъ, что жизнь кончается, что я умру, погибну, разстрѣлянный этими людьми — передо мною предсталъ, какъ живой, твой милый образъ... И тогда я понялъ, что ты — самое дорогое для меня существо въ мірѣ и что я люблю тебя, какъ самаго дорогого друга на землѣ, какъ самую дорогую сестру... И я никогда, никогда не забуду этой минуты, Милочка... Никогда не забуду...

— Я тоже никогда не забуду этихъ жуткихъ часовъ страха и ужаса за твою жизнь...

И Милица крѣпко сжала руку своего товарища. Онъ отвѣчалъ такимъ же крѣпкимъ пожатіемъ.

А востокъ побѣлѣлъ еще замѣтнѣе... Черезъ нѣсколько часовъ долженъ былъ наступить разсвѣтъ новаго утра и вмѣстѣ съ нимъ новый день съ его новыми случайностями, съ его радостями и печалями, такъ неизбѣжно чередующимися на войнѣ...

ГЛАВА IX.

Боже Сильный, Ты спасаешь насъ отъ злобы и враговъ
И народъ свой сохраняешь отъ злыхъ бѣдъ и злыхъ оковъ,
И твоей великой славой осчастливленъ весь народъ.
Боже Сильный! Боже Правый! Сохрани Ты сербскій родъ.
(Сербскій народный гимнъ).

Далеко, далеко разносится стройный, мелодичный напѣвъ гимна... Бодрыми звучными голосами подхватываютъ его быстрымъ, легкимъ аллюромъ спѣшащія впередъ юнакскія храбрыя дружины... Сильные мужскіе голоса съ какимъ-то захватывающимъ выраженіемъ, глубокимъ и прочувственнымъ, произносятъ эти хорошо знакомыя каждому сербскому сердцу слова народной пѣсни-молитвы. И кажется, будто сама природа, само пышное утро южной осени прислушивается къ этому могучему напѣву. Чудесно оно, нынче — это свѣжее осеннее утро! Мягко и ласково синѣетъ тамъ, вдали высокое небо. Еще по лѣтнему крѣпко нагрѣваетъ землю золотое солнышко. Подъ сѣнью могучихъ дубовъ, густымъ лѣсомъ по широкой дорогѣ движутся сербскіе полки: конница, пѣхота, артиллерія. Легкія и изящныя полевыя орудія быстро скользятъ наравнѣ съ войскомъ.

Тамъ, по выходѣ изъ лѣса, лежатъ кукурузовыя поля, съ четырехаршинною кукурузой, которая можетъ свободно покрыть всадника вмѣстѣ съ конемъ. Этимъ пользуются отряды развѣдчиковъ. Смѣлые юнаки-кавалеристы уже пробрались въ кукурузовыя поля и, благодаря прекрасному прикрытію, сумѣли подойти къ самому лагерю австрійцевъ, успѣвшихъ перебросится черезъ Дринъ и проникнуть въ Сербскую землю. Восемь австрійскихъ корпусовъ начали со дня объявленія войны Сербіи орудовать противъ послѣдней. Съ объявленіемъ Австріей войны Россіи, два корпуса были отозваны въ Галицію, но и оставшееся здѣсь число австрійскаго войска являлось во много разъ превосходнѣе своею численностью храброй маленькой сербской арміи.

Однако, несмотря на свое превосходство, австрійцы не спѣшили вторгнуться въ предѣлы Сербіи. Нѣсколько разъ пытались они переправиться черезъ Дунай и Саву, но каждый разъ были доблестно отражаемы сербскими удальцами.

Взбѣшенные послѣ каждой такой неудачи, они приступали всякій разъ къ новой бомбардировкѣ Бѣлграда, на половину обратившей этотъ красивый городъ въ дымящіяся развалины.

Но вотъ, узнавъ о томъ, что все вниманіе сербовъ приковано къ сѣвернымъ границамъ королев-

ства, командующій австрійской арміей на югѣ, генералъ Франкъ, собралъ огромныя силы на рѣкѣ Дринѣ, у впаденія ея въ Саву, переправился черезъ Дринъ и направился къ Вальеву, — намѣреваясь захватить сѣверо-западныя владѣнія Сербіи.

Тогда главнокомандующій сербской арміей, престолонаслѣдникъ сербскій и старшій сынъ престарѣлаго короля Петра, королевичъ Александръ, быстро двинулъ навстрѣчу дерзкому врагу свои отважныя дружины. Но чтобы перебросить съ одного пункта королевства на другой славныя сербскія войска потребовалось немало времени. И пока, пользуясь сѣтью дорогъ, переправлялись съ сѣвера на западъ королевства его храбрые защитники, передовой отрядъ ихъ укороченнымъ путемъ и форсированнымъ маршемъ быстро подвигался навстрѣчу огромной австрійской арміи. Этому передовому отряду было приказано задержать, насколько возможно, наступленіе австрійцевъ, пока не подоспѣетъ и не сосредоточится на Дринѣ все юнакское войско подъ личнымъ начальствомъ самого королевича. Вотъ этотъ-то отрядъ, углубившійся въ чащу дубоваго лѣса, съ пѣніемъ народнаго гимна и спѣшилъ навстрѣчу дерзкимъ и незваннымъ гостямъ...

— А теперь смолкните, юнаки! «Онъ» близко...— послышался голосъ одного изъ командировъ, обращенный къ отряду. И словно по мановенію волшебнаго жезла оборвалась пѣсня въ переднихъ частяхъ войска... Тамъ, позади вспыхивало еще мѣстами: — «Боже Сильный, Ты спасаешь насъ отъ злобы и враговъ...» — и тотчасъ же гасла, оборванная на полусловѣ.

Между тѣмъ лѣсъ сталъ замѣтно рѣдѣть. Въ просвѣты деревьевъ засверкало что-то синее, отливающее серебромъ.

— Рѣка! — послышалось въ рядахъ солдатъ, и ихъ загорѣлыя, мужественныя лица оживились.

Молодой артиллерійскій офицерикъ съ крестомъ Георгія на груди, ѣхавшій верхомъ рядомъ съ легкой батареей полевыхъ орудій, осадилъ своего гнѣдого жеребца и далъ проѣхать мимо себя всѣмъ шестнадцати орудіямъ своей части. Солдаты орудійной прислуги этой батареи выглядѣли какъ нельзя болѣе бодро и весело. По возбужденно блестящимъ глазамъ, по увѣреннымъ движеніямъ, по выраженію этихъ смѣлыхъ, загорѣлыхъ лицъ, молоденькій поручикъ Іоле Петровичъ понялъ, что батарея, которою командовалъ его братъ капитанъ Танасіо Петровичъ, готова достойно встрѣтиться лицомъ къ лицу съ наступающимъ врагомъ.

Пропустивъ мимо себя орудія, Іоле съ радостнымъ и легкимъ чувствомъ поскакалъ впередъ. Впереди батареи ѣхалъ его братъ Танасіо. Лицо пожилого капитана было, какъ всегда, озабочено и сурово. Брови нахмурены, губы сжаты. Впрочемъ, нынче эти брови показались Іоле болѣе нахмуренными, нежели обыкновенно. Іоле видѣлъ ясно, что тревожныя думы осаждаютъ голову брата. Ему стало безконечно жаль его. Захотѣлось приласкать этого закаленнаго, суроваго воина, который такъ мастерски умѣлъ владѣть собою и своимъ настроеніемъ.

Іоле зналъ, что у Танасіо не можетъ быть легко на сердцѣ. Вѣдь дома у брата осталась любимая жена Милена и четверо малъ-мала меньше ребятъ, его, Іолиныхъ, племянниковъ и племянницъ. А вѣдь, Богъ знаетъ, что ожидало ихъ отрядъ впереди... Богъ знаетъ, сколько пройдетъ еще времени, пока подоспѣетъ къ нимъ на помощь сербское войско. И какъ долго придется принимать своей грудью удары многочисленнаго врага!

— Танасіо, — произнесъ Іоле, подскакивая на всемъ ходу къ брату, — какъ ты думаешь, Танасіо, «они» уже близко? Да?

Когда братья были наединѣ другъ съ другомъ, Іоле разрѣшено было звать старшаго по имени и на «ты». Въ присутствіи же подчиненныхъ они не

допускали никогда этой вольности. Тутъ уже не было мѣста «Танасіо» и «Іоле»; тутъ были «господинъ капитанъ» и «господинъ поручикъ», произведенный въ этотъ чинъ за храброе дѣло похищенія орудійныхъ замковъ на австрійскомъ пароходѣ.

Теперь же, широко пользуясь тѣмъ, что орудійная прислуга не можетъ ихъ слышать, Іоле заговорилъ быстро-быстро, обращаясь къ брату:

— Какъ ты думаешь, Танасіо, скоро мы столкнемся съ ними?

— Скорѣе, чѣмъ ты это предполагаешь, молодой орленокъ! — отвѣчалъ тотъ.

— Но, Танасіо... Ты какъ будто не радъ предстоящему бою? — не унимался Іоле.

Старшій Петровичъ взглянулъ на младшаго.

— Ты подумалъ, прежде чѣмъ сказалъ это, мой соколъ?

— О, Танасіо! — горячо вырвалось изъ груди Іоле, — о, Танасіо, о храбрости твоей знаемъ не только мы, простые смертные, но и Его Величество король и Его Высочество нашъ славный королевичъ Александръ. А объ юнакахъ нашихъ нечего и говорить. Каждый изъ нихъ взялъ за поговорку: храбръ, какъ капитанъ Танасіо Петровичъ. Такъ они всѣ говорятъ. Но, должно быть, впереди ждетъ насъ слишкомъ непосильная задача. Да, они слишкомъ много-

численны, да, Танасіо, ихъ тысячи тысячъ, тогда какъ насъ... И оттого ты такъ задумчивъ, дорогой братъ.

— Молчи, Іоле, молчи! — прошепталъ Танасіо, и рука его, державшая поводъ, дрогнула едва замѣтно. — Я жалѣю объ одномъ, мой соколъ, я жалѣю о томъ, что взялъ тебя съ собою, можетъ быть, на вѣрную смерть.

И произнеся роковое слово, капитанъ Танасіо до боли закусилъ губы.

Іоле вспыхнулъ. Подтянулся въ сѣдлѣ, выпрямился, словно выросъ на цѣлую голову всей своей еще по-юношески тонкой и стройной фигурой.

— Капитанъ Танасіо Петровичъ, — отчеканивая каждое слово, произнесъ вѣско и значительно молодой офицеръ: — я въ неоплатномъ долгу передъ родиной и моимъ королемъ... И если мнѣ суждено погибнуть — я сдѣлаю это, славя мою героическую маленькую родину со счастливой улыбкой на устахъ!

ГЛАВА X.

Они шли, вѣрнѣе, катились синей могучей лавиной. Синія куртки, синія штаны, синіе головные уборы...

А за ними далеко — синяя же-рѣка. И надъ ними синѣло все въ осеннихъ мягкихъ тонахъ высокое небо... Они были еще тамъ, далеко, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ позицій, занятыхъ передовымъ сербскимъ отрядомъ, но по этой медленно придвигающейся огромной массѣ артиллеріи, пѣхоты и конницы можно было угадать, какая страшная сила готовилась обрушиться на ничтожный по численности сербскій передовой отрядъ.

Лихіе юнаки-кавалеристы разбросались далеко впередъ, производя развѣдку; спѣшно росли окопы и устраивалась въ нихъ стрѣлковая пѣхота... Артиллерію уставили въ траншеяхъ на горѣ... Высокая, съ крутымъ обваломъ на противоположной отъ непріятеля сторонѣ, она, эта гора, вдавалась въ не-

большое, но глубокое озеро. На краю высокаго берега поставили орудія батареи капитана Петровича. Вооруженный биноклемъ, Іоле, давно уже спѣшившійся, бродилъ между пушками и орудійной прислугой. Танасіо дѣлалъ спѣшныя записи плана мѣстности въ свою записную книжку. Откуда-то издали доносились короткіе единичные выстрѣлы винтовокъ. Это сербскіе развѣдчики сталкивались съ австрійскими кавалеристами, разбросавшими во всѣ стороны свои конные отряды.

Золотое солнце вспыхнуло въ послѣдній разъ алымъ пожаромъ на небѣ и погрузило свой огненный шаръ въ мгновенно посинѣвшія воды Дрина.

И, словно привѣтствуя этотъ алый закатъ, прогудѣла первая дальнобойная австрійская гаубица.

За первой непріятельской пушкой прогремѣла вторая... И, точно спѣша и перебивая одна другую, мощными, страшными ударами загудѣли орудія со всего австрійскаго фронта.

Послѣдній придвинулся значительно ближе къ сербскимъ позиціямъ. Теперь уже можно было про-

стымъ, не вооруженнымъ биноклемъ, глазомъ разсмотрѣть его конныя и пѣшія части. Можно было различить, какъ огромная синяя лавина закопошилась, окапываясь на выбранныхъ ею позиціяхъ. Стали поминутно теперь показываться то здѣсь, то тамъ бѣлыя облачка разрывающейся австрійской шрапнели... Все чаще и чаще запрыгали тяжелые снаряды, воронкой разворачивая землю и съ оглушительнымъ грохотомъ и трескомъ разлетались фонтаномъ осколки. Нѣсколько такихъ снарядовъ упало неподалеку отъ траншей, занятыхъ батареей капитана Петровича. Тяжелое, громыхающее плюханье возвѣстило капитана о близости такого снаряда и, едва успѣли его люди укрыться за тяжелыми металлическими щитами, какъ страшный снарядъ разорвался въ самомъ сердцѣ траншеи, повредивъ двѣ батарейныя полевыя пушки.

— Къ орудіямъ! — скомандовалъ Танасіо и первый взялъ у ближайшей къ нему пушки прицѣлъ.

— Съ Богомъ, пли!

Загремѣли хоромъ легкія полевыя орудія... Слѣдомъ за ними загудѣли и тяжелыя пушки въ сосѣднихъ съ горными позиціями траншеяхъ.

Имъ, съ утроеннымъ ожесточеніемъ, отвѣчали австрійскія мортиры и гаубицы, защелкали, затрещали пулеметы и цѣлый дождь свинца полился на

головы передового сербскаго отряда, защищающаго свои позиціи.

Поняли ли австрійцы или они угадали о малочисленности противника, но только орудія ихъ теперь ахали непрерывно, а синяя лавина перекатывалась все чаще и чаще, все ближе и ближе передвигая свои окопы къ сербскимъ позиціямъ.

Блѣдный, сосредоточенный стоялъ на вышкѣ горы капитанъ Танасіо, руководя прицѣлами своей батареи. Между выстрѣлами орудій онъ то и дѣло подносилъ бинокль къ глазамъ, зорко оглядывая ведущую отъ лѣса, среди кукурузныхъ полей, дорогу. По этому пути должно было подойти къ нимъ давно и страстно ожидаемое войско королевича.

Вдругъ онъ вздрогнулъ.

— Танасіо, они открыли наши траншеи и сыпятъ сюда непрерывно! Гляди! — услышалъ отважный капитанъ голосъ брата и, блѣдный, безъ кровинки въ лицѣ, Іоле предсталъ передъ нимъ.

— Четыре наши орудія уже погублены... орудійная прислуга успѣла смѣниться три раза... У трехъ пушекъ отбиты замки... О, Танасіо! если бы можно было броситься въ штыки на этихъ проклятыхъ! — заключилъ взволнованный Іоле дрожащимъ голосомъ.

— Ты обезумѣлъ, мальчикъ; двѣ тысячи — противъ сорока тысячъ! Нѣтъ, соколенокъ, мы не

смѣемъ дарить имъ свою жизнь, а съ нею и занятыя позиціи... Надо держаться, пока не придутъ наши... Надо удержать наши траншеи до появленія славнаго юнакскаго войска... Удержать — чего бы это намъ ни стоило.

Капитанъ Танасіо хотѣлъ прибавить что-то, но вдругъ замолкъ на полусловѣ.

Тяжело рухнулъ огромный снарядъ и разорвался совсѣмъ близко отъ нихъ, застилая все чернымъ, густымъ дымомъ.

За нимъ упалъ по сосѣдству второй, а черезъ минуту и третій. Теперь аккуратно, черезъ каждый опредѣленный срокъ, ложились, взрывая фонтаны земли, травы, песка и каменьевъ зарывающіеся глубоко воронкой въ почву и разворачивающіе ее вмѣстѣ съ деревьями и кустами, снаряды.

Дымъ не разсѣивался ни на минуту. Въ его густыхъ облакахъ работали теперь сербскіе артиллеристы.

Все меньшее и меньшее число сербскихъ орудій отвѣчало неумолкавшимъ тяжелымъ австрійскимъ пушкамъ. И сосѣдняя съ батареею Петровича артиллерійская часть тоже значительно понизила свой грозный голосъ.

Но вотъ почему-то замолкли сразу дальнобойныя и мелкія орудія на австрійскомъ фронтѣ. Прекра-

тила и свой непрерывный, жужжащій вой непріятельская шрапнель.

Дымъ понемногу сталъ разсѣиваться... Но то, что увидѣли храбрецы-сербы сквозь эти разсѣявшіеся остатки дыма, заставило невольно дрогнуть ихъ мужественныя сердца.

Австрійскія орудія прекратили артиллерійскую дуэль, но зато синяя лавина кавалеріи и пѣхоты съ дикимъ, потрясающимъ крикомъ неслась прямо на сербскія позиціи...

Къ Танасію Петровичу подлетѣлъ на взмыленномъ конѣ весь потный и запыленный ординарецъ генерала:

— Господинъ капитанъ... Его Превосходительство приказалъ держаться и держаться... Чтобы до послѣдней возможности, до послѣдняго орудія...

— Сколько у васъ ихъ осталось сейчасъ? — трепетнымъ голосомъ спрашивалъ Петровича молоденькій адъютантъ начальника отряда.

— Увы, господинъ поручикъ, только два, — получился лаконическій отвѣтъ.

— Все равно! Генералъ приказалъ держаться. Развѣдчики донесли только-что, что наши недалеко.

— Слава Господу... Скажите генералу, что если понадобится, мы умремъ на своемъ посту, но въ

плѣнъ, во всякомъ случаѣ, не сдадимся и не сдадимъ оставшихся орудій, клянусь!

До ушей Іоле долетѣлъ этотъ отважный отвѣтъ, достойный его героя-брата. Юноша весь загорѣлся, весь ожилъ, услыша его. Глаза его сверкнули, какъ раскаленные уголья. Онъ бросился съ крикомъ «живіо» къ двумъ уцѣлѣвшимъ отъ австрійскихъ снарядовъ орудіямъ, съ оставшеюся у нихъ въ живыхъ батарейной прислугой и въ послѣдній разъ скомандовалъ: пли! Въ послѣдній разъ, потому что передовыя части синей лавины уже докатились до подножія горы, занятой ихъ батареею и сейчасъ ожесточенно дрались съ пѣхотинцами-юнаками, защищавшими тамъ внизу гору.

Іоле быстро вынулъ изъ кобуры револьверъ и послалъ нѣсколько выстрѣловъ туда, въ самую гущу синихъ мундировъ и синихъ кэпи. Потомъ снова кинулся къ орудіямъ и сталъ наводить одно изъ нихъ на ряды приближавшихся швабовъ.

Тутъ же, рядомъ, Танасіо работалъ у другого...

— Бери прицѣлъ вѣрнѣе, Іоле, — хриплымъ голосомъ крикнулъ старшій Петровичъ и поднялъ руку... Грянулъ выстрѣлъ, но не пушечный, а короткій, трескучій, ружейный... И капитанъ Танасіо, взмахнувъ руками, грохнулся о землю съ прострѣленной головою.

Іоле скорѣе угадалъ, нежели увидѣлъ смерть брата... Больно-больно сжалось его сердце и слезы на мигъ увлажнили глаза... Но горевать было некогда...

Синяя лавина, уничтоживъ защитниковъ сербскихъ траншей, уже вкатывалась на гору, уже вливалась въ голову батареи...

На мигъ ужасъ сковалъ душу Іоле жуткими, ледяными оковами... Онъ уже видѣлъ озвѣрѣвшія, ожесточенныя лица передовыхъ непріятельскихъ солдатъ. Они со штыками на перевѣсъ уже ворвались на гору.

— Сдавайтесь! Сдавайтесь! — закричалъ ломаннымъ сербскимъ языкомъ ведущій нападеніе австрійскій офицеръ.

На мигъ все заволокло туманомъ въ глазахъ Іоле... Въ этомъ туманѣ онъ только смутно различилъ перебитыя свои батарейныя орудія; трупы погибшей на своемъ посту орудійной прислуги и двѣ еще цѣлыя и невредимыя пушки, оставшіяся чудомъ неиспорченными подъ огнемъ непріятельскихъ орудій. Быстрая мысль вихремъ осѣнила молодую голову Іоле.

Эта мысль шепнула ему, какъ избѣжать возможности захвата ненавистными швабами этихъ двухъ уцѣлѣвшихъ орудій...

И вотъ, отважный юноша рѣшился. Онъ кинулъ взглядомъ въ сторону сраженнаго на смерть Танасіо.

Капитанъ Петровичъ старшій лежалъ распростертый у колеса одного изъ своихъ орудій. Алая струйка крови тоненькой лентой пересѣкала его лобъ.

Уже успѣвшіе остеклѣть широко раскрытые глаза были обращены въ небо...

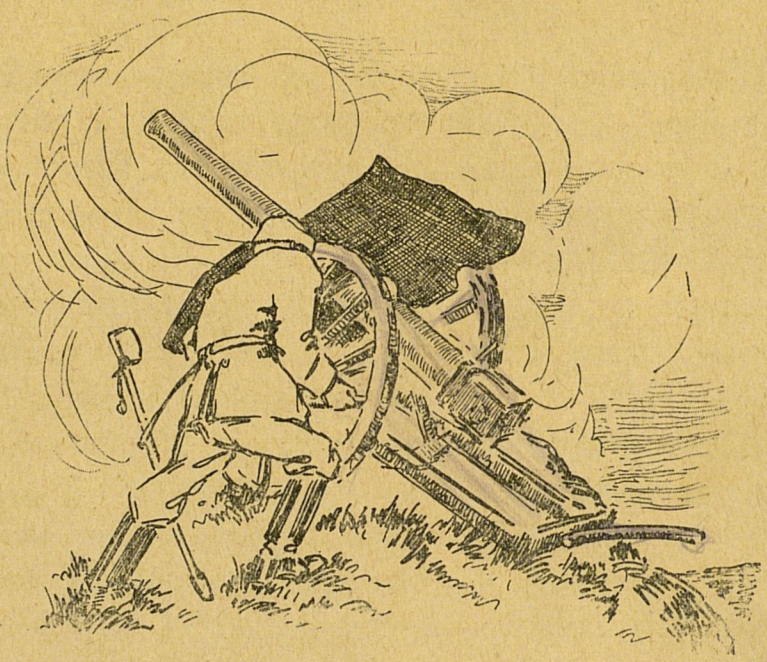
— Прощай, бѣдный, дорогой Танасіо, — прошепталъ Іоле; — иду, мой герой-братъ, слѣдомъ за тобою.

И юноша, осѣнивъ себя крестнымъ знаменемъ, рванулся къ обоимъ уцѣлѣвшимъ орудіямъ, стоявшимъ одно близъ другого. Это было какъ разъ во-время, потому что австрійцы уже съ оглушительными криками, со штыками на перевѣсъ, ворвались въ сербскія траншеи. Грянулъ револьверный выстрѣлъ и надъ самой головою Іоле прожужжала непріятельская пуля...

— Сдавайтесь же, чортъ васъ возьми, наконецъ! — закричалъ въ бѣшенствѣ бѣгущій прямо на него, Іоле, офицеръ-австріецъ.

Но юноша зналъ, что ему надо было теперь дѣлать. Съ быстротою стрѣлы подкатилъ онъ одно изъ уцѣлѣвшихъ орудій на самый край обрыва и изо всей силы толкнулъ его внизъ. Мигъ... и, перекувыркиваясь въ воздухѣ, небольшая полевая пушка стремительно понеслась въ озеро. Плескъ воды,

короткій и быстрый и новое торжествующее «живіо» Іоле привело въ бѣшенство не ожидавшихъ ничего подобнаго швабовъ. Грянулъ новый выстрѣлъ... Лицо Іоле исказилось страданіемъ. Пуля ударила ему въ грудь... Но онъ не обратилъ



вниманія на рану... Съ сверхъестественной силою, истекающій кровью, юноша бросился ко второму орудію и, прежде нежели налетѣвшіе на батарею швабы, могли сдѣлать съ нимъ что-либо, Іоле вмѣстѣ съ орудіемъ покатился съ обрыва внизъ...

Въ послѣднюю минуту въ сознаніи юноши промелькнула, какъ вихрь, четко и ясно недавно пережитая имъ счастливая картина: когда королевичъ Александръ, отличившій его, повѣсилъ ему на грудь передъ всѣмъ фронтомъ драгоцѣнный крестикъ Георгія и поздравилъ его поручикомъ въ награду за то ночное дѣло... Потомъ промелькнуло залитое слезами лицо матери, благословляющей и цѣлующей его передъ походомъ, и черты отца-калѣки въ креслѣ, и глаза Милицы, далекой Милицы, которая будетъ, конечно, поминать въ своихъ молитвахъ погибшаго солдатской смертью его, — Іоле...

И съ этой послѣдней мгновенной мыслью Іоле вмѣстѣ съ исковерканнымъ при паденіи орудіемъ погрузился въ холодныя волны...

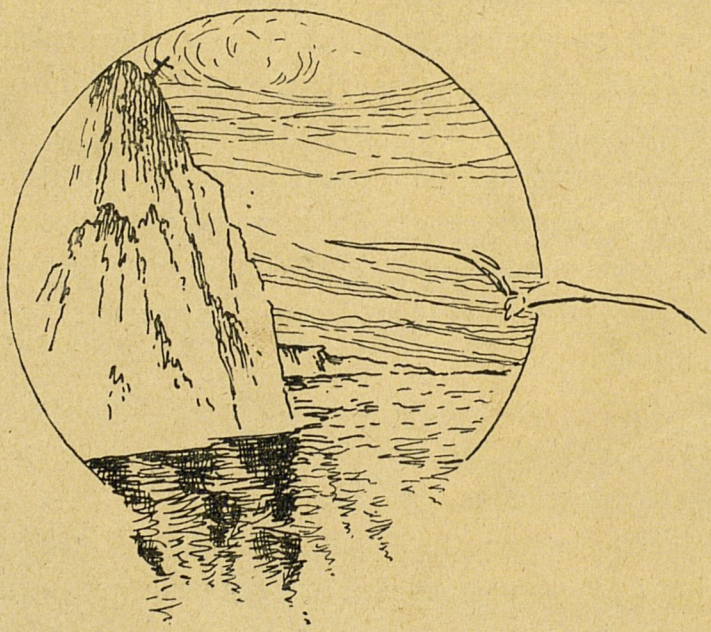
Въ тотъ же мигъ оглушительное торжествующее «живіо» послышалось со стороны кукурузоваго поля и дороги и въ послѣднемъ освѣщеніи вечернихъ сумерекъ показались свѣжія дружины юнакскаго войска...

Это королевичъ Александръ спѣшилъ на выручку своему передовому отряду, ведя свои новые доблестные полки.

Эти полки разбили на голову швабскіе легіоны и перешли въ наступленіе въ восточной Славоніи.

Подъ отчаянно смѣлымъ натискомъ немногочисленнаго героическаго сербскаго войска австрійцы принуждены были отступить, обратиться въ позорное бѣгство.

Но Іоле не дожилъ до этой славной побѣды роднаго юнакскаго войска. Подъ холоднымъ покровомъ глубокаго озера, рядомъ съ исковерканными пушками, молодецки спасенными имъ отъ рукъ непріятеля, покоился Іоле, покоился сномъ героя, погибшаго за честь и свободу своей милой родины...



ЧАСТЬ III.

ГЛАВА I.

Снова темная, угрюмая ночь вѣяла надъ землею. Снова непроглядным чернымъ пологомъ повисло безбрежное таинственное небо. Ни признака сіянія ласковаго мѣсяца; ни единой, радостно мигающей золотой звѣздочки не видно на его черномъ, какъ сажа, полѣ.

Мертвая тишина царитъ на русскихъ позиціяхъ. Вотъ уже нѣсколько дней подъ рядъ наши славныя войска ведутъ успѣшныя преслѣдованія отступающей въ глубь страны австрійской арміи. Постепенно, шагъ за шагомъ, отбиваетъ у швабовъ наша доблестная галиційская армія шестьсотъ лѣтъ томившуюся подъ иноземнымъ игомъ древне-русскую Галичину. Передовые русскіе отряды, казаки-развѣдчики и стрѣлковая пѣхота, находящаяся во главѣ нашей арміи, ушли далеко впередъ, преслѣдуя по пятамъ непріятеля. Но вотъ, у самаго берега рѣки

къ отступающимъ австрійцамъ подоспѣлъ ихъ резервъ на помощь, и непріятель пріостановился, чтобы укрѣпиться на высокомъ холмѣ у берега и сталъ возводить высокія, трехъярусныя укрѣпленія. Здѣсь были установлены на скорую руку батареи, тяжелыя пушки-гаубицы и пулеметы. Дѣлалось это съ тою цѣлью, чтобы, когда большая часть отступающей непріятельской арміи переправится черезъ рѣку, другая, засѣвшая на горѣ, въ окопахъ часть ея должна прикрыть эту переправу, осыпая насѣдавшіе на ея арьергардъ русскіе авангардные отряды градомъ пуль и снарядовъ.

Одному изъ этихъ нашихъ отрядовъ-преслѣдователей, вырвавшемуся далеко впередъ отъ цѣлаго корпуса, удалось подойти чуть ли не къ самой переправѣ, — отъ нея отдѣляли нашихъ всего какія-нибудь полверсты или около этого. Вотъ на этихъ-то смѣльчаковъ нѣсколькихъ ротъ стрѣлковой пѣхоты и сыпался не переставая дождь свинца и градъ снарядовъ съ занятой непріятелемъ, чрезвычайно удобной на горѣ позиціи.

Весь послѣдній день прошелъ тревожно. Съ самаго ранняго утра до быстрыхъ и темныхъ сумерекъ гремѣла не умолкая непріятельская канонада. Ей отвѣчали съ русскихъ позицій пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ. Отъ непрерывной

орудійной пальбы, казалось, сотрясалась земля. То и дѣло показывались то здѣсь, то тамъ, бѣлыя облачка, и съ воемъ, свистомъ и трескомъ рвалась надъ нашими окопами непріятельская шрапнель. Щелкали въ отвѣтъ сухіе ружейные выстрѣлы, безостановочно гремѣли дружные залпы, трещали пулеметы. Прилегавшая къ русскимъ позиціямъ мѣстность была сплошь покрыта болотомъ, на вязкой почвѣ котораго не было никакой возможности уставить тяжелыхъ орудій, чтобы принять съ равною силою вызовъ непріятельскихъ батарей. Поневолѣ приходилось ограничиваться одною ружейною и пулеметной стрѣльбою. Съ наступленіемъ ночи, наконецъ, замолчали смертоносныя орудія на горѣ. Замолчала и отвѣтная ружейная стрѣльба на нашихъ позиціяхъ. Измученные въ обоихъ лагеряхъ люди могли передохнуть до наступленія разсвѣта.

Павелъ Павловичъ Любавинъ, находившійся со своею ротою вмѣстѣ съ другими тремя ротами Н-скаго стрѣлковаго полка на передовыхъ позиціяхъ, прежде, нежели позволить себѣ воспользоваться короткимъ отдыхомъ, обошелъ окопы, гдѣ находились его стрѣлки.

Павелъ Павловичъ былъ сильно встревоженъ убылью людей въ своей командѣ, каждый солдатъ которой былъ ему дорогъ, какъ родной братъ. Не-

веселыя мысли устало кружились въ его измученной головѣ. На завтра было необходимо ударить въ штыки на непріятеля, засѣвшаго на вершинѣ горы со своею артиллеріею. Это было далеко не легкимъ дѣломъ, а съ точки зрѣнія опытнаго офицера, пожалуй, даже и невозможнымъ, въ виду полнаго отсутствія на нашей сторонѣ орудій, которыя облегчили бы штыковую атаку. А такъ, при настоящемъ положеніи дѣла, героямъ-солдатикамъ придется перебѣгать все огромное поле, отдѣляющее ихъ отъ австрійцевъ, подъ градомъ снарядовъ, и врядъ ли достигнутъ они при такихъ обстоятельствахъ хоть сколько-нибудь благопріятнаго результата. Необходимо было, значитъ, нынче же ночью просить подкрѣпленія у главнаго начальства въ видѣ хотя бы одной батареи тяжелыхъ орудій. Но прежде всего должно было найти такое удобное для ея постановки мѣсто, откуда можно было бы болѣе или менѣе безнаказанно разить непріятельскія орудія на горѣ.

Еще задолго до наступленія сумерокъ, Павелъ Павловичъ вызвалъ охотниковъ разыскать такую удобную позицію. Вызвалась, какъ одинъ человѣкъ, вся рота. Вызвались вмѣстѣ съ нею и двое ротныхъ «дите», юные развѣдчики Корелинъ и Агаринъ. И опять Павелъ Павловичъ рѣшилъ командировать на развѣдку «дѣтей», повторяя себѣ чуть ли не въ со-

тый разъ, что тамъ, гдѣ трудно было бы пробраться взрослому человѣку, можетъ незамѣтно проскользнуть подростокъ.

Часа два тому назадъ молодежь пустилась въ свое опасное предпріятіе, захвативъ съ собой небольшой ручной фонарь-прожекторъ. Павелъ Павловичъ обходилъ свою команду и участь ротныхъ «дите» не могла не тревожить молодого офицера. Онъ зналъ, что вся окружающая мѣстность кишитъ австрійскими разъѣздами, что повсюду шмыгаютъ ихъ развѣдчики и каждую минуту отважныя дѣти могутъ наскочить на такой непріятельскій отрядъ. Правда, ихъ костюмъ, крестьянское платье двухъ галиційскихъ парнишекъ и непроглядная темнота ночи много облегчали имъ задачу да и на быстроту коня, захваченнаго у венгерцевъ этимъ молодчиной Агаринымъ, какъ иначе Любавинъ теперь не называлъ Милицу, можно было положиться вполнѣ. А все-таки, кто знаетъ, чѣмъ могло кончиться такое опасное предпріятіе, надежду на благопріятный исходъ котораго можно было возложить на одного Бога?

Съ прежними нерадостными думами обходилъ окопы капитанъ. Здѣсь всюду еще свѣтились огоньки, несмотря на позднее время. Познавъ о предстоящемъ имъ на утро штыковомъ боѣ, солда-

тики-пѣхотинцы дѣятельно готовились къ нему. Кое-кто изъ нихъ мылся у протекавшаго тутъ же рядомъ болотнаго ручья; кто мѣнялъ бѣлье, кто точилъ штыкъ или чистилъ ружье, немало поработавшее за день. А въ одномъ углу ротный парикмахеръ, попросту взятый изъ петроградской парикмахерской подмастерье-брадобрей изъ запасныхъ солдатъ, усердно работалъ бритвой, тщательно уничтожая отросшую на щекахъ и подбородкахъ своихъ соратниковъ щетину. Кто царапалъ письмо на родину. Можетъ быть, прощальное письмо. Было что-то трогательное, за сердце хватающее въ этомъ приготовленіи къ смерти «на всякій случай» русскаго солдата. Раненыхъ въ перестрѣлкѣ еще засвѣтло санитары вынесли изъ окоповъ на носилкахъ. Убитыхъ подобрали и схоронили въ одной общей братской могилѣ. Но живые попрежнему были бодры и сильны духомъ, тою неуязвимою бодростью и силою, на которую такъ способенъ нашъ исключительный герой — русскій солдатъ.

Проходя по окопамъ, Павелъ Павловичъ еще разъ могъ воочію убѣдиться въ этомъ. Весь долгій нынѣшній боевой день, сосѣдство смерти и гибель многихъ товарищей не отразились на бодрости духа этихъ чудо-богатырей. Невольно замедлялъ шагъ Любавинъ, пріостанавливаясь около отдѣльныхъ

группъ, мирно бесѣдовавшихъ между собою, устроившись на ночь въ вырытыхъ въ землѣ углубленіяхъ, на подостланныхъ сѣрыхъ шинеляхъ, и прислушивался къ этимъ бесѣдамъ. Въ одной изъ такихъ группъ разговоръ вертѣлся вокругъ сегодняшняго боя. Кто-то перечислялъ по именамъ погибшихъ нынче подъ огнемъ непріятельскихъ батарей товарищей.

— А Клементьевъ? — спрашивалъ съ тревожной интонаціей молодой голосъ.

— Приказалъ долго жить, — отвѣчалъ другой.

— А Перчинъ?

— Убитъ.

— А Куренковъ?

— При мнѣ отнесли на пункту санитары.

— А Ловчиковъ, Ваня?

— Разнесло на мелкіе кусочки снарядомъ такъ, что и косточекъ было не собрать.

— А Петрушка Кудрявцевъ, братцы?

— Тоже готовъ, никакъ...

— Ранили его подъ конецъ дня, самъ видѣлъ.

— А то и убили, никакъ?

— На перекличкѣ не было, стало быть, убили.

— Помяни Господи его душеньку во Царствіи Небесномъ. Славный парень былъ, веселый, дошлый.

— Что это вы, братцы? Бога вы побойтесь! Ай никакъ живого хоронить вздумали? — И ротный

весельчакъ-балагуръ и красавецъ Петръ Кудрявцевъ, всеобщій любимецъ, вынырнулъ откуда-то изъ черноты ночи на огонекъ фонаря.

— Петрушка и то... Глянь, братцы, онъ самый... Ахъ, штобъ тебя! Гляди, живехонекъ! — несказанно обрадовались своему любимцу солдаты.

— А што мнѣ дѣется? — весело отозвался Петръ, безпечно тряхнувъ головою, черезъ которую шла во весь лобъ окровавленная повязка, полуприкрытая кое-какъ нахлобученной на нее фуражкой. — Эвона осколкомъ малость чарапнула да вотъ пальцы попортило тоже. — Тутъ Петрушка вытянулъ лѣвую руку, изуродованную отсутствіемъ четырехъ суставовъ и представляющую изъ себя теперь обрубокъ, тщательно обмотанный бинтомъ. — Да вотъ привелъ такъ Господь, поднадулъ-таки я ево, братцы... — хитро ухмыляясь и прищуривая глаза въ ту сторону, гдѣ въ темнотѣ грозно прятались молчаливыя непріятельскія батареи. — Онъ меня, значитъ, напрямикъ въ башку цѣлилъ, а я ему лѣвую рученку, не будь глупъ, для услады, возьми да и подставь. Ну, малость далъ побаловаться, отвести душу, подарилъ ему ихъ...

— Кого подарилъ-то, болтунъ?

— Да пальцы-то... Ничего не подѣлаешь съ нимъ, братцы... Палитъ издали, проклятый, во какъ

палитъ. Такъ нѣшто пуля-то али снарядъ тебѣ разбираетъ, гдѣ голова, гдѣ тебѣ руки... А ужъ жаркое нынче дѣло было, что и говорить. У кумы на имянинахъ такого веселья не было. Хошь орѣшковъ— онъ тебѣ орѣшковъ дастъ, досыта, сколько влѣзетъ, изъ пулемета знай получай, на радостяхъ, а захочешь арбуза, либо дыни...

— Что это, Кудрявцевъ, у тебя кровь на повязкѣ выступила? — неожиданно, словно изъ-подъ земли выростая передъ стрѣлками, спросилъ незамѣтно подошедшій къ нимъ Любавинъ.

Тѣ вскочили на ноги, при видѣ начальника, и вытянулись въ струнку.

— Лежи, лежи, братцы, отдыхай, — поспѣшилъ успокоить ихъ Павелъ Павловичъ и опять обратился къ общему любимцу замѣтно тревожнымъ голосомъ:

— Ты въ голову раненъ, Кудрявцевъ? И въ руку тоже?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, — бодро, почти весело отозвался Петруша.—А только, дозвольте доложить, не рана это совсѣмъ, а, къ слову сказать, не стоющее дѣло, одна хонфузія. Такъ что, ваше высокоблагородіе, осколкомъ однимъ пальцы, значитъ, отхватило, а другимъ по лбу сконтузило какъ есть малость.

— Такъ тебѣ перевязку надо сдѣлать, настоящую перевязку въ полевомъ лазаретѣ... Ты что же это, братецъ мой, не пошелъ? — все больше и больше волнуясь, говорилъ Павелъ Павловичъ.

— Да такъ, што, дозвольте, ваше высокоблагородіе, къ слову сказать, недосугъ было — подсобляли санитарамъ раненыхъ таскать.

— Что? Таскать раненыхъ, когда самъ раненъ?— совсѣмъ уже встревожился капитанъ. — Да ты на себя погляди, братецъ. Вѣдь лица на тебѣ нѣтъ... Кто тебѣ перевязку дѣлалъ?

— Такъ что, Иваненко, ваше высокоблагородіе. Иваненко Хфедоръ, нашего взвода. И кровь унялъ и землицей присыпалъ и все, какъ есть полагается...

— Ступай, ступай на перевязочный пунктъ въ полевой лазаретъ... — начальническимъ тономъ, повышая голосъ, приказалъ Любавинъ.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе! — отрапортовалъ Кудрявцевъ. Сдѣлалъ уже поворотъ налѣво кругомъ, и вдругъ замялся.

— Ну, чего же ты сталъ? Понялъ, что тебѣ велѣно?

— Такъ точно, понялъ... — прозвучалъ не прежній бодрый и веселый, а убитый голосъ. И вдругъ трепетно и смущенно взмолился красавецъ-солдатъ:

— Ваше высокоблагородіе... дозвольте къ слову сказать... дозвольте, ваше высокоблагородіе, мнѣ здѣся на позиціяхъ остаться. Вѣдь ежели мнѣ, то-есть на пункту иттить, такъ съ пункты шабашъ ужъ значитъ, не скоро и выпустятъ, лежи, стало быть, на койкѣ и встать не моги, ровно дите малое. А на завтра вѣдь дѣло, ваше высокоблагородіе, назначено, «ево» изъ окоповъ съ горы вышибать... Такъ какъ же это мнѣ, стало быть, ваше высокоблагородіе, безъ пользы оставаться... Выйдетъ, будто этто я за флангомъ, ваше высокоблагородіе, за негодностью оставленъ, потому, какъ рана у меня сущая чарапина, а не рана, совсѣмъ плевое дѣло, не стоющее какъ есть. Такъ что дозвольте же не иттить на пункту, ваше высокоблагородіе... Окажите Божицкую милость, дозвольте остаться. Вѣдь ежели лѣвая рука попорчена, правой я вотъ какъ штыкомъ за милую душу володѣть могу...

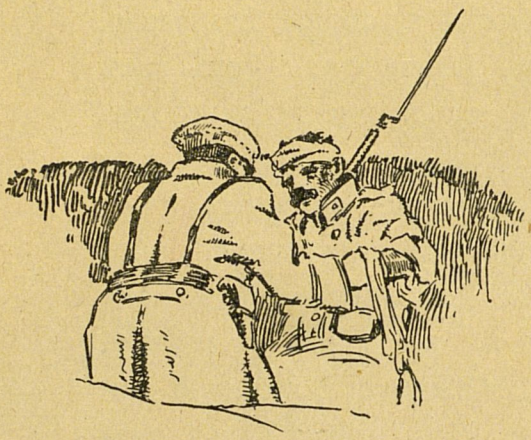
Голосъ солдата дрогнулъ при послѣднихъ словахъ. Нѣмая мольба отразилась теперь и въ его большихъ, глубоко запавшихъ въ орбитахъ глазахъ, въ каждой черточкѣ его осунувшагося лица.

Павелъ Павловичъ взглянулъ въ эти словно увеличившіеся на похудѣвшемъ лицѣ глаза и махнулъ рукой.

— Что мнѣ дѣлать съ тобою, оставайся, будь

по-твоему, коли говоришь, что не чувствуешь боли. Только перевязку я тебѣ самъ передѣлаю. Давай сюда руку, молодчинище...

И вынувъ изъ походной сумки, имѣющейся при каждомъ воинѣ, марли, ваты и бинтъ для перевязки, капитанъ Любавинъ энергично и ловко принялся



перебинтовывать руку солдату, въ то время, какъ въ головѣ его замелькала взволнованная мысль:

— Господи! И откуда они берутся такіе герои! Помогать носить такихъ же раненыхъ, какъ и самъ онъ, на перевязочный пунктъ... Въ виду предстоящаго боя отказываться отъ услугъ лазарета, чтобы только имѣть возможность участвовать въ немъ... Да какъ же не побѣждать послѣ этого славному русскому воинству съ такими встрѣчающимися на каждомъ шагу героями, чудо-богатырями!

И Павелъ Павловичъ, окончивъ перевязку, неожиданно обнялъ раненаго и крѣпко поцѣловалъ его въ губы.

ГЛАВА II.

— Боже мой, какая темень. Ни зги не видать!

— Да. И что досаднѣе всего — нельзя воспользоваться прожекторомъ.

— Скоро кончится лѣсъ и, если мы встрѣтимъ холмы за опушкой, значитъ, дѣло въ шляпѣ...

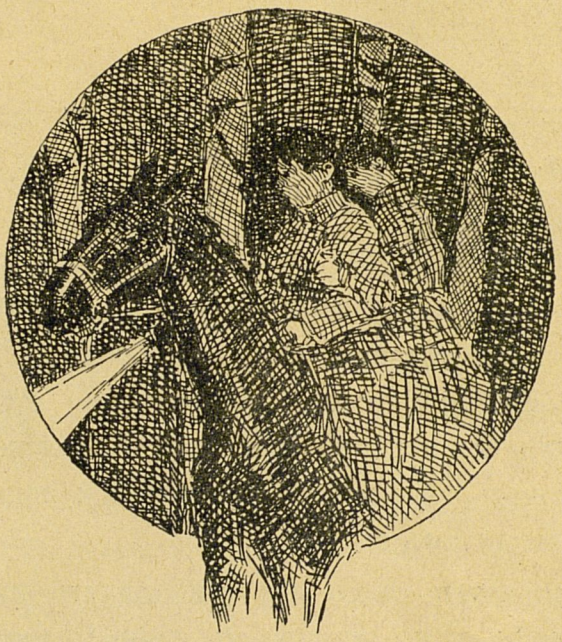
— А ты замѣчаешь, «тамъ» все тихо... И плеска воды не слышно даже... Удивительно странно, за ночь могли бы переправиться безъ помѣхи скорѣе, нежели днемъ. А можетъ быть, казаки пошли обходомъ и зашли имъ въ тылъ?

— Ну, нѣтъ, тогда бы «тѣ» палить начали. А вотъ вѣрнѣе всего то, что мы сами удалились отъ рѣки. Вѣдь лѣсъ за болотомъ шелъ въ сторону отъ ихъ позицій.

— А знаешь, Горя, мнѣ почему-то кажется, что тамъ за лѣсомъ должны быть непремѣнно холмы, и если не такіе большіе, какъ тотъ высокій на берегу рѣки, занятый ими, то, можетъ быть...

— Тише, тише... Какъ будто сюда идутъ... Слышишь, трещатъ сухіе сучья?

И какъ бы въ подтвержденіе словъ Игоря, произнесенныхъ быстрымъ и тихимъ шопотомъ, конь-венгерецъ, на спинѣ котораго они сидѣли оба, Ми-



лица и Игорь, повелъ безпокойно ушами, насторожился и издалъ короткое, нетерпѣливое ржаніе.

Молодые люди замерли на минуту, чутко прислушиваясь, не шевелясь, почти не дыша... Но никто не отозвался на неожиданно раздавшееся лошадиное ржаніе. Повидимому, въ лѣсу все было попрежнему

тихо и спокойно. Вѣроятно, сама собою упавшая съ дерева вѣтка произвела этотъ легкій шумъ, встревожившій молодежь.

Убѣдившись въ этомъ, Игорь, сидѣвшій впереди Милицы, и правившій лошадью, переложилъ поводья въ лѣвую руку въ то время, какъ правою вынулъ изъ-за пазухи небольшой электрическій ручной прожекторъ-фонарь. Сказочно причудливый свѣтъ этого крошечнаго прожектора на мигъ прорѣзалъ острою полосою лѣсную дорогу съ ея рядами пожелтѣвшихъ и обнаженныхъ деревьевъ. Почти голыя, по-осеннему, стояли деревья, протягивая къ всадникамъ свои длинныя сучья-руки. Дорога съ ея узкой лентой, покрытая опавшей съ деревьевъ листвой, казалась при свѣтѣ какой-то причудливою пестрой змѣею, убѣгавшей въ глубь лѣса. Снова исчезъ бѣглый свѣтъ ручного фонаря и снова все погрузилось въ прежнюю мглу. Снова быстрой иноходью побѣжалъ статный венгерецъ, перебирая тонкими породистыми ногами.

Постепенно стали рѣдѣть деревья. Потянуло откуда-то холодомъ, и всадники выѣхали въ открытое поле. Теперь подъ копытами венгерца уже не плюхала, какъ прежде, болотная почва. Твердый, крѣпкій грунтъ смѣнилъ прежнюю кочковатую, неровную, болотистую поверхность. Мало-по-малу бѣгъ коня

замедлился, и сидѣвшіе на его спинѣ юные развѣдчики замѣтили, что какъ будто путь ихъ начинаетъ подниматься въ гору...

— Ура! — радостнымъ шопотомъ произнесъ Игорь. — Ура, Мила! Тамъ холмы впереди или гора, не знаю... И какъ разъ на мѣстѣ приходится... Если установить здѣсь батареи, они будутъ бить безъ промаха по тѣмъ непріятельскимъ злодѣйкамъ, причинившимъ столько непоправимаго вреда нашимъ окопамъ за минувшій день. Теперь только остается добраться до этой горы или до этого холма и тщательно произвести ея развѣдку. А тамъ во весь духъ мчаться обратно къ капитану съ донесеніемъ.

— Какъ жаль, что нельзя снова воспользоваться твоимъ лилипутомъ-прожекторомъ, — произнесла съ сожалѣніемъ Милица.

— Да, это рискованно, потому что мы, повидимому, находимся среди открытой со всѣхъ сторонъ лѣсной мѣстности... Разумѣется, непріятеля здѣсь нѣтъ, всѣ они сосредоточены на переправѣ подъ прикрытіемъ своихъ гаубицъ и мортиръ, а все-таки, кто поручится, что гдѣ-нибудь поблизости не шатаются ихъ разъѣзды...

— А все-таки рано или поздно намъ придется освѣтить мѣстность, чтобы воочію убѣдиться въ наличности холма.

— Да, но уже много позже, когда мы замѣтимъ, что поднимаемся выше...

— А развѣ ты не чувствуешь этого уже и сейчасъ?

Дѣйствительно, лошадь пошла тише, сильно забирая передними ногами, какъ будто поднимаясь въ гору. Все стройное тѣло животнаго вытянулось; голова приподнялась на гибкой, высокой шеѣ.

— Нѣтъ словъ, мы поднимаемся въ гору... Ясно, какъ Божій день. И теперь, когда это уже не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, я снова прибѣгну къ помощи нашего сообщника, — согласился сейчасъ и Игорь, снова вынимая изъ-за пазухи фонарь-прожекторъ.

И опять волшебный снопъ свѣта упалъ на дорогу и сталъ нащупывать лежащую впереди и сбоку нея безпросвѣтную мглу. Тамъ, подальше, посреди поля, лежалъ дѣйствительно высокій пригорокъ, обросшій мелкимъ, по землѣ стелющимся кустарникомъ. Сбоку, поближе къ лѣсу, темнѣло какое-то зданіе, не то сарай, не то пустой амбаръ, одиноко стоявшій въ полѣ. Между пригоркомъ-холмомъ, тянувшимся на протяженіи доброй четверти версты и сараемъ, къ которому прилегала небольшая рощица, было разстояніе всего въ сотни три шаговъ.

Все это однимъ взглядомъ успѣли окинуть юные

развѣдчики. И успокоились сразу. Все было какъ нельзя лучше замѣчено ими. Наличность холма, открытаго развѣдкой, могла дать въ ближайшемъ будущемъ блестящіе результаты. Отсюда, съ этого холма, вся рѣка, а слѣдовательно и переправа черезъ нее австрійцевъ, открывалась, конечно, какъ на ладони.

Игорю захотѣлось закричать отъ радости. Онъ схватилъ за руку Милицу и крѣпко сжалъ ея пальцы.

— Ну, скажи, Милочка, ну развѣ мы съ тобою послѣ этого не молод...

Онъ не договорилъ. Короткій сухой трескъ, протрещавшій со стороны противоположной лѣсу, со стороны рѣки, очевидно, заставилъ его смолкнуть на полусловѣ. За нимъ другой, третій, четвертый выстрѣлъ... Цѣлый рядъ такихъ выстрѣловъ обрушился сразу на головы юныхъ всадниковъ. Вдругъ Игорь вздрогнулъ: онъ почувствовалъ, какъ конвульсивно сжали его руку пальцы сидѣвшей позади него дѣвушки, и какъ она тяжело опустилась головой ему на плечо.

— Милица... Мила... что съ тобою? Что случилось? — тревожно забросалъ ее юноша вопросами.

Съ минуту не было отвѣта, только слышалось тяжелое, прерывистое дыханіе у самаго лица Игоря, подъ самымъ его ухомъ.

— Мила... Милочка, что ты? Да отвѣть же! Ради Бога, отвѣть.

Но она могла отвѣтить далеко не сразу... Снова судорожно сжали пальцы юноши ея тонкіе, хрупкіе пальчики. И послѣ минутной паузы ея спутникъ разслышалъ слабый, упавшій до шопота, голосокъ Милицы:

— Я ранена, Горя... Я, кажется, ранена. Страшная боль въ плечѣ...

Новый трескъ винтовокъ со стороны рѣки покрылъ рѣчь дѣвушки. Теперь надъ самымъ ухомъ Игоря прожужжало нѣсколько пуль. Снова вспыхнули огоньки по ту сторону поля, недалеко отъ рѣки и снова затрещали выстрѣлы, зажужжали пули. Уже не было никакого сомнѣнія въ томъ, что свѣтъ фонаря-прожектора привлекъ вниманіе ближайшаго, находившагося въ этой мѣстности, непріятельскаго отряда. Австрійцы начали наугадъ пальбу изъ своихъ винтовокъ, и Милица оказалась раненою именно такой шальной пулею, посланной впотьмахъ наудачу въ темноту.

Въ первую же минуту, убѣдившись въ этомъ, Игорь почувствовалъ ледяной холодъ во всемъ тѣлѣ. Онъ смертельно испугался за своего друга. Холодныя мурашки забѣгали по спинѣ и липкія капли пота внезапно выступили на лбу юноши... Что,

если Мила умираетъ? Что, если шальная пуля сразила ее на смерть? Онъ попрежнему чувствовалъ на своемъ плечѣ замѣтно отяжелѣвшую головку дѣвушки, и сердце его сжалось больнѣе...

Подъ сыпавшимся теперь вокругъ нихъ дождемъ пулями, юноша быстро обернулся къ Милицѣ и, собравъ всѣ свои силы, осторожно приподнялъ ее надъ сѣдломъ и перенесъ черезъ себя. Теперь ея отяжелѣвшая головка упала ему на грудь. Безжизненно повисли вдоль тѣла ея ослабѣвшія руки. Не обращая вниманія на свистѣвшія, то и дѣло, кругомъ пули, Игорь заботливо склонился надъ нею и, скорѣе угадывая, нежели видя въ кромѣшной тьмѣ ея блѣдное, помертвѣвшее личико, прошепталъ прерывисто и тревожно:

— Мила, Милочка... скажи мнѣ, ты очень страдаешь? Тебѣ очень больно, родная?..

Его ухо почти касалось ея губъ, изъ которыхъ теперь вырывалось учащенное, тяжелое дыханіе. Ея тѣло трепетало и дрожало отъ мучительной боли. Что-то липкое, горячее и густое капало на руку Игоря, которою онъ нѣжно поддерживалъ ее у плеча.

— Кровь! — подсказала юношѣ ужасная мысль.

Вдругъ тихій стонъ, вырвавшійся съ губъ Милицы, достигъ до его ушей.

— Горя... я не могу, Горя... не могу ѣхать такъ дальше... Каждый шагъ лошади отдается мнѣ въ рану... Оставь меня... Скачи одинъ... Передай про результатъ развѣдки капитану... Я не могу съ тобою... Мнѣ больно, Игорь... Мнѣ смертельно больно... Сними меня съ сѣдла.

И новый стонъ, вырвавшійся сквозь стиснутые зубы, заставилъ снова задрожать Игоря съ головы до ногъ. Съ добрую минуту длилась эта нестерпимая мука, мука страха и опасенія за близкое, дорогое существо среди непроглядной тьмы подъ дождемъ ружейныхъ выстрѣловъ, не умолкавшихъ теперь ни на минуту. И опять пріоткрылись съ трудомъ, пышущія теперь зноемъ, губы Милицы и она зашептала:

— Игорь... Дорогой другъ мой... еще разъ прошу, оставь меня... Я не могу ѣхать съ тобою... Это вызываетъ такія адскія муки въ раненомъ плечѣ!.. Каждый шагъ лошади, каждое сотрясеніе... Горя... добрый, славный Горя, поѣзжай одинъ... Нашъ венгерецъ домчитъ тебя быстро до окоповъ... Довези меня только хотя бы до того зданія или до рощи, которыя мы видѣли при свѣтѣ на краю поля... Потомъ, утромъ ты пріѣдешь за мною снова... Да, Горя, такъ надо... ты долженъ такъ поступить...

— Мила... Дѣтка, родная! Что ты говоришь, голубчикъ ты мой? Оставить тебя одну, раненую, безъ

помощи, когда каждую минуту могутъ появиться, нагрянуть сюда австрійскіе разъѣзды, тѣ самые, можетъ быть, что сыплятъ теперь въ насъ этими ужасными пулями! Нѣтъ, Мила, проси и требуй отъ меня, чего хочешь, но только не этого, ради Бога!

Опять грянулъ ружейный выстрѣлъ надъ самой головой лошади. Гнѣдой красавецъ-конь испуганно шарахнулся въ сторону. Тихій, медлительный стонъ вырвался снова изъ устъ Милицы, стонъ, потрясшій все существо Игоря, наполнившій его сердце острой мукой жалости и страха. И опять слабый голосъ Милицы зазвенѣлъ ему на ухо.

— Ты видишь, какія страданія... какія нечеловѣческія страданія я должна переносить... Не упорствуй же, голубчикъ... Ради Бога, исполни же мою просьбу. А самъ поспѣши... Каждая минута, каждая секунда дорога, безцѣнна... Нельзя терять ни капли времени... Мы на войнѣ, Игорь, и долгъ передъ царемъ и родиной мы должны свято выполнить прежде всего... Вѣдь отъ этой развѣдки зависитъ спасеніе жизни многихъ людей! Ты знаешь это!

— Долгъ передъ царемъ и родиной...—какъ эхо, повторилъ юноша.—Да, она права, эта славная, смѣлая, великодушная дѣвочка... Она безусловно права... Прежде всего онъ солдатъ, онъ—русскій, и всѣ личныя переживанія, всѣ личныя вол-

нен!я должны заглохнуть и отойти на второй планъ, пока онъ не выполнитъ того, что долженъ выполнить въ силу своего долга... До разсвѣта остается еще много часовъ, онъ успѣетъ дать возможность капитану послать за ближайшими батареями. Только надо спѣшить, не медля ни минуты. Мила права... Иначе, безъ прикрытія, потери людей, бросившихся завтра въ штыковой бой подъ огнемъ непріятельскихъ орудій, будутъ неисчислимы. Необходимо предотвратить это... Необходимо сдѣлать все возможное, чтобы сохранить сотни, тысячи жизней. А для этого необходимо пожертвовать своими личными опасеніями и страхами за жизнь дорогого существа...

Игорь колебался недолго. Недолго боролись два чувства въ душѣ отважнаго, стойкаго юноши. Долгъ чести съ личнымъ чувствомъ беззавѣтной привязанности къ своему другу Милицѣ — голосъ долга заглушилъ другой голосъ. И снова едва слышно онъ произнесъ:

— Хорошо, Мила, я сдѣлаю такъ, какъ ты этого просишь. Я отвезу тебя и положу въ томъ сарайчикѣ. Богъ милостивъ, авось они туда не нагрянутъ. Только прежде, чѣмъ скакать безъ тебя дальше, позволь мнѣ перевязать твою рану, благо все необходимое насъ надоумило захватить съ собой.

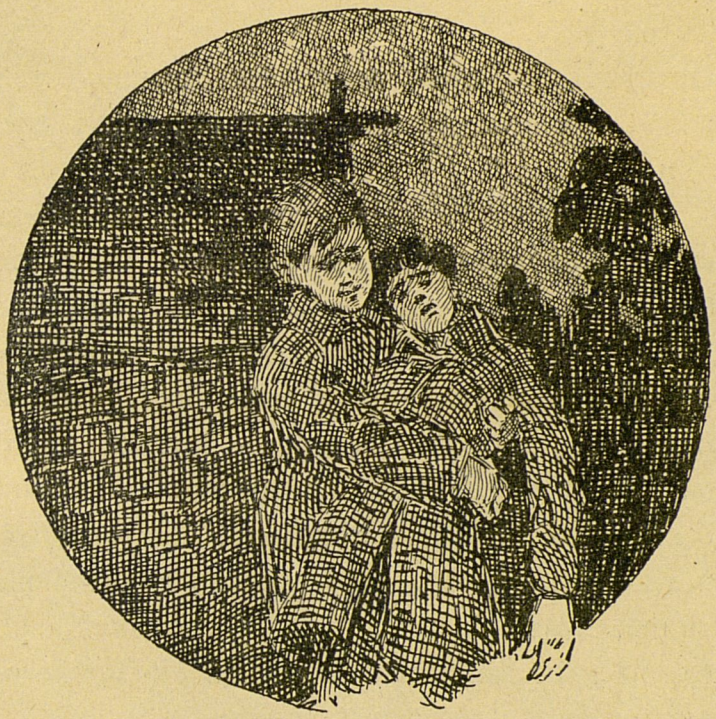
ГЛАВА III.

А выстрѣлы, между тѣмъ, не прекращались ни на одну минуту... Правда, по временамъ они мѣняли свое направленіе и раздавались то справа, то слѣва. Очевидно, непріятель, заподозрѣвшій присутствіе болѣе или менѣе значительнаго русскаго разъѣзда, старался нащупать его мѣстонахожденіе въ глубокой, непроницаемой мглѣ.

Наугадъ, помня расположеніе сарайчика, открытаго ими при помощи фонаря-прожектора, Игорь направилъ туда коня, и въ нѣсколько минутъ они достигли его ветхихъ, полуразвалившихся стѣнъ. Въ той же абсолютной темнотѣ, снявъ со всевозможными осторожностями съ сѣдла Милицу, съ полубезчувственной дѣвушкой на рукахъ, Игорь ощупью нашелъ дверь и вошелъ въ сарай.

Запахъ мокраго сѣна, очевидно, собраннаго сюда съ полей крестьянами ближайшаго селенія и замѣтно тронутаго осенними дождями, давалъ себя чувство-

вать. Досадуя на то, что нельзя было зажечь фонаря безъ того, чтобы привлечь на себя вниманіе врага, Игорь, сгибаясь подъ тяжестью своей ноши, побрелъ наудачу въ глубину сарайчика и, споткнув-



шись, неожиданно упалъ въ мягкое, еще влажное сѣно. Не теряя ни минуты, онъ нащупалъ огромный стогъ сѣна, доходящій почти до самаго потолка постройки. Вздохъ облегченія вырвался изъ груди юноши. Мелькнула мысль о томъ, что, если выкопать

глубокую нору въ сѣнѣ и спрятать туда Милицу, то даже если бы въ этотъ одинокій сѣновалъ и заглянула непріятельская развѣдка, то ни въ коемъ случаѣ она не открыла бы здѣсь присутствія дѣвушки. Но прежде всего необходимо было перевязать ей рану.

Опустивъ на сѣно полубезчувственную теперь дѣвушку, онъ вернулся наружу и, захвативъ поводъ лошади, привязалъ послѣднюю къ двери сарая. Затѣмъ снова прошелъ во внутренность сарайчика и, снявъ съ себя кафтанъ, накрылся имъ съ головою. Грубое крестьянское сукно казалось непроницаемымъ.

Тутъ Игорь вынулъ изъ кармана коробокъ со спичками и чиркнулъ одну изъ нихъ, тщательно ограждая ее со всѣхъ сторонъ полами кафтана. Слабый огонекъ освѣтилъ внутренность помѣщенія. То былъ дѣйствительно сѣновалъ, наполненный до верха гнилымъ сѣномъ, основательно промоченнымъ. Очевидно, бѣжавшіе изъ покинутой сосѣдней деревни жители наскоро запрятали его сюда. Но менѣе всего думалъ сейчасъ объ этомъ юноша.

Передъ нимъ лежала полубезчувственная Милица. Черныя, длинныя, точно бархатныя рѣсницы бросали рѣзкую тѣнь на смертельно-блѣдныя щеки дѣвушки. Запекшіяся губки выбрасывали тяжелое, прерывистое дыханіе. Изъ плеча, сквозь неболь-

шое отверстіе, пробитаго пулей кафтана, быстро стекала густая алая полоска крови, смачивая собою рукавъ грубой крестьянской одежды Милицы. Прежде всего Игорь вынулъ складной ножъ изъ кармана и взрѣзалъ при помощи его рукавъ кафтана, и тотчасъ же его глазамъ представилось окровавленное плечо дѣвушки. Было необходимо промыть рану, но объ этомъ нечего было и думать — ни одной капли воды не было подъ рукой. Пришлось довольствоваться одной перевязкой. Быстро и ловко работая въ темнотѣ, только изрѣдка освѣщая раненое мѣсто вспыхивающими и тотчасъ же гаснущими спичками, Игорь прежде всего обтеръ кровь при помощи имѣвшейся у него на всякій случай ваты и марли, потомъ крѣпко забинтовалъ рану. Повидимому, перевязка принесла сразу нѣкоторое облегченіе раненой, потому что Милица слабо зашевелилась сначала, потомъ чуть застонала и, наконецъ, спросила шопотомъ, открывая глаза:

— Какъ! Ты еще здѣсь, Горя?

— Здѣсь, дѣтка моя, здѣсь. Около тебя твой преданный другъ и товарищъ, родная... — прозвучало немедленнымъ отвѣтомъ на ея слова.

— Спѣши же, голубчикъ, чтобы не было поздно... Тебѣ надо спѣшить... — начиная уже волноваться, снова произнесла раненая.

— Да, родненькая, я сейчасъ поскачу и къ утру буду обратно... Для тебя же я вырою въ сѣнѣ норку и никакой, дастъ Богъ, непріятельскій разъѣздъ не найдетъ тебя здѣсь.

И говоря это, Игорь все такъ же быстро развоpотилъ стогъ сѣна въ углу сарая. Получился дѣйствительно родъ норы, куда онъ бережно перенесъ и положилъ Милицу.

— Лучше тебѣ, родная? Мягче тебѣ здѣсь?

— Да... Не безпокойся обо мнѣ, и поѣзжай съ Богомъ... Я только устала... Боли же не чувствую почти совсѣмъ; вѣроятно, эта рана на вылетъ, и не представляетъ собою никакой опасности. Увѣряю тебя... Только бы не двигаться и хорошенько отдохнуть и заснуть до твоего возвращенія.

— Ну, Христосъ съ тобою. До свиданья, до утра. Ты слышишь, уже затихли выстрѣлы? Теперь я за тебя спокоенъ. Думаю, что все обойдется благополучно. Я ѣду. Дай мнѣ пожать твою лапку на счастье. До свиданья пока.

На минутку снова чиркнула спичка, и Игорь увидѣлъ снова блѣдное, измученное страданіемъ личико, улыбавшееся ему слабой улыбкой. Маленькая, тоненькая рука протянулась къ нему навстрѣчу. Онъ пожалъ горячіе пальцы этой руки, потомъ поднесъ

ихъ къ губамъ и, наклонившись къ самому лицу Милицы, перекрестилъ ее и коснулся губами горячаго лба дѣвушки. Потомъ, тщательно прикрывъ нору въ сѣнѣ другой охапкой его, и оставивъ лишь небольшое отверстіе сбоку для воздуха, онъ, почти успокоенный, вышелъ изъ сарая, плотно прикрывъ за собою дверь.

Отвязать лошадь, вскочить въ сѣдло и дать сразу полный аллюръ коню было для Игоря дѣломъ одной минуты. Быстроногій венгерецъ понесъ его съ мѣста бѣшенымъ галопомъ по старой, уже знакомой дорогѣ, ведущей къ русскимъ позиціямъ среди рѣдкаго болотистаго лѣса.

Выстрѣлы давно затихли, не замѣчалось больше никакой тревоги. И мучительное безпокойство за Милицу какъ-то сразу погасло въ душѣ юноши. Теперь всѣ его желанія, всѣ мысли сводились къ одному: достигнуть возможно скорѣе русскихъ окоповъ, сдѣлать докладъ капитану о произведенной развѣдкѣ и во весь духъ мчаться обратно за его другомъ-Милицей, которая отдохнетъ, можетъ быть, и за время его отсутствія, дѣйствительно, отоспится.

ГЛАВА IV.

И онъ не ошибся въ своемъ разсчетѣ. Не успѣлъ еще доскакать и до лѣсной опушки Игорь, какъ незамѣтно подкравшійся сонъ тяжело опустился на вѣки раненой дѣвушки. Искусно забинтованное плечо почти не давало себя чувствовать сейчасъ. Было даже, какъ будто, хорошо и пріятно лежать, такъ, молча, въ тиши, безъ всякаго движенія, среди цѣлаго моря мягкаго душистаго сѣна, совершенно сухого внутри. Не долго боролась съ обволакивающей ее со всѣхъ сторонъ дремой Милица и, устроившись поудобнѣе, завела глаза.

Она не помнила, долго ли, коротко ли продолжался ея сонъ, безспорно, живительный и крѣпкій. Дѣвушка проснулась внезапно отъ говора нѣсколькихъ грубыхъ голосовъ, звучавшихъ, какъ ей показалось, надъ самой ея головою. Обезпокоенная этимъ шумомъ, Милица чуть раздвинула сѣно передъ собою

и выглянула черезъ образовавшееся въ немъ отверстіе.

И въ ту же секунду отпрянула назадъ, подавивъ въ себѣ крикъ испуга, готовый уже, было, сорваться съ ея губъ. Пятеро непріятельскихъ солдатъ-австрійцевъ сидѣли и лежали посреди сарая вокругъ небольшого ручного фонаря, поставленнаго передъ ними на землѣ. На нихъ были синіе мундиры и высокія кэпи на головахъ. Ихъ исхудалыя, обвѣтренныя и покраснѣвшія отъ холода лица казались озлобленными, сердитыми. Сурово смотрѣли усталые, запавшіе глубоко въ орбитахъ глаза.

Трое старшихъ, одинъ рыжій, съ коротко остриженной щетиной и съѣхавшей на бокъ кэпи, другой, черный, съ испорченнымъ оспой лицомъ, солдатъ и третій, совсѣмъ тощій, какъ скелетъ, бѣлокурый,— покуривали зловонныя грошевыя сигары, лежа на сѣнѣ. Двое другихъ, сидѣвшіе въ сторонѣ — курили короткія трубки. Эти двое были еще очень молоды, особенно одинъ изъ нихъ, худенькій и тонкій, совсѣмъ мальчикъ, съ открытымъ, тоже немало уставшимъ и осунувшимся лицомъ, казавшимся, впрочемъ, гораздо менѣе озлобленнымъ и сердитымъ, нежели у всѣхъ остальныхъ. Его сѣрые глаза смотрѣли не то задумчиво, не то грустно, и взглядъ этихъ глазъ, машинально блуждавшій по стѣнамъ

сарая, говорилъ о невеселыхъ думахъ, наполнявшихъ, повидимому, сейчасъ эту юную голову.

Брошенныя тутъ же винтовки и сумки съ патронами да и самыя позы австрійцевъ, комфортабельно расположившихся на отдыхъ людей, говорили за то, что они пришли сюда не на минуту, а пробудутъ здѣсь, по всей вѣроятности, всю долгую ночь.

Эта мысль не оставляла Милицы, пока она разглядывала нежданныхъ гостей, заставляя несказанно волноваться дѣвушку. Вѣдь Игорь могъ сюда вернуться каждую минуту и тогда бѣдному мальчику не миновать плѣна. И при одной только мысли о такой участи для своего вѣрнаго товарища, сердце Милицы обливалось кровью. Было еще тяжелѣе оттого, что ей не представлялось никакой возможности предотвратить опасность.

— Господи, хотя бы уснули они! — съ тоскою говорила самой себѣ дѣвушка, — тогда я постараюсь проскользнуть мимо нихъ сонныхъ и сумѣю, выбравшись изъ сарая, предупредить Игоря, захвативъ его на дорогѣ. Но хватитъ ли у меня на это силъ?

Она попробовала пошевелиться. Осторожно двинула рукою. Потрогала раненое плечо. Оно еще сильно болѣло, но уже далеко не такъ сильно, какъ прежде и двигаться ползкомъ дѣвушка могла, не-

смотря на эту рану. Значитъ, съ этой стороны дѣло обстояло вполнѣ благополучно. Оставалось только дождаться, пока не заснутъ непрошеные гости, и тогда уже со всевозможными предосторожностями попробовать выбраться изъ сарая. Но къ несчастью, непріятельскіе солдаты, казалось, менѣе всего были склонны думать о снѣ... Рыжій притянулъ къ себѣ сумку и, покопавшись въ ней, вытащилъ оттуда небольшую бутылку.

— Вотъ, — произнесъ онъ на хорошо понятномъ Милицѣ нѣмецкомъ языкѣ, которымъ говорятъ и швабы, — вотъ выловилъ нынче изъ погреба пана Разеловича, что разстрѣляли нынче за чрезмѣрную приверженность къ русскимъ. Пана-то разстрѣляли, а погреба его да и всю усадьбу отдали намъ въ добычу. Что касается меня, то я тамъ не мало поживился и тѣмъ и другимъ... А ужъ насчетъ этого коньяка не погнѣвитесь, коллеги, остатки...

И, сбивъ очень ловко концомъ своей сабли горлышко бутылки, онъ первый приложился къ ней и сталъ тянуть изъ нея жадно, не отрывая губъ. Выпивъ большую часть содержимаго, онъ передалъ полуопорожненную бутылку ближайшему сосѣду. Тотъ тоже отпилъ немалую толику и сунулъ бутылку дальше сосѣду. Пятый солдатъ, которому осталось вина только на донышкѣ, сердито брякнулъ пустою

бутылкою объ полъ, предварительно поднеся ее къ самому фонарю.

— Ничего нѣтъ больше, — проворчалъ онъ, кидая на своихъ соратниковъ недоброжелательные взгляды. — Да и какое вино полѣзетъ на пустой же-

лудокъ? Вотъ уже скоро двое сутокъ, какъ у меня не было во рту ни хлѣба, ни галетъ, питался кое-какъ и кое-чѣмъ. А все эти дьяволы русскіе виноваты — куда ни взглянешь, всюду они такъ и лѣзутъ отовсюду. На плечахъ нашихъ врываются въ укрѣпленія и окопы.

— Это оттого, что самъ сатана со всей своей гвардіей помогаетъ имъ! — захохоталъ грубымъ, рѣзкимъ хохотомъ рыжій солдатъ, на голодный желудокъ котораго уже, очевидно, начиналъ дѣйствовать выпитый коньякъ.

— Не люблю я ихъ казаковъ особенно, — растягиваясь поудобнѣе на сѣнѣ, ввязался въ разговоръ третій. — Какъ звѣри какіе-то влетятъ, врѣжутся, нарубятъ, наколятъ и умчатся, словно шальные. Ничего не боятся, проклятые. Жизнь свою въ копейку цѣнятъ.

— Это потому, что они очень храбры, — произнесъ юноша съ задумчивыми глазами, сидѣвшій въ сторонѣ и не принимавшій участія въ угощеньи рыжаго.

— Однако, вы, коллега, того, знаете, полегче, не очень-то хвалите нашихъ враговъ, — сердито проворчалъ рыжій. — Не больно-то это патріотично, съ вашего позволенья.

— Да я ихъ и не хвалю вовсе. Я воздаю только должное ихъ храбрости, про которую наслышана, я думаю, вся Европа.

— Тысяча дьяволовъ! И цѣлуйтесь съ вашими казаками и съ вашей Европой, — неожиданно завопилъ рябой австріякъ, и съ такой силой хватилъ концомъ сабли по остаткамъ бутылки, что стекло, разбившееся на крошечные кусочки, разлетѣлось фонтаномъ во всѣ стороны.

— Потише, коллега, потише, — остановилъ его рыжій.

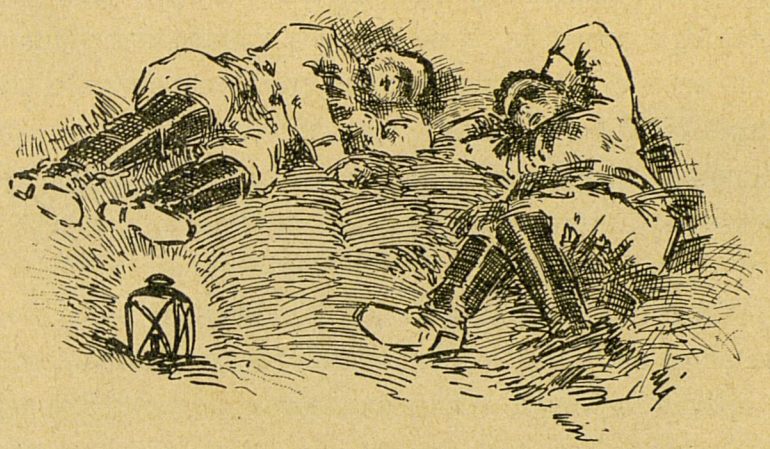
Тотъ вскинулъ на товарища злые, угрюмые глаза.

— Вамъ хорошо говорить потише, — заворчалъ онъ, — вы основательно подкрѣпились въ погребахъ разстрѣляннаго пана, а каково-то мнѣ, а? Во всякомъ случаѣ, будь проклятъ тотъ, кто нарушилъ нашъ покой, бродя здѣсь съ ручнымъ прожекторомъ. Бьюсь объ закладъ, что это былъ какой-нибудь шпіонъ-галичанинъ, выслѣживающій наши позиціи, и попадись мнѣ только этотъ молодчикъ, я вымещу на его шкурѣ и это безцѣльное шатанье наше за нимъ и это ночное бодрствованіе въ сырой скверной дырѣ! — уже совершенно оживившись, заключилъ рябой.

— Ну, что касается до бодрствованія, то на это

я вовсе сейчасъ неспособенъ. Поступайте, какъ знаете, дѣтки мои, а я слуга покорный, маяться больше не желаю.

И, завернувшись въ свою шинель съ головою, рыжій австріецъ, находившійся, очевидно, въ болѣе благодушномъ настроеніи, нежели остальные его товарищи, благодаря выпитому коньяку, комфорта-



бельно развалился на сѣнѣ, посреди сарая. Его примѣру послѣдовалъ и другой, за нимъ и третій солдатъ.

— Это единственная умная мысль за всю нашу бесѣду, долженъ сознаться, — пробурчалъ и рябой австріякъ, и вскорѣ его могучій храпъ оповѣстилъ остальныхъ товарищей о самомъ основательномъ снѣ ихъ собрата по оружію.

Очень скоро заснулъ и державшійся все время какъ-то въ сторонѣ отъ другихъ и молодой австріецъ. Теперь всѣ пятеро непріятельскихъ солдатъ крѣпко спали, похрапывая, не только на весь сарай, но пожалуй что и на все поле.

— Пора... — сказала себѣ самой лежавшая безъ малѣйшаго движенія до этой минуты Милица и стала медленно выползать изъ своей «норы». Она слышала отъ слова до слова весь разговоръ австрійцевъ. Изъ него ей стало ясно, какъ день, что никого другого, какъ ее и Игоря, искали непріятельскіе развѣдчики, потревоженные свѣтомъ ихъ фонаря-прожектора у подножія холма. И поймай они теперь ее или Горю, имъ бы не сдобровать обоимъ.

Солдаты голодны и озлоблены до послѣдней степени, къ тому же они сочтутъ ихъ за шпіоновъ и прости, прощай тогда ихъ юная жизнь! Значитъ, необходимо во что бы то ни стало уйти отсюда, бѣжать и скрыться тотчасъ же... Бѣжать навстрѣчу Игорю и сейчасъ же вмѣстѣ съ нимъ мчаться къ своимъ, подъ надежную защиту своей роты, ставшей за короткое время такой близкой и родной.

И, не откладывая ни на одинъ мигъ своего намѣренія, Милица осторожно выползла изъ своей засады и стараясь, почти не отрываться тѣломъ отъ земли, стала медленно, чуть замѣтно подвигаться

къ выходу изъ сарая, мимо спящихъ солдатъ. Крѣпко забинтованное плечо какъ будто онѣмѣло на время, и молодая дѣвушка почти не чувствовала въ немъ никакой боли сейчасъ. А короткій, далеко не продолжительный сонъ, влилъ нѣкоторый притокъ силъ въ ея ослабѣвшее тѣло и позволилъ ей двигаться впередъ безъ прежней боли. Вотъ уже вся она показалась наружу. А пріютившій ее такъ гостепріимно стогъ сѣна оказался уже на сравнительно порядочномъ разстояніи за ея спиной. Всего два-три аршина оставалось теперь между нею и дверью сарая. Еще нѣсколько усилій, — и она на свободѣ.

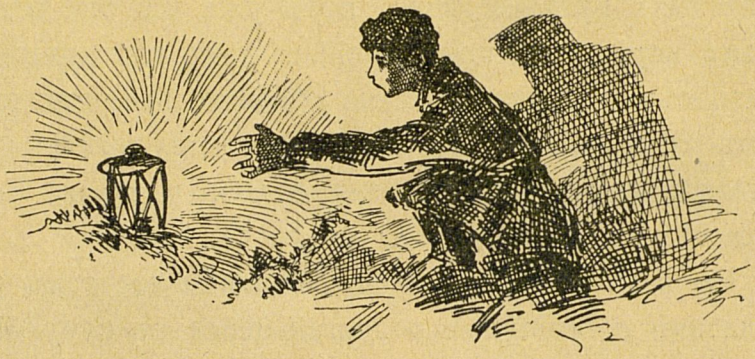
Но какъ разъ между выходомъ и все такъ же медленно и безшумно подвигающейся къ нему Милицей, раскинувшись безпорядочной группой, спали непріятельскіе солдаты. Надо было во что бы то ни стало, безшумнѣе и быстрѣе миновать освѣщенное мѣсто, или же, что было еще лучше, протянуть руку и потушить фонарь.

Разумѣется, въ абсолютной темнотѣ будетъ много удобнѣе продѣлать всю эту операцію, — промелькнуло новое рѣшеніе въ головѣ молодой дѣвушки, и она не долго думая, порывисто протянула руку къ фонарю.

Протянула и отдернула ее тотчасъ же назадъ съ глухимъ, страдальческимъ крикомъ. Невѣроят-

ная боль въ раненомъ плечѣ, вдругъ прорѣзавшая, какъ ножемъ, пораженное мѣсто, заставила вырваться этотъ стонъ изъ горла Милицы.

Какъ ни тихъ былъ этотъ крикъ, тѣмъ не менѣе онъ долетѣлъ до ушей одного изъ спящихъ австрійцевъ.



— Wer da? (Кто тамъ?) — услышала злой спросонья окрикъ Милица и замерла безъ движенія, обливаясь холоднымъ потомъ, совсѣмъ плотно приникнувъ къ землѣ.

Въ ту же минуту кто-то тяжело поднялся на ноги за ея спиною, свѣтъ фонаря неожиданно запрыгалъ по сараю и сразу ударилъ ей прямо въ лицо. И одновременно съ этимъ громкій хохотъ грубо разразился надъ ея головою.

— Ба! Вотъ-то не было печали! Мальчишка-галичанинъ! Ты откуда? — прозвучалъ надъ головою

Милицы уже знакомый ей голосъ рыжаго австріяка, и прежде чѣмъ она могла опомниться и успѣть вскочить на ноги, двѣ руки подхватили ее, вскинули на воздухѣ и съ грубою силою поставили на землю.

— Эй, вы, сони! — повысилъ онъ голосъ, обращаясь по адресу остальныхъ спящихъ товарищей, — продерите глаза, не видите, развѣ? Я поймалъ шпіона... Просыпайтесь живѣе, сонные кроты!

ГЛАВА V.

Всѣ четверо остальныхъ вскочили на ноги, какъ по командѣ, заспанные, злые на то, что потревожили не въ пору ихъ сонъ. Они окружили Милицу и смотрѣли на нее, выпучивъ глаза. Рыжій австріецъ снова схватилъ ее за руку и сталъ допрашивать:

— Ты откуда? Изъ какой деревни? За кѣмъ шпіонилъ? Что удалось развѣдать? Ты, что ли, разгуливалъ здѣсь съ фонаремъ? Отвѣчай же, если не хочешь быть повѣшеннымъ тотчасъ же на первомъ суку безъ суда и расправы.

И, такъ какъ блѣдная, безъ кровинки въ лицѣ Милица стояла молча, не произнося ни слова, къ ней подскочилъ другой солдатъ и, въ свою очередь толкнувъ ее въ спину, произнесъ съ насмѣшливой улыбкой, заглянувъ ей въ лицо:

— Слушай, мальчуганъ, ты, говоря по совѣсти, отвѣчай-ка ужъ лучше. Не выгодно тебѣ, клянусь Мадонной, ссориться съ нами. Поймали мы тебя на

самомъ мѣстѣ преступленія, такъ ужъ всѣ улики, значитъ, налицо и тебѣ не миновать петли, если не принесешь чистосердечнаго признанія, и не разскажешь намъ зачѣмъ пожаловалъ сюда, и что тебѣ удалось узнать и развѣдать.

— Да, что вы, Шварцъ, пристали къ мальчугану, когда онъ вовсе васъ, можетъ быть, и не понимаетъ даже, — неожиданно вмѣшался въ разговоръ тотъ самый, державшійся особнякомъ, юный солдатъ, который привлекъ на себя съ первой же минуты вниманіе Милицы.

— По нашему не понимаетъ? Гм! — отвѣчалъ рябой. — Ну, въ такомъ случаѣ, это нѣсколько мѣняетъ дѣло... Вы сами галичанинъ, Грацановскій, и сумѣете допросить, конечно, этого маленькаго бездѣльника на вашемъ варварскомъ языкѣ.

— Что вы хотите этимъ сказать, Шварцъ? — грозно нахмурился тотъ, кого звали Грацановскимъ.

— Не больше того, что уже сказалъ, милѣйшій. Не придирайтесь же къ словамъ, коллега, если не хотите, чтобы я расправился тотчасъ же съ вашимъ соплеменникомъ по-свойски. Ну же, приступайте, что ли, вамъ говорятъ, — грубо заключилъ свою рѣчь рябой австріецъ.

Полнымъ презрѣнія взглядомъ молодой Грацановскій смѣрилъ обидчика, потомъ обратился къ

Милицѣ на смѣшанномъ, странно звучавшемъ, нарѣчіи галицкаго края.

— Послушай, мальчуганъ, отъ твоего отвѣта будетъ зависитъ жизнь или смерть. Но для того, чтобы надѣяться на первую, ты долженъ отвѣчать на всѣ наши вопросы самымъ чистосердечнымъ образомъ. Понялъ меня?

— Понялъ, — едва не вырвалось изъ груди Милицы, но она во-время спохватилась и сжала губы. Какъ молнія мелькнула въ ея головѣ мысль, что самое лучшее, что будетъ при ея теперешнемъ положеніи — это молчаніе. Вѣдь по-галиційски говорить она не умѣетъ, и лишь понимаетъ этотъ языкъ съ грѣхомъ пополамъ. Если же она обнаружитъ знаніе нѣмецкаго языка, то этимъ попадетъ, конечно, еще въ большую бѣду; ужъ тогда-то ее примутъ за шпіона навѣрняка, потому что, какой же крестьянскій подростокъ изъ Галиційскаго края, не зная своего родного языка, будетъ знать нѣмецкій? Разумѣется, всего лучше будетъ молчать.

Попрежнему блѣдная и потрясенная стояла она посреди окружавшихъ ее солдатъ. Сердце шибко-шибко колотилось теперь въ груди Милицы. Страхъ за Игоря, за возможность его появленія здѣсь каждую минуту, почти лишалъ ее сознанія, холодя кровь въ жилахъ. Чуткимъ ухомъ она неустанно при-

слушивалась къ малѣйшему шороху, раздававшемуся за стѣной сарая, стараясь уловить среди ночныхъ звуковъ знакомый ей топотъ коня.

А ночь уже таяла понемногу и смутно намѣчался на востокѣ слабый разсвѣтъ.

Между тѣмъ, двое озлобленныхъ на нее за это упорное молчаніе австрійцевъ послѣ короткой паузы снова приступили къ разспросамъ. Особенно усердствовалъ рябой солдатъ съ исключительнымъ, казалось, недоброжелательствомъ относившійся къ Милицѣ.

— Ну, что же, долго намъ еще тебя умаливать? Развяжешь ли ты, наконецъ, свой скверный языкъ? — крикнулъ онъ и изо всей силы ударилъ прикладомъ ружья о землю.

Милица вздрогнула отъ этого неожиданнаго грубаго движенія и подняла на него испуганные глаза. Но ни однимъ словомъ не отозвалась на эту выходку.

Тогда рыжій, указывая на нее пальцемъ, проговорилъ, отчеканивая каждое слово:

— И о чемъ тутъ разговаривать долго, я не понимаю. Мальчишку поймали съ поличнымъ. Ясно, какъ день, онъ шпіонилъ за нами. Да и видно по всему, что онъ переодѣтый барченокъ: ишь руки у него какія нѣжныя, безъ единой мозоли, барченокъ

и есть, видать сразу. Много ихъ развелось, такихъ барчатъ-шпіоновъ, которые помогаютъ на каждомъ шагу проклятымъ русскимъ. Ну, а разъ шпіонъ — у насъ судъ короткій: разстрѣлять и баста.

— Разстрѣлять! Разстрѣлять, понятно, и безъ промедленія! — подхватили и остальные солдаты.

Милица невольно похолодѣла отъ этихъ криковъ. Неужели же они убьютъ ее, приведутъ въ исполненіе ихъ страшную угрозу? Она дышала теперь тяжело и неровно; ей не хватало воздуху въ груди. Страдальческими глазами обвела дѣвушка мучителей и неожиданно остановилась взглядомъ на лицѣ молодого солдата-галичанина. Ихъ глаза встрѣтились и на минуту юноша опустилъ свои. Въ слѣдующій же мигъ онъ поднялъ ихъ снова и заговорилъ, обращаясь къ остальнымъ:

— Какъ можемъ мы разстрѣлять мальчика, почти ребенка, да еще безъ всякаго суда и разрѣшенія начальства? Смотрите, не влетѣло бы намъ!

— Вотъ тебѣ разъ! Что это вамъ пришла за ерунда въ голову, мой милѣйшій коллега, — загоготалъ своимъ грубымъ, рѣзкимъ смѣхомъ рябой австріецъ. — Да сами-то мы не начальники здѣсь развѣ, если желаете знать? Въ этомъ сараѣ, по крайней мѣрѣ?

— А все-таки неудобно какъ-то. И что касается меня, то я ради общаго же блага посовѣтовалъ бы отложить это дѣло до утра. А утромъ отвести мальчика прямо къ лейтенанту фонъ-Шульцу.

И, произнеся эти слова, Грацановскій снова взглянулъ на Милицу бѣглымъ взглядомъ. Робкая надежда шевельнулась въ сердцѣ послѣдней. Она инстинктивно почувствовала, что молодой солдатъ на ея сторонѣ и слабая краска румянца окрасила ея щеки.

Вдругъ рябой австріецъ тяжело бросился въ сѣно, сладко зѣвнулъ во весь ротъ и, потягиваясь, протянулъ внезапно размягшимъ голосомъ.

— И то правда: разстрѣлять его мы всегда успѣемъ, а сейчасъ, ей Богу же, чертовски хочется спать. Свяжите мальчишку и пусть ждетъ своей участи до разсвѣта. Но что хотите, а не къ какимъ лейтенан-

тамъ фонъ-Шульцамъ, по моему, не стоитъ его тащить, управимся и своими силами, право, нечего изъза такой мелюзги безпокоить господина лейтенанта.

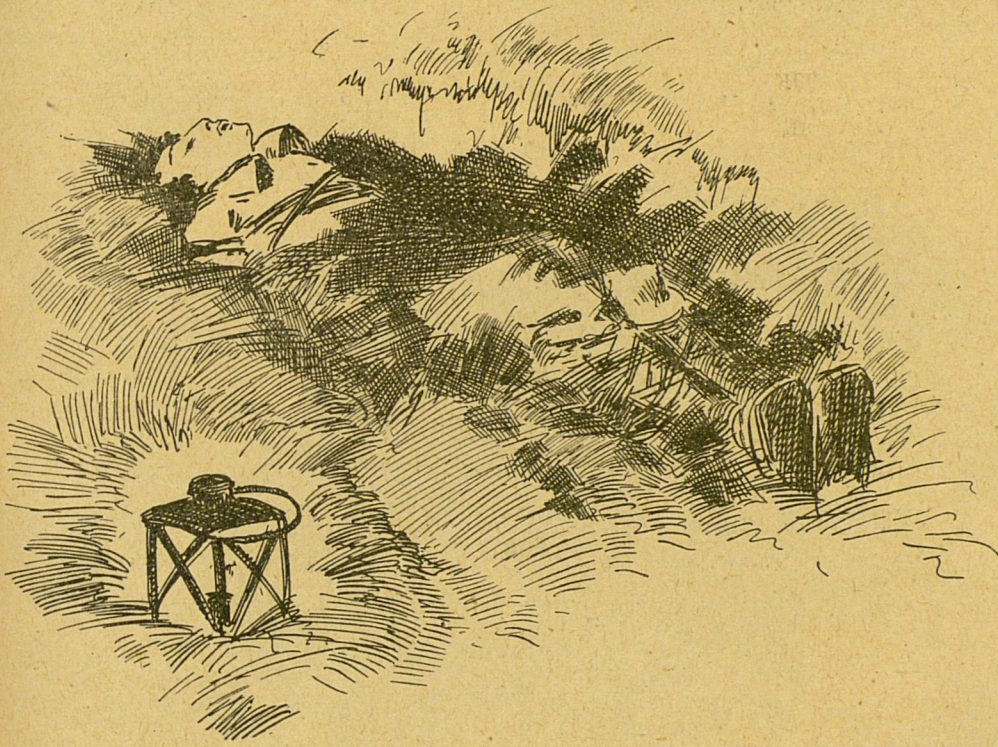
И прежде чѣмъ могла опомниться Милица, двое солдатъ схватили ее и крѣпко скрутили ей, Богъ вѣсть откуда взявшимися, веревками руки и ноги. Третій, такъ грубо и рѣзко толкнулъ ее, что она не устояла на связанныхъ ногахъ и, потерявъ равновѣсіе, тяжело упала на землю.

Теперь крѣпко связанная по рукамъ и ногамъ Милица лежала въ тѣсномъ кругу ея враговъ. Веревки до страшной боли перетягивали ея суставы, врѣзаясь въ тѣло. Всѣ члены ея затекли и онѣмѣли. А въ открытую дверь сарая понемногу уже врывался сѣрый бѣлесоватый разсвѣтъ, предвѣстникъ скораго утра. Все настойчивѣе, все яснѣе прорывала ночную мглу его рѣзкая полоса на востокѣ.

Безъ думъ, безъ надеждъ, безъ желаній лежала дѣвушка, машинально прислушиваясь къ богатырскому храпу солдатъ. Ни страха, ни муки не испытывала она сейчасъ. Впереди было все такъ ясно и опредѣленно...

Съ наступленіемъ утра ее разстрѣляютъ эти спящіе, пока что, мирнымъ сномъ звѣри. И это

было именно то, въ чемъ она уже не могла сомнѣваться ни подъ какимъ видомъ. О, она была готова хоть сейчасъ разстаться съ жизнью. Вѣдь ея смерть спасетъ Игоря отъ несчастья. Онъ,



конечно, услышитъ выстрѣлы съ дороги, и вернется сюда уже не одинъ, а со значительной частью русскихъ солдатъ-храбрецовъ, которые и перехватаютъ непріятеля, накрывъ его здѣсь. О собственной жизни Милица какъ будто и не жалѣла вовсе. Ей было все

какъ-то безразлично сейчасъ. Тупое, холодное равнодушіе застилало сознаніе... Какой-то туманъ заволакивалъ мысли и снова, послѣ долгаго промежутка времени, ныло раненое плечо. Какіе-то уродливые кошмарные образы всплывали поминутно въ мозгу мѣшая сосредоточиться мыслямъ... Цѣпенѣло усталое и неподвижное тѣло... Сознаніе то уходило, то возвращалось къ ней снова, выводя и прогоняя неясныя, жуткія видѣнія...

. . . . . .

И вотъ въ одно изъ такихъ мгновеній она ясно почувствовала, что отдѣляется отъ земли. Чьи-то сильныя руки поднимаютъ ее съ сѣна... Ея отяжелѣвшая голова опускается на чье-то плечо... Сквозь полусознаніе мелькаютъ лица спящихъ австрійцевъ передъ глазами... Блѣдный свѣтъ фонаря слабо мигаетъ, борясь съ сѣрымъ разсвѣтомъ ранняго утра... Вдругъ, свѣжая, холодная струя воздуха врывается ей въ легкія, пріятно холодитъ голову, будитъ сознаніе, бодритъ тѣло, и Милица приподнимаетъ съ трудомъ вѣки, сдѣлавъ невѣроятное усиліе надъ собой.

Нѣтъ никакихъ сомнѣній, она внѣ сарая. Ни спящихъ солдатъ, ни блѣднаго фонаря нѣтъ уже передъ ней. Въ сѣрыхъ сумеркахъ осенняго утра слабо намѣчается поле... Тамъ справа холмъ, гора, вѣрнѣе,

открытая ими, ею и Игоремъ, нынче ночью. Но она пуста, увы! На ней нѣтъ и признака русскихъ батарей... Значитъ, не успѣлъ Игорь, значитъ...

А впереди лѣсъ, болотистый лѣсъ, которымъ они проскакали въ сумерки съ тѣмъ же милымъ Игоремъ на лихомъ «венгерцѣ». Но куда же и кто ее несетъ, несетъ прямо по направленію лѣса и русскихъ позицій?

Съ трудомъ она поворачиваетъ голову. Передъ нею мелькаетъ знакомое, едва обозначающееся въ первыхъ проблескахъ утра молодое лицо, задумчивые глаза, угрюмо сдвинутыя брови, ввалившіяся щеки... И что-то съ силою ударяетъ въ самое сердце Милицу... Неужели же она спасена? Усталый мозгъ дѣлаетъ усиліе понять, припомнить... Конечно такъ: она знаетъ его, своего спасителя. Это — молодой галичанинъ, безспорно онъ... И какъ бы въ подтвержденіе своихъ догадокъ, она слышитъ тихій, чуть слышный шопотъ:

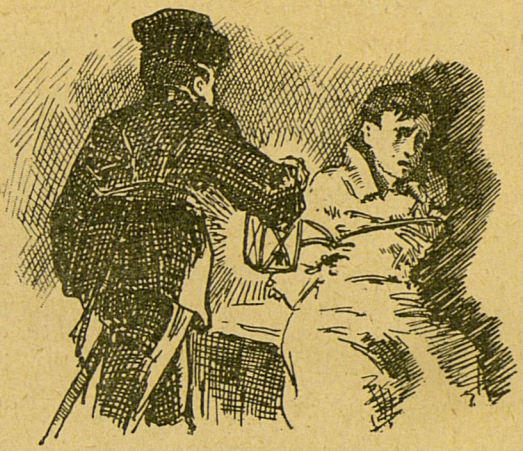
— Не бойтесь ничего. Я васъ не выдамъ... Вы внѣ опасности. Донесу до лѣса и оставлю на опушкѣ. Спѣшите до разсвѣта достичь вашихъ окоповъ. Да не смотрите на меня съ такимъ испугомъ. Я — Грацановскій, галичанинъ, полякъ, принужденный стать въ ряды ненавистныхъ мнѣ швабовъ противъ единокровныхъ братьевъ-славянъ. Принужденный потому только, что имѣлъ несчастье родиться въ странѣ, подначальной австрійскому императору. Но клянусь моей славянской кровью, я еще ни разу не разрядилъ винтовки съ цѣлью убійства одного изъ братьевъ-русскихъ или поляковъ Россійской Польши. И я жду только мгновенья, когда побѣдятъ русскіе орлы... жду съ замираніемъ сердца.

— О, вы великодушны! Вы спасли мнѣ

жизнь, — перебила Милица юношу, глядя признательными глазами ему въ лицо.

— Не благодарите меня. Каждый на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же самое. Въ этомъ нѣтъ никакой заслуги. Вы сможете, однако, итти? Дайте я опущу васъ на землю и обрѣжу эти ужасныя веревки. Вотъ такъ.

И говоря это, юный солдатъ выхватилъ саблю изъ ноженъ и однимъ осторожнымъ движеніемъ ея освободилъ перетянутыя тонкой, впивающейся въ тѣло, бичевкой ноги Милицы, другимъ такимъ же быстрымъ и такимъ же осторожнымъ движеніемъ онъ освободилъ ея руки.



Дѣвушка съ наслажденіемъ расправила закоченѣвшіе члены. Счастливое сознаніе того, что она снова свободна, что можетъ итти къ своимъ, захватило всю ее неудержимымъ потокомъ. И виновникъ этого счастья, этой свободы являлся великодушный непріятельскій солдатъ, рисковавшій, можетъ быть, собственной жизнью, спасая ее. Вѣдь узнай кто-либо изъ

оставшихся тамъ, въ сараѣ, его однополчанъ объ его поступкѣ, разумѣется ему не сдобровать: сочли бы за измѣнника и предали бы полевому суду, то-есть разстрѣляли бы безъ сожалѣнья. А онъ не побоялся ничего и смѣло пришелъ къ ней на помощь.

Все это Милица поняла прекрасно и, желая еще разъ отъ всего сердца поблагодарить благороднаго юношу, живо обернулась къ нему съ протянутою рукой.

Каково же было ея удивленіе, когда она не нашла уже подлѣ себя молодого галичанина. Только легкій шумъ удаляющихся шаговъ и трескъ сухихъ вѣтокъ подъ ногами возвѣстили дѣвушкѣ о его спѣшномъ исчезновеніи.

— Благословляю тебя! Благословляю всѣмъ моимъ сердцемъ, всѣмъ существомъ моимъ, чуткій, добрый, благородный юноша! — мысленно послала вслѣдъ ушедшему растроганная и потрясенная Милица.

А кругомъ нея уже тѣснился лѣсъ, весь изрытый болотами, засѣянный сплошь мелкими кустарниками, испещренный кочками и канавами на каждомъ шагу. Замѣтно намѣчались уже въ приближающихся медленными шагами блѣдныхъ утреннихъ осеннихъ сумеркахъ деревья.

Смутно помня дорогу къ русскимъ позиціямъ, Милица, не теряя времени, поплелась по ней. Отекшія

отъ бичевокъ ноги все еще не могли служить ей, какъ слѣдуетъ. Да и общая слабость мѣшала быстро и бодро подвигаться впередъ. Къ тому же, раненое плечо ныло все нестерпимѣе, все больнѣе и попрежнему каждый шагъ, каждое движеніе дѣвушки болѣзненно отзывались въ ранѣ, и попрежнему туманились и неясно кружились мысли, и прежняя странная тяжесть наполняла голову. Съ трудомъ передвигая ноги, она подвигалась впередъ.

Сырой утренній туманъ стлался на нѣсколько вершковъ отъ земли, пронизывая дѣвушку насквозь своей нездоровой влагой. Начиналась лихорадка. Дробно стучали зубы Милицы въ то время, какъ все тѣло горѣло точно въ огнѣ. И самая радость избавленія отъ смерти, заполнившая ее еще въ первую минуту свободы, теперь исчезла, померкла. Она дѣлала страшныя усилія надъ собой, чтобы подвигаться впередъ въ то время, какъ чуткое,

напряженное ухо то и дѣло прислушивалось къ окружающей лѣсной тишинѣ.

Все казалось, что вотъ-вотъ раздастся поблизости лошадиный топотъ и она увидитъ скачущаго къ ней на «венгерцѣ» Игоря. Но прежняя тишина царила кругомъ. А силы Милицы все падали и падали съ каждымъ шагомъ. Голова кружилась сильнѣе, лихорадка усиливалась съ каждой минутой. Острыя, ледяныя струйки холода пронизывали насквозь. Дрожа и стуча зубами, она, потерявъ послѣднія силы, прислонилась къ стволу дерева, не будучи въ состояніи итти далѣе.

И почти въ ту же самую минуту страшный ударъ неожиданно потрясъ землю. За нимъ другой, третій... И скоро весь лѣсъ задрожалъ отъ пушечной канонады. Въ мозгу Милицы мелькнуло послѣднею сознательною мыслью:

— Это австрійскія орудія бьютъ по нашимъ. Наши идутъ въ атаку... Господи, помоги имъ!

И она, обезсиленная въ конецъ, медленно опустилась на мокрую траву.

ГЛАВА VI.

Прежней дорогой, все тѣмъ же бѣшенымъ аллюромъ домчался Игорь Корелинъ до русскихъ позицій еще задолго до утренняго разсвѣта. Солдатики спали богатырскимъ сномъ подъ прикрытіемъ своихъ окоповъ. Только наряды часовыхъ маячили вдоль линіи русскихъ позицій.

Не доѣзжая нѣсколькихъ шаговъ до землянки, въ которой находились офицеры его роты, Игорь осадилъ взмыленнаго венгерца и соскочилъ на землю.

— Кто тутъ? — послышался голосъ Павла Павловича Любавина, и черезъ минуту небольшая, плотная фигура офицера выросла передъ юношей въ темнотѣ.

Игорь подробно и обстоятельно доложилъ о результатѣ ночной развѣдки.

— Прекрасно! Прекрасно! Весьма цѣнныя свѣдѣнія... Молодчинище! — дружески потрепавъ его по плечу, произнесъ капитанъ. — А теперь еще одна услуга, мой мальчикъ. Вы поскачете къ генералу

и попросите доставить тотчасъ же самымъ ускореннымъ образомъ орудія на тотъ, открытый вашей развѣдкой, холмъ. Ну, съ Богомъ. Вѣдь вашъ конь еще не утомился, я полагаю?

— Никакъ нѣтъ, господинъ капитанъ.

— И вы твердо помните положеніе холма?

— Такъ точно.

— Такъ поѣзжайте же скорѣе и возвращайтесь сюда снова. Мнѣ необходимо знать, что мнѣ отвѣтитъ нашъ генералъ. Подождите, я вамъ дамъ записку.

Любавинъ исчезъ на минуту въ глубинѣ землянки, гдѣ скоро засвѣтился огонекъ. Вскорѣ онъ появился снова передъ Игоремъ и протянулъ тому какую-то бумажку. Игорь тщательно спряталъ ее у себя на груди.

— Я посылаю снова васъ, потому что не могу послать никого изъ солдатъ: каждый штыкъ на счету, каждая рука дорога при данномъ положеніи дѣла... — произнесъ онъ не безъ нѣкотораго волненія въ голосѣ. — На разсвѣтѣ долженъ произойти штыковой бой... Возвращайтесь же скорѣе. Я долженъ васъ видѣть здѣсь до наступленія утра. И не вздумайте провожать къ горѣ артиллерію. Я имъ точно описалъ путь къ ней со словъ вашего донесенія; они сами найдутъ дорогу; вы будете нужнѣе

здѣсь. Ну, Господь съ вами. Живо возвращайтесь ко мнѣ, мой мальчикъ.

Игорю оставалось только повиноваться въ то время, какъ сердце его сжалось въ комочекъ, лишь только онъ услышалъ отданный ему новый приказъ, новое порученіе, благодаря которому отлагалась на неопредѣленное время его поѣздка за раненой Милицей.

Сначала онъ страшно обрадовался, что его командируютъ къ генералу. Юноша помнилъ прекрасно, что сарай, въ которомъ онъ оставилъ раненую дѣвушку, находился всего въ какой-нибудь полуверстѣ отъ горы. Стало быть онъ, служа проводникомъ командируемой туда батареѣ и доведя артиллеристовъ до холма, найдетъ возможность завернуть по дорогѣ за дорогой раненой. И вотъ новое разочарованіе! Капитанъ Любавинъ требовалъ его обратно сюда. И впервые недоброе чувство шевельнулось на мигъ въ сердцѣ Игоря.

— Почему Любавинъ даже не спросилъ про Милицу? Почему не поинтересовался судьбою второго своего юнаго развѣдчика? Господи, до чего ожесточаетъ людей война! До чего она дѣлаетъ людей безчувственными къ чужому горю! — пронеслось было въ мозгу Игоря, но онъ тотчасъ же отогналъ отъ себя эту мысль. Онъ понялъ, что голова Павла

Павловича кипѣла теперь заботами о предстоящемъ боѣ, работала надъ всевозможными комбинаціями, какъ лучше и при томъ жалѣя людей выбить непріятеля изъ его позицій. И, разумѣется, ему было не до другихъ. Разумѣется, онъ могъ въ эти минуты забыть даже о существованіи второго своего развѣдчика, успокаивалъ себя Игорь.

Теперь онъ снова стрѣлою несся по пути къ деревнѣ, находившейся въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда и занятой штабомъ отряда. Ночь уже начинала понемногу таять, выводя первый разсвѣтъ ранняго утра.

— Милица... Мила... Что-то сейчасъ съ тобою? Какъ-то ты себя чувствуешь, какъ переносишь свою рану? — проносилось такъ же быстро, подстать бѣгу лошади, въ головѣ юноши. — Скорѣе бы ужъ, скорѣе бы сдать порученіе, привезти отвѣтъ и мчаться, мчаться за нею, — болѣзненно горѣло тревожною мыслью у него въ мозгу.

Все остальное промелькнуло такъ быстро, что Игорь не успѣлъ и опомниться. Казаки встрѣтили юношу на полпути къ селенію, занятомъ штабомъ корпуса, и проводили его къ генералу. Потомъ спѣшно поднялась орудійная прислуга и, поставивъ на моторы и автобусы пушки и пулеметы, быстрымъ ходомъ выкатили изъ деревни. Впрочемъ, конца сбо-

ровъ Игорь уже не видалъ. Онъ спѣшилъ обратно къ окопамъ. Какъ во снѣ пронеслось передъ нимъ умное, энергичное лицо встрѣтившаго его генерала, героя, отличившагося уже во многихъ бояхъ, его добродушно-простая, ясная улыбка, которою онъ подарилъ юношу, окинувъ взглядомъ вошедшаго въ избу Игоря.

— Доброволецъ-развѣдчикъ? Такой юный? Сколько же лѣтъ? Всего семнадцать? Хвалю. Молодецъ. И уже кавалеромъ почетнаго ордена? Горжусь юнымъ героемъ, служащимъ у меня подъ начальствомъ. Спасибо, голубчикъ!

И онъ отечески потрепалъ по плечу Игоря. Потомъ наклонился къ нему и поцѣловалъ его.

Въ другое время юноша пришелъ бы въ неописуемый восторгъ отъ этой похвалы и ласки заслуженнаго боевого генерала. Теперь онъ лишь смущенно улыбался въ отвѣтъ, и лишь только ему вручили записку, вскочилъ на лошадь и помчался въ обратный путь, то и дѣло пришпоривая измученнаго «венгерца».

Уже замѣтно разсвѣтало, когда усталый конь домчалъ его снова до его роты къ русскимъ передовымъ окопамъ.

Еще не доѣзжая до нихъ съ полверсты разстоянія, Игорь услышалъ первый выстрѣлъ непрія-

тельской батареи. Тамъ, на сторонѣ австрійцевъ, снова замелькали огни. Слѣдомъ за первымъ ударомъ пушки прогремѣлъ второй и третій... Потомъ еще и еще... Безъ числа и счета... Теперь уже безостановочно гремѣла канонада, раздавались тѣ самые удары, что слышала въ лѣсу Милица. Что-то тяжело, съ оглушительнымъ гуломъ плюхнуло на землю позади Игоря и страшный трескъ разорвавшагося снаряда, разсыпавшагося сотнями осколковъ, раздался всего въ нѣсколькихъ аршинахъ позади него. Лошадь рванулась въ сторону, встала на дыбы и вдругъ неудержимою стрѣлою, какъ дикая, понеслась по пути къ окопамъ.

Слѣдомъ за пушечными выстрѣлами, за гуломъ и трескомъ разрывающихся снарядовъ, засвистѣла, завыла шрапнель, затрещали пулеметы, зажужжали пули. Въ прояснившейся дали, въ первыхъ проблескахъ разсвѣта то и дѣло теперь вспыхивали огни... Бѣло-розовыя облачка австрійской шрапнели поминутно взлетали къ небу надъ русскими окопами.

Смѣлѣе, ярче намѣтилось утро. А вмѣстѣ съ нимъ сильнѣе загремѣла канонада непріятельскихъ батарей. Снова задрожала земля отъ непрерывныхъ громыханій пушекъ. Чаще, нежели наканунѣ, тяжело шлепались снаряды впереди и сзади русскихъ окоповъ, за-

сыпая ихъ градомъ осколковъ. Иные попадали по назначенію, всюду сѣя гибель и смерть, десятками и сотнями выводя людей изъ строя. Сѣрые, скромные герои умирали геройски подъ адскій гулъ рвущихся гранатъ, подъ трескъ пулеметовъ и ревъ шрапнели. Все чаще и чаще появлялись теперь санитары съ носилками и выносили изъ окоповъ раненыхъ и убитыхъ. Стоны страдальцевъ непрерывно заглушались адскимъ гуломъ пальбы и ружейнаго треска.

Игорь, блѣдный, нахмуренный и сурово сосредоточенный, съ крѣпко стиснутыми зубами, перебѣгалъ отъ одной группы солдатъ къ другой, всюду поспѣвая, всюду оказывая помощь.

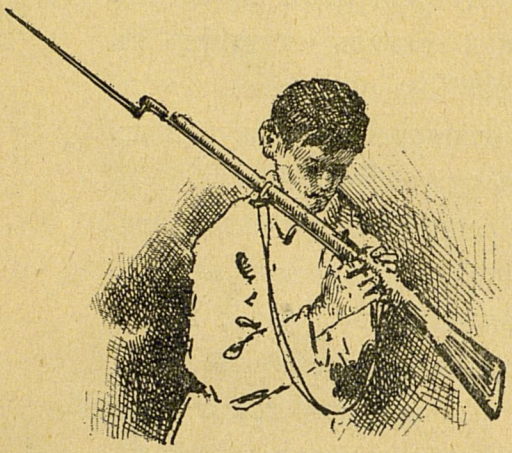
— Испить бы малость... — проситъ вспотѣвшій въ непрерывной работѣ стрѣлокъ, утирая лѣвой рукой потъ, обильно струившійся съ лица, а правою пристраивая винтовку на валу окопа.

Едва дослушавъ послѣднее слово, Игорь захватилъ находившійся тутъ же чайникъ и помчался къ канавѣ, наполненной дождевой водой; почерпнувъ ее, онъ вернулся въ окопъ и подалъ воду солдатику.

— Спаси тя Христосъ, паренекъ. Истинно ублаготворилъ душеньку, — духомъ осушая чайникъ, поблагодарилъ тотъ.

— Заряди-ка запасную, дите, — проситъ другой, протягивая ему винтовку.

Съ тѣмъ же сосредоточеннымъ лицомъ юноша подъ тучею жужжащихъ надъ его головою пуль заряжаетъ ружья. И среди всей этой непрерывной горячки, работы въ пеклѣ самаго ада, въ сосѣдствѣ смерти, онъ не перестаетъ думать о Милицѣ ни на одинъ мигъ.

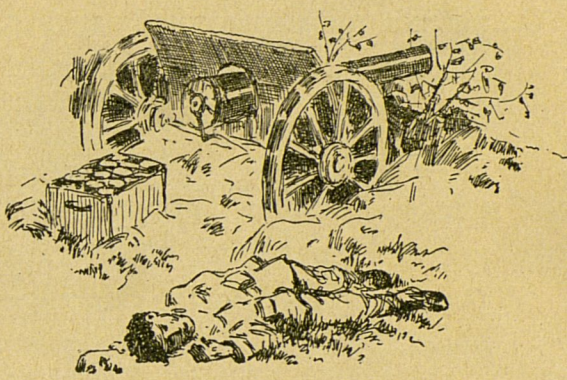


Разнося питье и патроны, заряжая ружья, помогая перевязывать раны, юноша томился непрерывной мукой страха за участь раненаго друга. Ѣхать къ ней сейчасъ нечего было и думать: пули тучами носились надъ полемъ; тяжелые снаряды непріятельскихъ гаубицъ то и дѣло ложились здѣсь и тамъ, вырывая воронками землю, осыпая дождемъ осколковъ все пространство, отдѣляющее два непріятельскихъ отряда одинъ отъ другого.

Да къ тому же не на чемъ было и ѣхать теперь. Венгерецъ, разнесенный на части шальною шрапнелью, давно уже исчезъ съ лица земли. Пробираться же медленно ползкомъ подъ этимъ свинцовымъ градомъ взяло бы немало времени. Теперь же каждая минута была дорога. А между тѣмъ раненая

и безпомощная Милица могла уже давно умереть. — «Я виноватъ, я виноватъ. И буду виноватъ одинъ въ ея гибели. Потому что, самъ толкнулъ ее, слабую дѣвушку, на этотъ тяжелый боевой путь. И нѣтъ мнѣ прощенія», терзался ежеминутно бѣдный юноша. Да и не одного Игоря тревожила участь его друга.

Солдаты то и дѣло, несмотря на горячку боя, освѣдомлялись о второмъ «дите». Онуфріевъ, тотъ нѣсколько разъ заставлялъ повторить Игоря разсказъ обо всемъ происшедшемъ съ «младшенькимъ развѣдчикомъ», какъ онъ называлъ иногда Милицу или Митю Агарина, и этими разспросами еще болѣе бередилъ душу Игоря. Чтобы забыться хоть немного, юноша хваталъ винтовку, проворно заряжалъ ее и посылалъ пулю за пулей туда, въ даль, гдѣ намѣчались при свѣтѣ молодого утра синіе мундиры и металлическія каски нѣмцевъ, соединившихся съ ихъ вѣрными союзниками.



А бой все разгорался съ каждой минутой...

— Ой, братцы, тяжко... — срывается гдѣ-то близко, совсѣмъ близко по сосѣдству съ Игоремъ, и молоденькій, безусый солдатикъ валится, какъ подкошенный, выронивъ изъ рукъ ружье.

Игорь бросаетъ винтовку и стремительно кидается къ раненому. Быстрыми, ловкими руками открываетъ онъ походную сумку стрѣлка, достаетъ изъ нея пакетъ съ перевязочными средствами и живо дѣлаетъ перевязку, предварительно взрѣзавъ рукавъ рубахи, прикрывающей окровавленныя лохмотья того, что за минуту до этого носило названіе человѣческой руки. Потомъ бѣжитъ разыскивать санитаровъ, сдаетъ имъ раненаго и снова возвращается на свое мѣсто. И снова хватается за ружье... О, сколько времени пройдетъ, пока не окончится эта неравная борьба нашихъ чудо-богатырей съ вдвое сильнѣйшимъ врагомъ и онъ получитъ возможность отправиться туда, гдѣ его ждетъ раненая Милица... Бѣдная дѣтка! Вѣроятно она думаетъ, что онъ, Игорь, или самъ погибъ, или вовсе забылъ и думать про нее въ пылу, въ горячкѣ сраженія. Вѣдь непрерывный гулъ пальбы навѣрное разбудилъ ее. Ахъ, если бы она могла знать и вѣдать, въ какомъ аду кромѣшномъ онъ находится сейчасъ!

И какъ бы въ подтвержденіе его мыслей

гдѣ-то рядомъ, совсѣмъ близко, за окопомъ съ оглушительнымъ трескомъ разрывается снова тяжелый снарядъ, и тысяча осколковъ взлетаетъ на воздухъ. Густой черный дымъ на время застилаетъ все кругомъ. Когда онъ разсѣивается, Игорь видитъ: глубоко въ землю уходитъ воронкообразное отверстіе, вырытое снарядомъ; ближайшія деревья выворочены съ корнями... Камни, находившіеся на краю окопа, съ силой отброшены дальше. Кто-то глухо стонетъ подлѣ, и четыре изуродованныя человѣческія тѣла слабо барахтаются на землѣ... На плечо потрясеннаго Игоря опускается загрубѣлая, мозолистая рука Онуфріева.

— Ступай, дите, ступай... Не равенъ часъ, и тебя пристукнетъ, — сурово говоритъ онъ, нахмуривъ брови.

Къ мѣсту катастрофы спѣшитъ Любавинъ.

— Санитаровъ! Носилки! — слышится знакомый охрипшій среди этого ада голосъ офицера, и онъ первый наклоняется къ ближайшему раненому солдату.

ГЛАВА VII.

— Ишь, шельмы, какъ есть, на прицѣлъ въ нашу сторону берутъ, — весело бросаетъ Петруша Кудрявцевъ, безъ устали работая винтовкой.

— И то, дяденьки, на прицѣлъ. Ишь баню задали, синіе черти!

— А ты что жъ это кланяешься все, братецъ? Вишь ты, у насъ онъ какой: передъ кажинной пулей присѣдаетъ, — насмѣшливо проронилъ Онуфріевъ по адресу молодого купеческаго сынка Петровскаго, который, дѣйствительно, приникалъ къ землѣ подъ пролетавшими надъ его головой пулями и снарядами.

— Не больно-то лебези передъ ней, братецъ. Кланяйся не кланяйся, а она все свое возьметъ, — поддерживалъ Онуфріева и Кудрявцевъ.

— Береженаго Богъ бере... — началъ было третій солдатикъ и не договоривъ, распласталъ руки и тяжело грохнулся навзничь.

— Царствіе небесное, готовъ... На мѣстѣ... Эхъ, жаль, хорошій человѣкъ былъ: вотъ тоже кланялся парень, а она свое взяла, — сокрушались товарищи.

— А и впрямь, братцы, въ нашу сторону заладили палить проклятые. Выбить бы ихъ скорѣича, а то сколько они намъ народу перепортятъ. Страсть!

— Смотри, братцы, опять «чемоданъ»[1]) летитъ.

— И то «чемоданъ». Ну, съ такимъ чемоданомъ далеко не уѣдешь.

— Ло-жи-ись! — пронеслось по окопу, и едва только люди успѣли принять команду, какъ тяжелый снарядъ непріятельской гаубицы снова пролетѣлъ надъ ихъ головами и грохнулся позади окопа, роя воронкой землю и сыпля градомъ осколковъ, разлетающихся во всѣ стороны.

— Эхъ, въ штыки бы! — послышался чей-то неувѣренный голосъ.

— Нельзя, покудова приказа нѣтъ... Вишь капитанъ сюда бѣжитъ. Небось сказано будетъ, когда придетъ время.

И время пришло.

Сосредоточенный и суровый явился Любавинъ пе-

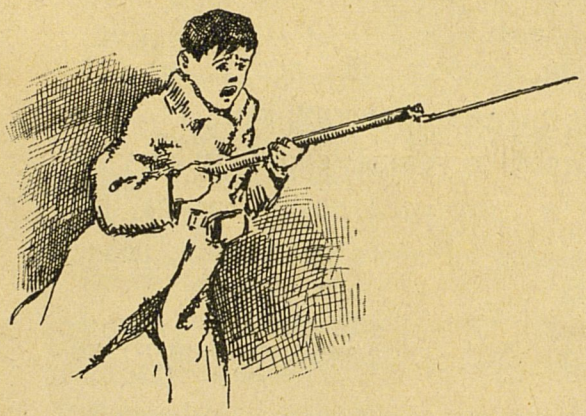
---

[1]) „Чемоданами“ прозвали наши солдатики снаряды тяжелыхъ орудій.

редъ солдатиками-стрѣлками своей роты и бодро крикнулъ:

— Ну, братцы, дождались... Съ Богомъ впередъ, въ штыки...

Игорю казалось, что онъ видитъ сонъ, кошмарный и жуткій. До сихъ поръ юношѣ не приходилось еще участвовать въ штыковомъ бою. Это было его первое штыковое крещеніе, первый рукопашный боевой опытъ. Стремительно выскочивъ изъ окоповъ, стрѣлки спѣшно строились въ ряды и, штыки на перевѣсъ, устремились съ оглушительнымъ «ура», по направленію непріятельскихъ окоповъ.



Попрежнему зловѣще навстрѣчу имъ гремѣла канонада, трещали пулеметы и выла шрапнель. Гдѣ-то впереди мелькали синіе мундиры, кепи австрійцевъ и мѣдныя каски подоспѣвшаго къ нимъ на помощь нѣмецкаго отряда.

Капитанъ Любавинъ первый, махая шашкой, съ револьверомъ наготовѣ, кинулся впереди своихъ

солдатъ... Стрѣлки съ грознымъ раскатистымъ «ура» ринулись слѣдомъ за своимъ ротнымъ.

Какъ въ туманѣ, промелькнуло передъ Игоремъ загорѣлое лицо Онуфріева, съ сурово сжатыми губами, выплыло на мигъ и скрылось въ цѣломъ морѣ огня и дыма.

— Куда! Назадъ! Убьютъ! Зря пропадешь, дите... — донеслось до слуха юноши, и снова ахнули непріятельскія батареи, вырывая цѣлые ряды сѣрыхъ героевъ, отважно спѣшившихъ навстрѣчу смерти. И снова все утонуло въ застлавшемъ поле пороховомъ дыму.

Вдругъ какая-то сила, казалось, подхватила и понесла юношу, сила, которой онъ не могъ уже противиться никоимъ образомъ. Онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ ротой, бѣжалъ со штыкомъ на перевѣсъ захваченной имъ изъ окопа винтовки и кричалъ вмѣстѣ съ другими до хрипоты «ура», заглушаемое непрерывной пальбой съ непріятельской батареи.

Вотъ разсѣялись клубы дыма и навстрѣчу бѣгущимъ по направленію австрійскихъ траншей стрѣлкамъ ринулись синіе мундиры австрійцевъ... Вотъ они ближе... ближе... Уже хорошо видны закаменѣвшія въ выраженіи животнаго ужаса лица передовыхъ рядовъ, сбившейся въ тѣсную кучу непріятельской пѣхоты. Высокій, худой, на длин-

ныхъ, какъ жерди, ногахъ, австріецъ, размахивая саблей, первымъ подскочилъ къ капитану Любавину. Грянулъ короткій револьверный выстрѣлъ, и въ ту же секунду, выпустивъ изъ рукъ оружіе, австріецъ грохнулся на землю, какъ-то нелѣпо подвернувъ подъ себя ноги.

Потомъ все закружилось и завертѣлось въ какой-то сплошной хаотической пляскѣ, пляскѣ смерти, боевого изступленія и торжества... Вдругъ, совершенно неожиданно, заголосили русскія пушки со стороны холма, подоспѣвшія какъ разъ во-время, къ самому разгару боя. Пороховымъ дымомъ окутались верхушки деревьевъ. Грянули снова отвѣтные выстрѣлы непріятельскихъ орудій, и когда снова разсѣялся дымъ, Игорь, работавшій штыкомъ бокъ о бокъ съ Онуфріевымъ, увидѣлъ воочію, какъ первые ряды ихъ полка сомкнулись грудь съ грудью съ непріятельскими батальонами. Оглушительное «ура» слилось съ какимъ-то дикимъ протяжнымъ воемъ... Выкрикивались проклятія... Лязгало желѣзо... Слышались стоны... И опять бѣшеное «ура» загремѣло съ потрясающей силой...

Сжатый наступающими на него со всѣхъ сторонъ непріятельскими солдатами, капитанъ Любавинъ отбивался отъ нихъ револьверомъ и саблей. Прогремѣли одинъ за другимъ еще нѣсколько выстрѣловъ.

Еще одинъ послѣдній и... оружіе было выбито изъ рукъ Павла Павловича налетѣвшимъ на него солдатомъ-нѣмцемъ.

— Братцы, не выдавай капитана! — завопилъ Онуфріевъ и поднялъ на штыкъ угрожавшаго капитану тевтона.

Тутъ же мелькнулъ съ обнаженной саблей подпоручикъ Гординъ, отчаянно отбивавшійся отъ кучи насѣдавшихъ на него враговъ. Потомъ и Гардинъ исчезъ въ общей свалкѣ... Мелькнулъ снова Онуфріевъ и тоже исчезъ куда-то.

Игорь Корелинъ продолжалъ взмахивать штыкомъ безъ передышки. Его сильныя руки работали безъ устали. Ловкій, проворный, онъ избѣгалъ направленныхъ на него ударовъ и поспѣвалъ всюду, гдѣ шелъ самый ожесточенный бой. Вдругъ, находившійся все время неподалеку отъ Любавина, онъ потерялъ послѣдняго изъ вида. Ужасъ сковалъ сердце юноши.

— Братцы, да гдѣ же нашъ капитанъ? — хотѣлъ онъ крикнуть ближайшимъ солдатамъ и въ ту же минуту два дюжіе австрійца наскочили на него. Уже блеснуло лезвіе сабли надъ головою юноши, но чья-то быстрая рука изо всей силы ткнула штыкомъ въ одного изъ нападавшихъ и тотъ, обливаясь кровью, упалъ въ общую кучу раненыхъ и убитыхъ.

— Ловко! Знай нашихъ! Коси дальше! — прозвучалъ голосъ Петра Кудрявцева и онъ бросился въ самую гущу отчаянно сопротивлявшихся враговъ.

Но вотъ снова съ горы изъ-за лѣса, занятаго теперь русскими батареями, грянули русскія пушки. Они словно вдохнули новую бодрость въ русскихъ богатырей. Теперь могучее «ура» полилось уже далеко впереди, надъ самыми непріятельскими окопами. Австрійцы и нѣмцы безпорядочно отступали, бросая орудія и снаряды, бросая винтовки, сабли и патронные ящики. На однихъ передкахъ орудій улепетывала батарейная прислуга, спасаясь безпорядочнымъ бѣгствомъ.

Продолжая вмѣстѣ съ другими кричать «ура» изо всей силы своихъ легкихъ, Игорь вбѣжалъ на непріятельскій редутъ въ первыхъ рядахъ молодцовъ-солдатиковъ, гдѣ уже къ ужасу разбитаго непріятеля побѣдоносно и грозно поднялось русское знамя...

ГЛАВА VIII.

Какъ-то сразу подоспѣли, сгустились на небѣ тучи и сталъ накрапывать мелкій осенній дождь. Этотъ холодный осенній дождь привелъ въ чувство забывшуюся Милицу. Она съ удивленіемъ открыла глаза.

— Гдѣ я? — съ трудомъ соображала дѣвушка.

Спереди и сзади густѣли кусты и деревья. А надъ ними стономъ стояла орудійная пальба. То и дѣло снаряды сносили верхушки деревьевъ, вырывали съ корнемъ березы и липы... Слышались раскаты грознаго «ура» въ промежуткахъ между пальбою. Потомъ все стихло постепенно, воцарилась относительная тишина, только побѣдные крики отъ времени до времени вспыхивали въ сторонѣ непріятельскихъ траншей.

Милица попробовала приподняться, встать на ноги. Положительно она была въ силахъ сдѣлать это, хотя и съ большимъ трудомъ. Сонъ или долгое

забытье подкрѣпили дѣвушку. Боли въ плечѣ почти не чувствовалось сейчасъ, но за то мучительно горѣла и ныла голова... И тѣло было, какъ въ огнѣ. Медленно, шагъ за шагомъ двигалась она теперь вдоль по пролѣску.

Попрежнему моросившій холодный дождь пріятно освѣжалъ горѣвшую голову. Небольшой болотистый лѣсокъ сталъ замѣтно рѣдѣть. Все менѣе слышнымъ становился шумъ битвы. Удалялось громовое «ура», трескъ ружейныхъ выстрѣловъ и безпорядочный гулъ погони.

— Сраженіе выиграно, но кѣмъ, кѣмъ? — мучительно допытывался усталый мозгъ дѣвушки.

И съ трудомъ отвѣчали на это отяжелѣвшія мысли:

— Конечно, нашими... Конечно, русскими... Иначе развѣ могло такъ побѣдоносно звучать это радостное торжествующее «ура»?..

Вскорѣ и вовсе порѣдѣлъ пролѣсокъ. Огромное поле разстилалось теперь передъ глазами дѣвушки. Она окинула все его пространство и замерла при видѣ знакомой, но всегда одинаково тяжелой картины, къ которой никогда не можетъ привыкнуть ни одинъ даже самый здоровый и крѣпкій нервами человѣкъ. Все огромное пространство этого поля было покрыто убитыми. Ихъ еще не успѣли подо-

брать разгоряченные преслѣдованіемъ побѣдители. Откуда-то уже издали гремѣли теперь ликующіе крики и шумъ погони. Австрійскіе редуты были разрушены и пусты... Словно вихрь, пронеслась по нимъ геройская часть храбрецовъ, смыла ихъ и помчалась дальше.

Милица медленно, шагъ за шагомъ, стала обходить лежавшія тутъ и тамъ распростертыя тѣла убитыхъ, вглядывалась въ каждое, съ затаеннымъ страхомъ отыскивая знакомыя черты. Помимо своей роты, она, какъ и Игорь, знала многихъ солдатъ ихъ полка. Многимъ писала на родину письма, многимъ оказывала мелкія услуги. И сейчасъ съ трепетомъ и страхомъ склонялась надъ каждымъ убитымъ, ждала и

боялась узнать въ нихъ знакомыя лица своихъ пріятелей.

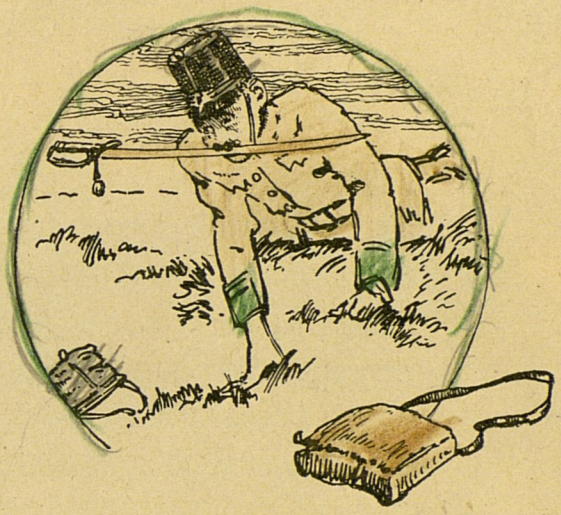
Подходя все ближе и ближе къ непріятельскимъ траншеямъ, Милица наклонялась все чаще надъ распростертыми на землѣ фигурами. Пробитыя штыками тѣла, оторванныя руки и ноги, разорванныя на части снарядами, — все это заставляло содрогаться на каждомъ шагу Милицу. А мысль въ разгоряченной отъ лихорадочнаго жара головѣ твердила монотонно, выстукивая какимъ-то назойливымъ молотомъ все одно и то же:

— Гдѣ Игорь? Что съ нимъ? Живъ ли? Убитъ ли? Раненъ? Что съ нимъ? Отчего не пріѣхалъ за мною? Значитъ убитъ, убитъ, убитъ...

Болѣзненное состояніе, жаръ и полупритупленное благодаря ему сознаніе, какъ-то мѣшали ей глубоко и вдумчиво отнестись къ своему несчастью. Прежнее тупое равнодушіе и апатія постепенно овладѣвали ею... Болѣзнь дѣлала свое дѣло... Горѣла голова... Ознобъ сотрясалъ все тѣло... И ни одной ясной послѣдовательной мысли не оставалось, казалось, въ мозгу.

Вдругъ Милица насторожилась. Странная картина представилась ея глазамъ. У самой траншеи, у перваго окопа непріятеля она увидѣла нѣчто такое жуткое, что сразу привело ее въ себя. Она увидѣла,

какъ одинъ изъ лежавшихъ тутъ непріятельскихъ солдатъ, котораго она сочла мертвымъ въ первую минуту, вдругъ приподнялся и поползъ по направленію лежащаго неподалеку отъ него русскаго офицера. Держа въ зубахъ саблю, медленно и осторожно ползъ нѣмецъ. Вотъ онъ почти достигъ русскаго. Послѣдній какъ разъ слабо застоналъ въ эту минуту и сдѣлалъ чуть замѣтное движеніе.



Что-то знакомое показалось Милицѣ въ блѣдномъ лицѣ этого офицера... Знакомое и дорогое... Да вѣдь это капитанъ Любавинъ! Это Павелъ Павловичъ! — подсказалъ ей внутренній голосъ. Неужели онъ опасно раненъ? Можетъ быть смертельно? Но почему же онъ здѣсь лежитъ?.. Вотъ онъ движется... Вотъ опять... Дѣйствительно, въ эту минуту приподнялась окровавленная голова и снова тяжело опустилась на землю...

А нѣмецъ все приближался и приближался по направленію безпомощно распростертаго Павла Павло-

вича. Теперь онъ вынулъ саблю изо рта и опираясь на нее, сталъ тяжело приподниматься на ноги. Вотъ онъ поднялся съ трудомъ и шагнулъ еще и еще разъ къ Любавину... Вотъ порылся въ кобурѣ, досталъ оттуда револьверъ и сталъ цѣлить прямо въ грудь русскому офицеру.

— Спасите капитана! Спасите! Его хотятъ предательски убить! — крикнула внѣ себя Милица и, собравъ всѣ имѣвшіяся у нея силенки, рванулась впередъ.

Не ожидавшій ничего подобнаго, нѣмецъ дрогнулъ и выронилъ изъ рукъ револьверъ.

Этимъ воспользовался лежавшій по сосѣдству съ офицеромъ солдатъ. Онъ приподнялся на рукахъ, и прежде, нежели убійца успѣлъ отпрянуть, грянулъ ружейный выстрѣлъ, и коварный тевтонъ растянулся на землѣ съ простръленной головой.

— Онуфріевъ! Дядя Онуфріевъ! — узнавъ солдата, закричала Милица, стремительно бросаясь къ раненому.

— Митенька! Дите милое! Да откуда же это тебя Господь принесъ? А мы ужъ думали промежъ себя: сгинулъ, погибъ, померъ нашъ Митенька. Горя и то самъ не свой былъ, — ронялъ дрожащимъ голосомъ Онуфріевъ.

— Такъ значитъ живъ и Горя? Живъ и не раненъ? — вся такъ и встрепенулась Милица.

— Живъ, живъ нашъ дите, Горенька, милостію Божіей живъ. Самъ видалъ, какъ соколомъ взлетѣлъ онъ однимъ изъ первыхъ на непріятельскія укрѣпленія. Молодецъ, герой, что и говорить. А вотъ капитанъ-то, не приведи Господь, никакъ Богу душу отдать собирается?

И Онуфріевъ шопотомъ произнеся эти слова, съ тревогой склонился надъ тяжело раненымъ Любавинымъ.

— Что, ему плохо? — трепетно освѣдомилась Милица. — А вы-то сами, Онуфріевъ, какъ вы-то себя чувствуете? Ахъ, какъ хорошо, что вы успѣли убить этого злодѣя, не то... — лихорадочно говорила дѣвушка.

— Не я, а ты, дите, меня опредилъ, — отмахивался Онуфріевъ. — Кабы не ты, — капутъ, смерть была бы нашему начальнику, отцу родному. Потому, шибко онъ раненъ въ ногу и въ голову. Ему бы съ извергомъ этимъ и подавно не справиться. А ты подоспѣлъ, и несчастью помѣшалъ. Такъ крикнулъ, что, кажись, мертваго бы разбудилъ своимъ крикомъ...

— Ну, а вы? Вы сами-то опасно ранены, Онуфріевъ?

— А кто ее знаетъ, опасно либо нѣтъ. Видать, не опасно, коль смогъ зашибить злодѣя-нѣмца. Да и то сказать про нашего брата: умрешь — не дорого возьмешь. Начальниковъ вотъ куда жальчѣе, господъ офицеровъ. Помочь бы надо нашему капитану, авось не поздно, отнести бы его на перевязочный пунктъ.

— Боже мой! Да вѣдь это невозможно! Вы сами ранены, а у меня не хватитъ на это силы, — убитымъ тономъ произнесла Милица.

— А вотъ попробуемъ... — Ваше высокоблагородіе, а ваше высокоблагородіе, — произнесъ, уже обращаясь непосредственно къ офицеру, Онуфріевъ, — дозвольте васъ потревожить... На пунктъ, значитъ, отнести. Видимо еще не приспѣли санитары. А, пока что, мы и сами справимся. Обопритесь на меня, ваше высокоблагородіе, обхватите за шею, я васъ и приподниму, склоняясь надъ раненымъ, говорилъ Онуфріевъ.

Но, капитанъ Любавинъ, казалось, и не слышалъ того, что говорилъ ему солдатикъ. Онъ только тихо, протяжно стоналъ въ отвѣтъ на слова вѣрнаго рядового. Тогда Онуфріевъ обратился къ Милицѣ:

— Ты вотъ что, пособи мнѣ, дите. Я присяду на корточки, благо рана-то у меня въ боку, такъ ништо ей — дозволяетъ, а ты руки-то ихъ высокоблаго-

родія мнѣ вокругъ шеи накинь, да винтовку подай мнѣ мою, на нее опираться стану. Вотъ и ладное дѣло, какъ-нибудь справимся вдвоемъ.

Дѣйствительно, справились. И не какъ-нибудь, а очень успѣшно и быстро. При помощи Милицы, Онуфріевъ, самъ раненый въ бокъ осколкомъ шрапнели, съ трудомъ взвалилъ себѣ на плечи капитана и потащилъ его по полю. Милица, поддерживая сзади раненаго офицера, не отставала отъ него ни на одинъ шагъ. Стиснувъ зубы, чтобы не застонать отъ боли, Онуфріевъ, весь согнувшись въ три погибели, едва не падая подъ тяжестью ноши, едва передвигалъ ноги. Капитанъ Любавинъ былъ въ полномъ забытьи. Онъ стоналъ все слабѣе и глуше и, наконецъ, совершенно замолкъ.

— Никакъ померъ? — испуганно прошепталъ Онуфріевъ, и вдругъ самъ зашатался. Алой струею брызнула кровь изъ раны въ боку и, не поддержи его во-время подъ руку Милица, герой-солдатъ упалъ бы вмѣстѣ со своей ношей на землю.

— Постой, дай отдышаться и пойдемъ съ Богомъ далѣе... — тяжело переводя духъ, произнесъ онъ, зажимая кровоточащій бокъ выхваченнымъ изъ кармана платкомъ.

Передохнули немного. Милица перевязала рану солдату и снова поплелись дальше... Уже на полъ-

дорогѣ встрѣтили ихъ санитары съ носилками. На однѣ положили капитана, на другія — солдата, который всячески отнѣкивался и открещивался отъ такого недостойнаго, по его мнѣнію, способа передвиженія. Милица, измученная лихорадкой и жаромъ, пошла было подлѣ своего пріятеля. Пройдя нѣсколько шаговъ, она остановилась. Туманъ застлалъ ей зрѣніе... Небо, какъ будто, низко-низко опустилось надъ ея головою, а красные круги поплыли передъ глазами... Словно что-то толкнуло ее въ одну сторону, потомъ въ другую...

Сопровождавшій носилки санитаръ подхватилъ ее во-время, и она тяжело повисла у него на рукахъ...

Опять странное оцѣпенѣніе сковало дѣвушку. Какъ будто, горячія, клокочущія пѣной волны закачали, забаюкали ее, поднимая на своихъ пѣнящихся гребняхъ... Какъ будто гдѣ-то близко, близко запѣло и зарокотало море... Или это не шумъ прибоя, этотъ плескъ? Нѣтъ, то стоны раненыхъ... стоны, доносящіеся отовсюду.

Полевой лазаретъ разбилъ свою палатку подъ гостепріимнымъ кровомъ галиційской деревни. Наскоро вымыты сулемой стѣны. Всюду бѣлые, какъ снѣгъ, столы... Свѣжія койки съ чистымъ бѣльемъ... За-

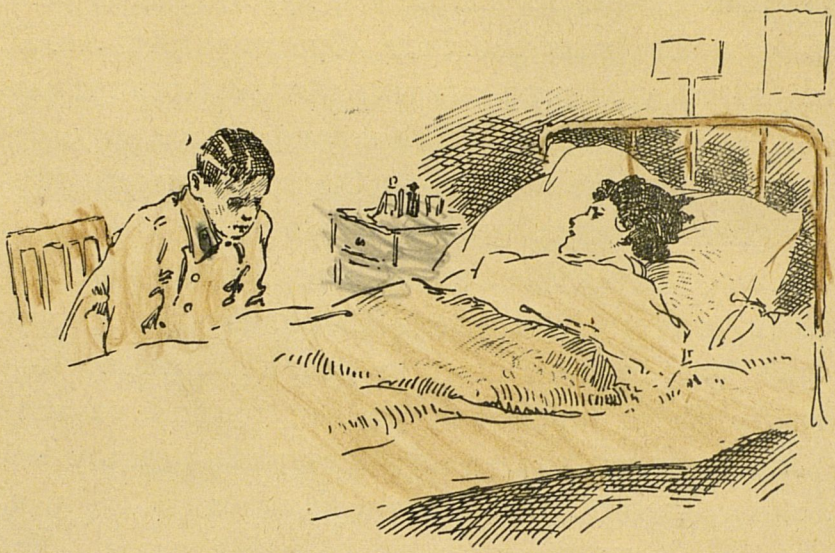
ново наложенныя повязки. Здѣсь перевязываютъ, оперируютъ и эвакуируютъ раненыхъ дальше туда, гдѣ будутъ ихъ лечить уже обстоятельно и упорно.

Милица больна; ея рана загноилась... Опасность зараженія крови... Она бредитъ и стонетъ. Игорь, навѣщающій своего товарища и друга, каждый разъ въ отчаяніи уходитъ отсюда. Она не узнаетъ его... не узнаетъ никого: ни капитана, находящагося тутъ же рядомъ, на сосѣдней койкѣ и потерявшаго ногу, отнятую у него по колѣно, ни Онуфріева, своего вѣрнаго дядьку, другого сосѣда по койкѣ.

Минутами, впадая въ забытье, Милица бредитъ своей родиной, Дунаемъ и Савой, юнымъ храбрецомъ Іоле, отличающимся на родныхъ поляхъ. Или зоветъ Игоря протяжно, упорно, тоненькимъ слабымъ голосомъ, совсѣмъ безпомощнымъ, какъ у маленькаго дитяти. Игорь почти не отходитъ отъ нея. Уходитъ и возвращается къ ея койкѣ снова. Онъ взялъ короткій отпускъ у начальства, заступившаго выбывшаго изъ строя Любавина и, благодаря временному затишью на поляхъ сраженія, можетъ побыть нѣкоторое время у постели своего друга. На душѣ несчастнаго мальчика черно, какъ въ могилѣ всѣ эти дни. Нѣтъ минуты, чтобы раскаяніе не щемило его сердце, — жестокое раскаяніе въ томъ, что онъ способствовалъ побѣгу Милицы на войну. Те-

перь вотъ она, — раненая, больная, жестоко расплачивается за этотъ побѣгъ.

— О, Милица, Милица! — шепчетъ онъ въ тоскѣ, вглядываясь въ измѣнившееся до неузнаваемости лицо дѣвушки. — Я виноватъ, цѣликомъ одинъ я



виноватъ въ твоей гибели, въ твоей болѣзни... Вѣдь не послушай я тебя даже и тогда на развѣдкѣ и привези, несмотря на всѣ твои мольбы и стоны, въ полевой лазаретъ, не пришлось бы тебѣ оставаться безъ помощи одной въ пустомъ сараѣ цѣлую долгую ночь, способствующую ухудшенію раны... А долгъ службы! А необходимость исполнить данное начальствомъ порученіе? — поднимался тутъ же про-

тестующій въ душѣ Игоря голосъ совѣсти, совершенно заглушая недавніе укоры.

И опять юная душа мечется въ смертельной тоскѣ и унынiи и всевозможныя тяжелыя мысли преслѣдуютъ Игоря, не давая ему ни на минуту покоя.

Между тѣмъ, полкъ его выступаетъ дальше, и обычная работа развѣдчика зоветъ его снова въ строй. Положеніе же Милицы еще далеко не выяснено и внушаетъ серьезныя опасенія. Ее отправляютъ со всевозможными предосторожностями въ одинъ изъ госпиталей взятаго у австрійцевъ древне-русскаго города, одного изъ главныхъ городовъ Галиційской земли. Въ послѣдній разъ, скрѣпя сердце, склонился надъ постелью больной Игорь... Въ послѣдній разъ перекрестилъ дрожащей рукой все еще не пришедшую въ сознаніе больную... Въ послѣдній разъ поцѣловалъ ея горячій, раскаленный лобъ, шепнувъ чуть слышно:

— Прощай, моя Мила... Прощай, дорогой товарищъ... Богъ знаетъ, увидимся ли мы съ тобой когда-нибудь?

ГЛАВА IX.

Большой красивый городъ. Чистыя улицы. Бѣгающіе тамъ и тутъ трамваи. Повсюду военные, повсюду солдаты. Любопытная толпа горожанъ, снующая по бульвару и по тротуарамъ, несмотря ни на какую погоду. То и дѣло проѣзжаютъ автомобили, приспособленные для раненыхъ. На каждомъ шагу встрѣчаются зданія со значками госпиталей и лазаретовъ Краснаго Креста.

Въ одномъ изъ такихъ госпиталей, въ бѣлой, чистой, просторной горницѣ лежитъ Милица. Ея осунувшееся за долгіе мучительные дни болѣзни личико кажется не живымъ. Синіе тѣни легли подъ глазами... Кожа пожелтѣла и потрескалась отъ жара. Она по большей части находится въ забытьи. Мимо ея койки медленно, чуть слышно проходятъ сестрицы. Иногда задерживаются, смотрятъ въ лицо, ставятъ термометръ, измѣряющій температуру, перебинтовываютъ рану, впрыскиваютъ больной подъ кожу морфій...

Нынче девятый день болѣзни. Ждутъ поворота на улучшеніе и доктора и сестры. Одна изъ нихъ, молодая, блѣдная, съ сѣрыми умными глазами и открытымъ лицомъ, съ особенной заботой и нѣжностью ухаживаетъ за нею. Въ карманѣ этой сестрицы имѣется письмо, въ которомъ близкій, родной человѣкъ въ краткихъ словахъ описываетъ всю захватывающую повѣсть Милицы. Здѣсь уже знаютъ, что она дѣвушка, служившая въ развѣдчикахъ, получившая знакъ отличія за удачно выполненную задачу. Но имя ея неизвѣстно никому, кромѣ одной только развѣ этой сѣроглазой сестрицы, что бережетъ и лелѣетъ ее, какъ родную сестру... Но сѣроглазая сестрица въ этомъ отношеніи нѣма, какъ рыба, и не подѣлится ни съ кѣмъ тайной Милицы, которую свято хранитъ въ тайникахъ души...

Въ одно студеное сентябрьское утро синіе глаза молодой сербки широко раскрываются и смотрятъ впервые за все время болѣзни сознательнымъ, яснымъ взглядомъ. Раскрываются еще шире, встрѣтясь съ другими глазами, полными готовности пожертвовать собою для другихъ. И вдругъ вспыхиваютъ неожиданной радостью.

— Игорь! — шепчетъ Милица. — Милый Игорь, какъ я счастлива увидѣть тебя!

— Не Игорь, а Ольга... Ольга Корелина, родная сестра Гори, — отвѣчаетъ ласковый голосъ, и нѣжныя мягкія руки сестры милосердія любовно и ласково гладятъ юную черненькую головку, рѣзко выдѣляющуюся среди бѣлыхъ наволочекъ. — Милая дѣвушка, я знаю все... Вамъ не имѣетъ смысла скрывать отъ меня что-либо... — звучитъ такъ ласково и просто голосъ Ольги Корелиной.

Она — вылитый портретъ брата и не мудрено, что Милица приняла ее за него. Тѣ же честные открытые глаза, смѣлые и живые, то же благородное умное лицо. Да, такой довѣриться можно. И слова исповѣди, самой искренней, самой горячей рвутся изъ сердца Милицы.

Сегодня она чувствуетъ сама начало своего выздоровленія... Ей лучше, замѣтно лучше, такъ пусть же ей дадутъ говорить... О, какъ она несчастна! Она слабенькая, ничтожная, хрупкая дѣвочка и больше ничего. А между тѣмъ, у нея были такіе смѣлые замыслы, такія идеи! И вотъ, какая-то ничтожная рана, рана навылетъ шальною пулей и она уже больна, уже расклеилась по всѣмъ швамъ, и должна лежать недѣли, когда другіе проливаютъ свою кровь за честь родины. Развѣ не горько это, развѣ не тяжело?

И, говоря это, Милица плачетъ, какъ маленькое дитя, по-дѣтски же кулакомъ утирая глаза. Ея нервы

стали никуда негодными за послѣднее время... Эти ужасы войны совсѣмъ развинтили ее.

Сестра Ольга смотритъ на нее добрыми, умными глазами.

— Милая дѣтка, — говоритъ она, все еще любовно гладя короткіе изсиня-черные волосы больной, — природа распорядилась человѣчествомъ какъ нельзя болѣе мудро. Она щедро надѣлила мужчинъ силою, выносливостью и упорствомъ среди военной бури особенно. Зато намъ, женщинамъ, дала другое: мужество въ иной работѣ, нѣжность и мягкосердечіе. Милая Милица, зачѣмъ вамъ было насиловать свою женскую природу и выбирать себѣ подвигъ, по которому безусловно не можетъ и не должна итти женщина, на который у нея не хватитъ силъ? Нельзя итти противъ природы, дорогое дитя. Я знаю, что вы отвѣтите мнѣ: что вы горите жаждою принести пользу человѣчеству, что были и историческіе примѣры, когда женщины сражались въ бояхъ... Кавалеристъ дѣвица Надежда Дурова, напримѣръ. Но вѣдь это было исключеніе, и Дурова съ колыбели привыкла къ звукамъ трубы и походной жизни. Вы же могли бы достигнуть желаемаго и инымъ путемъ. Развѣ не принесли бы вы еще и большую пользу хотя бы здѣсь, ухаживая за ранеными, нежели тамъ, на поляхъ сраженія, гдѣ нужны

не женская выносливость и силы? Кончайте ваше образованіе, вступайте хотя бы на тотъ путь, на который вступила я. Тутъ вы будете полезнѣе и нужнѣе... А тамъ предоставьте дѣло мужчинамъ, рожденнымъ уже воинами, борцами, по большей части, согласно ихъ природѣ. Каждому — свое. А теперь, постарайтесь уснуть и подкрѣпите ваши силы. Вамъ предстоитъ черезъ нѣсколько дней долгій путь въ Петроградъ.

Вотъ онъ снова этотъ садъ частью съ пожелтѣвшей, частью съ опавшей листвою!.. Вотъ они снова старые клены, разрумяненныя багровой краской румянца красавицы-осени — янтарно-желтыя березы. Старый милый садъ, здравствуй! Здравствуйте и вы, послѣдніе дни бабьяго лѣта съ вашими студеными утренниками и полдневнымъ солнцемъ!

Милица уже съ недѣлю, какъ снова въ институтскихъ стѣнахъ. Тетя Родайка ни словомъ не обмолвилась про тайну своей племянницы и никто не знаетъ о томъ, гдѣ провела эти полтора мѣсяца смѣлая дѣвушка. Тетя Родайка, великодушнѣйшая изъ женщинъ всего міра, сообщила начальству о серьезной болѣзни племянницы, протекавшей съ самаго іюля подъ ея кровлей. И никто не осмѣлился заподозрить въ неискренности старую сербку. Этой

невинной ложью добрая тетя Родайка спасла племянницу. Скрыла она поступокъ племянницы не

только отъ начальства дѣвушки, но и отъ ея семьи. По полученіи письма Милицы передъ бѣг-

ствомъ ея на театръ военныхъ дѣйствій, старуха сразу поняла и оцѣнила благородный порывъ юной племянницы и въ тайнѣ своего сердца не осудила ее. Вѣдь въ жилахъ Милицы Петровичъ текла кровь сербскихъ храбрецовъ-юнаковъ, кровь ея отца-героя, ея братьевъ, отличающихся въ битвахъ на поляхъ родной страны. И тетя Родайка, сама выросшая среди этой героической семьи, можетъ быть, будь она моложе, поступила бы такъ же. Она не искала Милицу, не посылала въ погоню за ней. Она съ растерзаннымъ страданіями сердцемъ предпочла терпѣливо ждать ея возвращенія или чего-нибудь худшаго, на что она не посмѣла бы и роптать.

Но когда больная, слабая, чуть державшаяся на ногахъ Милица предстала передъ лицомъ тетки, та съ рыданіемъ обняла племянницу и взяла съ нея слово, что та не повторитъ болѣе своего безумнаго поступка.

И племянница дала это слово своей старой теткѣ. Милица поняла, убѣдилась теперь воочію, что не слабымъ женщинамъ нести всѣ тяготы браннаго дѣла. Другіе идеалы манили ее теперь. Ей мерещились новыя цѣли, новыя достиженія. Слова Ольги Корелиной глу-

боко запали въ юную душу. Да, она кончитъ курсъ, выйдетъ изъ института и будетъ учиться новому захватывающему дѣлу... Дѣлу ухода за больными и ранеными такъ же, какъ Ольга, отдавшая себя этому служенію, какъ много тысячъ другихъ славныхъ, мужественныхъ, русскихъ женщинъ и дѣвушекъ. И въ долгіе часы уединенія, особенно здѣсь, въ послѣдней аллеѣ институтскаго сада, на своемъ любимомъ мѣстѣ, вдали отъ тѣхъ, отъ кого такъ ревниво прячетъ она свою тайну, какъ прячетъ и безцѣнный знакъ отличія у себя на груди, Милица, содрогаясь, припоминаетъ всѣ подробности пережитыхъ ею ужасовъ на войнѣ...

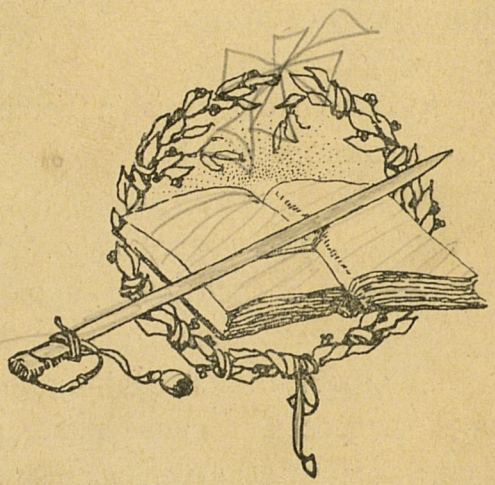
Это случается особенно тогда, когда тетя Родайка приноситъ дѣвушкѣ письма изъ дѣйствующей арміи, гдѣ ея другъ Игорь съ успѣхомъ продолжаетъ подвизаться на поприщѣ развѣдчика. Письма его полны самыми подробными описаніями новыхъ боевъ. Вотъ тогда и воскресаютъ снова и встаютъ передъ дѣвушкой картины недавняго пережитого... Иногда

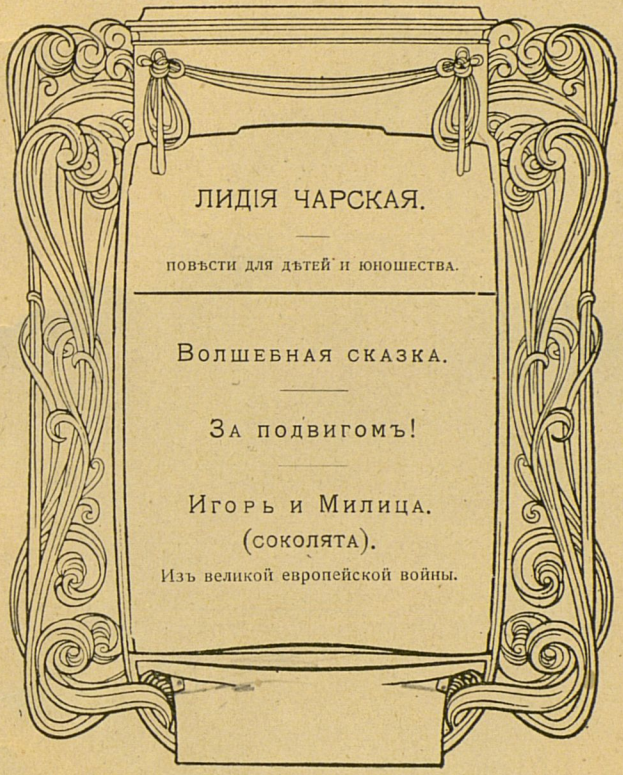
это пережитое кажется сномъ... И только маленькій орденъ-крестикъ, привѣшанный на шейную цѣпочку и спрятанный за сорочку, эта святая драгоцѣнная реликвія, — служитъ наглядным доказательствомъ тому, что не сномъ, а истинною дѣйствительностью было все пережитое Милицей...

А война все кипитъ, все пылаетъ своимъ кровавымъ полымемъ. Все идутъ и идутъ на защиту праваго дѣла могучія русскія дружины, смѣлая и непоколебимая мужественная армія и безстрашно рвутся впередъ на враговъ отечества наши славные герои — чудо-богатыри!

Помоги же имъ и правому дѣлу, Великій Боже!..

Конецъ.




ЛИДІЯ ЧАРСКАЯ.
ПОВѢСТИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА.
Волшебная сказка.
За подвигомъ!
Игорь и Милица.
(соколята).
Изъ великой европейской войны.

400

РНБ РУССКИЙ ФОНД
133
4595